

ИРИНА КОТОВА

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

СОРВАННЫЙ ВЕНЕЦ
СКРЫТОЕ ПЛАМЯ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

Иллюстрация на форзаце *Ольги Лялиной*

Иллюстрации внутри книги *В. Ажулич, А. Ларюшиной, Е. Совы*

Обложка и иллюстрации *А. Литиной*

Дизайн обложки *Е. Козиной*

Котова, Ирина Владимировна.

К73 Королевская кровь. Сорванный венец. Скрытое пламя / Ирина Котова. — Москва : Эксмо, 2023. — 896 с.

ISBN 978-5-04-172758-1

Калина — чудесница из Полозовичей, вотчины Змеиногo царя.

От нечистого спасает, на удачу заклиняет, водичку живую от неведомого благодетеля местным поставляет. Но всё меняется, когда исчезает лучший друг и сам Кощей Бессмертный зовёт в свои чертоги, обещая любовь и ласку. Стоит ли верить? И что таится за нежностью Кощеевой? Поможет ли он отыскать друга или заведёт к гибели?

Но Калина не робкого десятка, да и в беде своих не оставляет!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172758-1

© Котова И., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

Том 1

СОРВАННЫЙ ВЕНЕЦ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Начало августа, Иоаннесбург
Марина

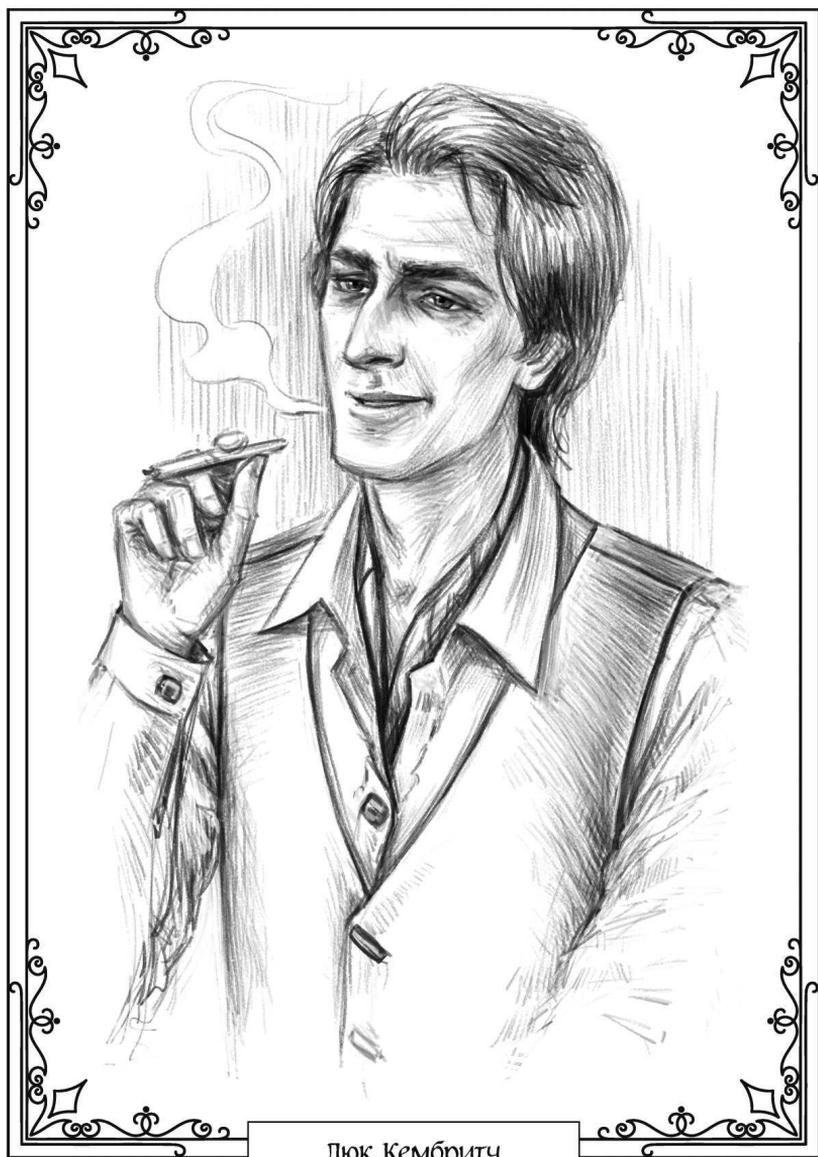
Бензина не хватит, — с досадой сказала я, глянув на недвусмысленно загоревшийся красным огонек на приборной панели. Три мои сестры, только что загрузившиеся на заднее сиденье и предварительно сложившие пакеты с едой из торгового центра в багажник, дружно застонали.

— И докуда мы доедем? — с отчаянием спросила Полина. Я и сама была готова застонать, ибо время было позднее, и тащиться с тяжеленными сумками к отчому дому на общественном транспорте, пусть даже у всех были проездные, не хотелось. Да и успеть бы на этот транспорт! Электрички в наш областной городок ходят до половины двенадцатого, а сейчас уже полонинадцатого. Вокзал расположен на другом конце города, и что напрямую, что по кольцевой — топлива вряд ли хватит. Мы отправились в торговый центр сразу после того, как я закончила смену, и денег на покупки у меня было впритык. И последние я, как умная, потратила на крем для рук и ночнушку — старой уже можно было только полы мыть, да и руки мои после работы в больнице выглядели словно у сорокалетней.

— Я что, оракул? — огрызнулась я. — До заправки дотянули бы точно, если было бы чем заплатить. А теперь как получится, все лучше, чем тащиться домой прямо отсюда. Если заглохнем — перегрузимся и понесем вещи на себе, аки верблюдицы.

Очередной дружный стон был мне ответом. Я завела машину, и она ответила уверенным мурчанием. Ах ты ж моя кошечка, не подведи, довези! Довезу как смогу, ответила моя старая, почти отслужившая свое кошечка, однако не на святом духе же.

Мы тронулись и покатались через ярко освещенную парковку к дороге, которая пролегла мимо огромного торгового центра и выводила на кольцевую. Машин практически не было, я крутила руль, погружившись в невеселые мысли и в недобрые предчувствия. Успеть бы до электрички.

Люк Кембритч

— Мариш, погоди! — заверещала сзади та же Полинка. Она сидела наискосок от меня и смотрела в окно. — Стой! Сдай назад! Смотри, там мужик стоит около остановки маршруток, давай его подбросим куда нужно, а он нам заплатит, нам же много не надо на бензин-то!

Идея была здравая, но я по природе такой застенчивый человек, что скорее руку себе отгрызу, чем навяжусь кому-то или попрошу об услуге. Впрочем, я давно научилась скрывать неуверенность в себе за показной бравадой и едкостью.

Я сдала назад — девчонки взволнованно запищали — и остановилась возле потенциального попутчика. Увидела через стекло только, что он опирается на трость, открыла окно. Мужчина чуть помедлил и наклонился.

— Здравствуйте, — сказала я самым нежным и завлекательным голосом, на который была способна. — Может быть, вас подвезти?

Он был как-то впечатляюще некрасив, даже возраст определить не представлялось возможным. Черты лица, состоящие из углов, крупный нос, широкий рот, мощные брови и большие, чуть сощуренные глаза. Мужчина усмехнулся, перевел взгляд на моих сестер. Девочки все тоже старательно улыбались и просто излучали радостное желание подвезти незнакомого и несимпатичного хромого мужика туда, куда тот скажет.

Наконец он заговорил.

— Нет, спасибо. За мной уже едут. Да и вред ли вам со мной по пути.

Голос у него был спокойный, низкий, немного насмешливый и будто чуть простуженный. Неудивительно, если учесть, что он курил, и сигаретный дым проникал через окна в машину.

— Нам с вами по пути, по пути! — вразнобой заверили сестры, а я промолчала — зачем навязываться.

Но, видимо, на наших лицах отразилось такое разочарование, что он помедлил, уже с открытой насмешкой разглядывая нас и не отнимая руку от окна, а затем со словами «Впрочем, почему бы и нет» открыл дверь, выбросил сигарету и забрался внутрь.

Машина сразу показалась очень маленькой, мужчина мгновенно заполнил ее чужим запахом. Крепкий табак и свежая туалетная вода. Пассажир был высоким и сложился чуть ли не втрое, поморщившись, когда сгибал правую ногу. Трость он положил поверх колен.

Я тихо тронулась с места, глядя прямо перед собой. Было ну очень неловко.

— Вы не хотите спросить, куда мне? — Ирония в его голосе просто убивала. — Или милые дамы решили меня похитить?

— Да, и правда, — я заставила себя улыбнуться, — куда вас подвезти?

— В центр, на Императорский переулок, дом три. Знаете, где это?

Знала ли я? Конечно, я знала. Это было что-то из прошлой жизни, где мы не считали деньги, а работать членам нашей семьи считалось просто невозможным.

— Знаю, — сухо ответила я, чем заработала косою взгляд с его стороны.

Так мы и поехали: я — старательно глядя только прямо или в зеркала, он — беззастенчиво разглядывая меня или посматривая на дороге, а сестры сзади — в каком-то траурном молчании. Они, видимо, тоже стеснялись. Или, как и я, вспоминали. Хотя Каролинке тогда было всего четыре года.

Мы ехали минут двадцать, и моя красавица с моторчиком даже не фыркнула. Я стала робко надеяться, что дело не в бензине, а в неисправности его индикатора и что, может, доберемся-таки до дома без приключений.

С оживленного центрального проспекта, где, несмотря на поздний час, машин было много, а света еще больше, мы свернули в тихий проулок. Еще несколько поворотов и пять минут поездки — и мужчина кивнул влево:

— Остановите здесь, пожалуйста.

Да. Огромный дом, выглядывающий из глубины утопающего в зелени сада. Невысокие, но явно недоступные для незваных гостей ворота и витая ограда вокруг. Горящие окна только на третьем этаже — там, где традиционно живет прислуга. Автомобильная дорога до дома, освещенная наземными фонариками. Деньги, власть и многие поколения аристократии. Я почувствовала, как у меня встает комок в горле.

— Конечно, — произнесла я вежливо, развернулась и припарковалась у ворот дома.

— Спасибо, — сказал мужчина, открыл дверь, не без труда выбрался из машины под наше гробовое молчание и вышел.

Мы посидели немного, наблюдая, как он медленно, хромя и опираясь на трость, идет к воротам, открывает маленькую калитку, проходит внутрь, и тут неутомная Полина озвучила общую мысль:

— А как же деньги?

У меня не открылся рот попросить у него денег. Если он сам не сообразил, то как-то неловко... Да, я дурочка и поступила глупо и нелогично, но что поделаешь, если в таких ситуациях, когда надо просить для себя, у меня все противится внутри и отнимается язык?

— Может, доедем без дозаправки. — Оптимизма в моем голосе было хоть отбавляй.

Но не тут-то было. Не отъехав от дома и трехсот метров, машина встала прочно и бескомпромиссно.

Я в ярости вышла из автомобиля, достала пачку сигарет и закурила. В нашей семье курила только я одна; впрочем, работая в хирургии, трудно не закурить. Девчонки выбрались из салона, окружили меня. Переулочек был глух и тих, ближайшая заправка из тех, что я помнила, — в двух километрах отсюда, а метро — рядом с ней. Автобусы в этом районе не ходили — у аристократов, живущих здесь, просто не было в них нужды.

— Может, бросим машину и продукты, дойдем пешком до метро, а завтра вернемся и заберем? — предложила молчавшая до сих пор Алинка.

— Продукты испортятся, — тоскливо протянула Полина, — да и посмотри, какой квартал. До завтра машину обязательно эвакуируют, потом ищи ее на штрафстоянках и выкупай. А откуда мы деньги возьмем?

Пухленькая Каролина ожесточенно жевала пончик и молчала. Она всегда ела, когда нервничала, и надо бы ее показать психологу, но он стоил больше, чем содержание машины или пончики.

Я докурила, пальцы мои дрожали, как всегда перед отчаянным шагом. Было дико страшно.

— Я сейчас все решу, ждите в машине. — И я пошагала обратно, к дому, у которого мы высадили попутчика.

Подошла к воротам, позвонила. Засветился экран справа, появилось изображение охранника.

— Что вам нужно?

Я тряслась как заячий хвост.

— Я владелица машины, довезла хозяина дома, ну вы видели ведь? — По его лицу было непонятно, слышит он меня или нет. — Дело в том, что он забыл кое-что.

— Сейчас к вам выйдет охранник, отдадите, — отчеканил сидящий в экране.

— Да нет, нет, — суетно заговорила я, — он не вещь забыл, а забыл нам кое-что отдать.

— Зайдете завтра, заберете, в такое время я беспокоить хозяина не стану.

— Но я не смогу завтра зайти, — с нажимом произнесла я, — мне надо сегодня!

— Извините, ничем не могу помочь, — и экран погас.

Я повернулась спиной к воротам, прислонилась к ним. Снова закурила. В трехстах метрах отсюда, в машине, полной необходи-

мых нам продуктов, сидели сестренки, которых везти ночью на общественном транспорте ой как не хотелось. Пусть из-за летних каникул завтра никому не надо в школу или в институт, перспектива ночевки в машине тоже не вдохновляла. Я побилась легонечко о холодный металл затылком, стало полегче. Звонить отцу или старшей сестре? Это значит искать стационарный телефон, будить соседку. У нас мобильных не было, да и чем помогут родные? Я стала лихорадочно вспоминать знакомых или коллег, к кому могла бы обратиться. Беда, что старых друзей не осталось, а с новыми я, памятуя о старых, сходилась очень трудно.

— Проблемы? — раздался сзади насмешливый и хрипловатый голос.

Я обернулась. Оказывается, он все время сидел рядом, на скамейке, расположенной у ворот и укрытой от лишних глаз какими-то цветущими кустами.

— Что вы, — со злостью сказала я, — никаких проблем.

Оттолкнулась от ограды и, громко топая, пошла вверх по улице, к машине.

* * *

Оставшись без собеседницы, Люк покачал головой. Ему сразу стало понятно — нервничаящим девицам что-то от него нужно, поэтому он и не сдержал любопытства, сел на свой страх и риск в машину. Да, начальство по голове за это не погладило бы, благо оно не в курсе его авантюры. Милые попутчицы вполне могли оказаться нанятыми убийцами, похитителями или подосланными забраться в койку, чтобы завтра появился благородный папаша с дюжиной свидетелей и священником. Поэтому Люк всю дорогу ждал, пока заговорит старшая.

Что-то точно было нечисто, так как она старательно не смотрела на него, а уж сидела с таким выражением на лице, будто сейчас оторвет от напряжения руль. Девчонки сзади почти высверлили в его затылке дырку своими взглядами, да еще и подглядывали в зеркало. И он был почти разочарован, когда его спокойно высадили и уехали. Сел на скамейку у ворот, спрятанную в «розовом гроте», закурил, позвонил Михаилу, чтобы разворачивал автомобиль, высланный за ним к торговому центру, послушал пение птиц, отхлебнул коньяка из фляги, чтобы унять растревоженную ногу. И тут старшая вернулась. Охранники молодцы, сработали на «отлично», но проклятое любопытство все-таки дернуло Люка обнаружить свое присутствие.

И что же? Ни выстрела, ни попыток соблазнения (хотя он понимал, что это глупо, за время поездки его можно было убить много раз). Но что же тогда надо проклятой девице?

Люк быстро, насколько позволяла нога, пошел к пункту охраны, как только собеседница скрылась из виду. Двое охранников подняли на него взгляды.

— Борис, сходи посмотри, что там, — обратился он к тому, что постарше. Тот кивнул и вышел из сторожки на улицу.

* * *

Сестры встретили мое возвращение вопросами «Ну как, получилось?», но я покачала головой.

— Девочки, меня даже внутрь не пустили.

— Ты молодец, что попыталась, — приободрила меня Полина. — Я бы со страху умерла.

Учитывая, что сестра училась на геологическом, отделение вулканологии, и уже проходила практику на вулкане, это был весомый комплимент.

— Что же нам теперь делать? — всхлипнула Каролинка. Ей только исполнилось двенадцать, и она очень просила взять ее с собой за покупками. Теперь она устала, перенервничала и отчаянно зевала. Алина, наша спокойная и немногословная сестра, обняла ее за плечи.

В стекло с моей стороны неожиданно постучали, да так неожиданно, что я взвизгнула. Заглядывал в салон тот же охранник, что разговаривал со мной по коммуникатору.

— Выйдите из машины, — сказал он. Девчонки испуганно приоткрыли.

— Что вам нужно? — Я приоткрыла окно чуть больше, всем видом показывая, что для нашего разговора этого достаточно.

— Нет, это вам что нужно? — резко спросил он. — С какой целью вы рвались в дом, почему не уезжаете сейчас?

— Да не рвалась я! — Я была уязвлена до мозга костей.

— Дяденька, — вмешалась Полина жалобно, — да у нас бензин кончился. А мы вашего хозяина подвезли, вот и думали, что вдруг он поможет. Машина полна продуктов, до заправки не дотолкаем, а если и дотолкаем, то оплатить нечем.

Лицо охранника смягчилось, и он снова оглядел нашу расстроенную компанию.

— Покажите багажник, — сказал он.

— Зачем?! — возмутилась я.

— Хотите помощи — показывайте. — Настойчивости ему было не занимать.

Я хотела послать его подальше и послала бы, если бы была одна. К сожалению, люди, находящиеся под твоей ответственностью, очень способствуют усмирению гонора, особенно если это младшие сестры.

Охранник тщательно просмотрел все пакеты, прохлопал дно багажника и повернулся ко мне.

— Можно ваши документы?

— Ну конечно. — Мне оставалось только язвить. — Можно и документы, и деньги. Правда, денег нет.

Он внимательно глянул на меня.

— Либо документы, либо мне придется вас всех обыскать.

— Мы бросимся врассыпную, — я протянула ему водительское удостоверение, — и будем визжать на всю улицу.

Охранник, по-моему, даже улыбнулся в усы и скомандовал:

— Ждите, сейчас попробую решить.

Он отошел, начал кому-то звонить.

— Да, — доносились его слова, — все в порядке, я проверил. У девочек кончился бензин, хотели попросить помощи. Да? Нет, скорее всего, нет. Михаил уже поехал домой. Да, понятно. Сейчас.

Усатый дядька выключил телефон и подошел к нам. Мы с надеждой, как цыплята на маму-курицу, воззрились на него снизу вверх.

— Хозяин зовет вас в дом, пока мы будем решать вашу проблему, — сказал он.

Я, конечно, и смутилась, и возмутилась, и попыталась отказаться. Решающим стал голос Каролины, которая пропищала, что хочет в туалет. Пришлось выбираться из машины и идти к дому. Ключи от автомобиля я оставила охраннику.

У ворот уже ждал лакей, который проводил нас в дом и пригласил, расположившись в небольшой гостиной, подождать, пока изволит явиться хозяин. Каролинка сразу же попросилась в дамскую комнату, и слуга повел сестру куда-то вглубь дома. Я села в мягкое кресло, и меня немедленно потянуло в сон. Встала я сегодня в шесть и была уже на пределе.

Полина и Алина изучали гостиную.

Да, комната была прекрасна, как и сам дом. Небольшая, но просторная, с диванчиком и несколькими креслами из зеленой кожи посередине, поставленными вокруг невысокого чайного столика из красного дерева. Высокие стены, обитые по низу светлыми деревянными панелями с вырезанными лилиями и розами, а по вер-

ху — такими же панелями из красного бархата. Камин — вычищенный, со стальными приборами на треноге и аккуратно сложенными дровами рядом. Книжные полки, уставленные книгами. Телевизор на полстены и небольшая, но мощная аудиосистема, из которой сейчас лилась приятная расслабляющая музыка.

Алина сразу схватила какую-то книгу, забралась с ногами на диван и погрузилась в нее. Я мельком увидела название: «Редкие и исчезающие виды живых существ». Ну, она всегда любила читать, поэтому и была самой умной из нас. Мне боги такого ума не дали, поэтому я и пошла учиться на медсестру в училище, параллельно подрабатывая на скорой помощи и ухаживая за престарелыми пациентами. Сейчас я работала в государственном госпитале хирургической сестрой, и это было неплохо. Денег платили мало, но их отсутствие было еще хуже.

Полинка ходила по комнате, изучая обстановку, изредка касаясь каких-то предметов пальцами. Она вдруг оглянулась, и я увидела в ее глазах отражение своих чувств. Семь лет мы не были в таком доме. Прошлое вовсе не забылось, оно просто спряталось, чтобы напоминать о себе тяжестью в груди и горькими сожалениями, которыми, впрочем, делу не поможешь. Поэтому я ободряюще улыбнулась ей и кивнула на кресло. Сядь, посиди, не трави себе душу, сестренка. Ну и мне, конечно.

В комнату вошла Каролина, уже успевшая где-то обзавестись чашкой с чаем, за ней — тот самый лакей, который нас встретил у ворот, с подносом в руках. Он ловко расставил по столику чайные приборы, разлил чай и водрузил в центр корзину со свежее испеченным хлебом. От сладковатого и душистого запаха у меня судорожно сжался желудок — после работы я ничего не ела. Сестренки, такие же голодные, как и я (кроме Каролинки), быстро окружили столик.

Раздалось какое-то дребезжание, и красивая пышная женщина в годах вкатила в гостиную тележку, полную еды. Она поздоровалась с нами («Здравствуйте», — поприветствовали мы ее нестройным хором), разгрузила содержимое тележки на столик и ушла. Теперь сидеть и ждать неизвестно чего было совсем невыносимо. Еда яростно пахла, желудок яростно грыз меня изнутри.

— Как королевши принимают, — горько произнесла Алина. Я усмехнулась, а Полинка нахмурилась. Каролина села на диван и, прихлебывая чай, рассказала, как она побывала на такой огромной кухне, где поместится весь наш дом и где та самая повариха, Марья Алексеевна, угостила ее чаем и конфетой и сказала идти в гостиную, ибо хозяин приказал нести туда ужин.

Тут вошел сам хозяин. Он выглядел посвежее и даже не таким страшным, хотя и симпатичным его при всем желании назвать было нельзя. Он заметно хромал и опирался на трость. По всей видимости, пока мы его ждали, наш попугайчик успел принять душ и переодеться.

— Вот мы и снова увиделись, — сказал владелец дома, кивая в знак приветствия. — Дамы, мне очень неловко, что из-за меня вы оказались в такой ситуации. Давайте поужинаем, а за это время слуги решат проблему.

— Вовсе нет. — Я с усилием подняла на него глаза. — Мы бы оказались в такой ситуации в любом случае. Это полностью моя вина, я не подумала заправиться заранее. Мы благодарны вам за ваше гостеприимство, лорд?..

Он улынулся, разгадав мой маневр.

— Лорд Кембритч. Теперь вы тоже можете представиться.

— Мы сестры, — медленно проговорила я.

— Я Каролина! — выкрикнула одновременно со мной младшенькая. Кембритч перевел взгляд на нее.

— Очень приятно, Каролина. А как зовут твоих сестер?

Ничуть не смутившись, Каролинка представила нас. Марина, Полина, Алина, Каролина. Что сделаешь, если с детства чувствуешь себя частью детской считалочки. Хорошо, что здесь нет Ангелины и Василины, а то ситуация стала бы комической. У родителей были накрепко связаны руки в том, что касалось выбора имен. Но на их месте я точно постаралась бы как-то соригинальничать. Хотя у нас традиция еще достаточно мягкая. Были и похуже. У Инлэндеров, правящей королевской семьи соседней с нами Инляндии, все мужские имена должны были начинаться на букву «Л». А в семействе Ши мужчины назывались именами, несущими значение, близкое к слову «великолепный». Каково всю жизнь прожить с именем Великолепный Ши? Лучше уж быть Мариной, так я думаю.

— А ваш род? — снова спросил он.

— Богуславские, — ответила я. Сестры посмотрели на меня и закивали. Богуславские — это одна из наших родовых фамилий. Правда, такая дальняя и малозначащая, что публично ее не объявляли никогда. На моей памяти — уж точно никогда.

— Вот и познакомились, — хрипло сказал лорд Кембритч. Глаза его впелись в мое лицо, будто изучая или пытаясь что-то понять. Даже притом, что узнать нас было невозможно, мне стало не по себе. — Давайте ужинать.

Формат гостиной предполагал, что гости едят взяв тарелки в руки. По этикету в таких ситуациях хозяин сам ухаживает за го-

стями. Но так как ему было тяжело двигаться, эту роль взяла на себя я. Конечно, лорд Кембритч мог пригласить нас в столовую, но это означало бы ту степень близости, которой мы не обладали.

Я двигалась вокруг столика, выполняя пожелания хозяина и сестер, и чувствовала на себе его раздражающий взгляд. Больше всего я боялась, что он каким-то чудом узнает нас. Хотя это было невозможно, но кто поймет иррациональный страх? Поэтому я, не глядя на владельца дома, обошла вокруг столика, убедилась, что все имеют на тарелках всё, что хотят, и села на свое место. Наконец-то я могу поесть!

Полина, которая ела как птичка и весила столько же, увидев мое состояние, стала развлекать (и отвлекать, умничка моя, сестричка любимая) лорда, расхваливая его дом и расспрашивая об обстановке, о том, кто еще живет здесь (жил он один, со слугами), женат ли, где путешествовал, и задавая прочие обязательные и безопасные с точки зрения этикета вопросы.

Несмотря на голод, мне кусок в горло не лез. Я взяла чай в руки, откинулась на спинку кресла. Раздражал взгляд хозяина. Беспокойно было, как там моя машинка, каким образом нам помогут — дадут денег или залиют бензина — и насколько трудно будет ехать по загородной ночной дороге долгие два часа до дома. Я снова прислушалась к разговору.

— А что с вашей ногой? — учтиво спрашивала Полина, подливая лорду чай. — Надеюсь, ничего серьезного?

— Глупости, — отмахнулся Кембритч и снова искоса взглянул на меня. Достал, ей-богу. Я ясно представила, как размахиваюсь и бросаю чашку с чаем ему прямо в лицо. Последние несколько лет у меня бывали такие приступы, когда хотелось что-то разбить или кого-то убить. — Я как любитель был участником небольшого ралли в горном районе, не справился с управлением, и мы свалились с берега в реку. Больше воды наглотались.

— Ох, — сказала Полина, глядя на него лучистыми глазами, — вы же могли погибнуть!

Умничка моя. Умничка!

— Там не река, а одно название, — усмехнулся хозяин дома. Ага, а ты не хвастун и не тщеславен. — Да и было это полгода назад. Мы проехали почти полторы тысячи километров и стали бы первыми, если бы я не гнал слишком быстро и был осторожен на берегу.

В моей голове зашевелились обрывки новостей: ралли «Северная звезда», катастрофа, реанимация. Фотографии были во всех газетах и новостях. Странно, как я его сразу не узнала. Виконт Кембритч,

бывший гонщик, скандально известен в свете. Любитель, как же. Небольшое ралли, ага.

— А что говорят медики, что будет с ногой? — продолжала сестричка.

— Хромота постепенно уменьшается, но перегружать ногу не стоит...

Теперь все мои сестры смотрели на него с восхищением. Я же смотрела на девочек и забавлялась. Раненый герой, гонщик и к тому же лорд. Что еще нужно, чтобы заставить девичьи сердца биться чаще. Глупышки мои. Я сжала губы и отвернулась.

Черт, черт, черт, опять его взгляд! Ну что же такое! Пальцы крепче сжали ручку чашки, а с губ уже было готово сорваться колкое замечание. Не надо на меня смотреть. Я вам незнакома. У меня самая обычная внешность. Она не может вам никого напоминать.

— Марина, вы напряжены. Что-то не так?

Спросил все-таки, не удержался. Я изобразила светскую улыбку.

— Все в порядке, лорд Кембритч, спасибо за заботу. Я устала после смены, вот и кажусь не очень общительной.

— А где вы работаете?

— В областном госпитале, в Земноводске.

— Марина у нас хирургическая медсестра, — похвасталась Поли, — может, даже делала вам операцию после аварии.

Не сестренка, а святая простота. Наш хозяин улыбнулся, покачал головой.

— Нет, меня сразу переправили в Королевскую лечебницу, на листолете.

Понятно. Простых смертных на листолетах в лазареты не доставляют. Видимо, благородный облик воздушного корабля-капли не сочетается с неаристократической кровью.

— А живете вы где? — прервал он мои размышления.

Спас нас лакей, заглянувший в дверь и сообщивший, что машину заправили и перегнали в гараж особняка.

— Лорд Кембритч, благодарю вас за помощь и прием, но нам нужно ехать, — сказала я со слишком явным облегчением и отругала себя. — Время уже позднее, родные наверняка волнуются.

Лорд с изумлением и неодобрением посмотрел на меня.

— Госпожа Богуславская, неужели вы думаете, я отпущу вас из дома после полуночи, да еще и за рулем? Это просто возмутительно!

Да, это было на грани оскорбления, но пусть думает, что мы не знаем этикета, чем ломает голову над тем, откуда мы его знаем. И так уже подставились по полной.

— Тем не менее я настаиваю, — твердо сказала я, глядя ему в глаза.

— Ни в коем случае, — ответил лорд своим простуженным голосом, не менее твердо глядя на меня. — Мои предки мне этого не простят.

Мы сидели друг напротив друга, а девчонки на диванчике замолкли, перестали жевать и даже, по-моему, дышать, ожидая, чем закончится наше противостояние.

Казалось, что он смотрит уже не в мои глаза, а куда-то внутрь головы, в затылок, и пауза в те моменты, когда мы сверлили друг друга взглядами, затянулась до неприличия. Мир вокруг поплыл и заглох. Стучали часы, поскрипывало окно от ветра, я слышала, как колотится кровь в висках. Мы будто неслись навстречу друг другу на немыслимой скорости, и до столкновения оставались какие-то доли секунды.

Я с трудом отвела взгляд.

— Хорошо. Но рано утром мы уедем. Спасибо вам за все, что вы сделали для нас.

* * *

В эту ночь Люк Кембрич, властительный господин и лорд, долго не мог уснуть, пытаясь понять, что же в девицах Богуславских было такого не соответствующего их внешнему виду, и вспомнить, не мог ли он видеть их раньше. Но вспомнить виконт ничего не мог, как ни пытался сопоставить виденные им вечером девичьи лица с набором лиц из прошлого. И это было неудивительно — тех, кем его гости были раньше, он мог встретить только на официальных портретах и фотографиях много лет назад. Да и трудно было бы даже искушенному разуму сопоставить светловолосых и сияющих юных девушек и девочек с забредшими к нему потрепанными и усталыми девицами.

* * *

Я проснулась за светом, действительно рано, и в первый миг не поняла, где нахожусь. Затем все вспомнила. На часах было около пяти, но что поделаешь — привычка вставать на работу не оставляла мне выбора даже в выходные. Я просыпалась до восхода солнца, и уснуть снова не получалось, а валяние в кровати вызывало головную боль.

Вчера, измученная долгим днем и неудачным вечером, я просто упала в кровать. Мне едва хватило сил, чтобы снять одежду. А те-

перь я могла изучить комнату. Все равно сестер будить еще рано — да и по дому бродить тоже.

Спальня была обставлена выше всяких похвал. Сдержанные тона, много дерева. Огромная кровать у одной стены, напротив нее — туалетный столик с зеркалом. Справа от кровати во всю стену шторы, рядом с ними — столик, кресло. Слева — дверь в коридор, следом — двери в гардеробную и, по всей видимости, в ванную комнату. Ох, если там есть ванна, я знаю, чем займусь!

Ванна была. Нет, не так. Там была ВАННА. Огромная, со ступеньками, спускающимися ко дну, с батареей нераспечатанных бутылочек с шампунями, гелями и маслами. Огромное же зеркало, умывальник, напоминающий формой морскую ракушку, прикрепленную к стене. Кабинка с туалетом. Недолго поколебавшись, я повернула вентили кранов, и в ванну с гулом забили мощные струи воды. Почистила зубы, пока она набиралась, скинула белье и зашла в теплую воду получить свои полчаса удовольствия. Когда еще придется побывать в таком доме?

Через полчаса я приказала себе встать. Честное слово, не хотелось. Хотелось остаться тут жить, пока не раствориться в бурлящей от хитро сделанных массажных струй воде, спрятаться от того, что ожидало нас за пределами этого дома. Хотелось продлить сказку. Но по опыту я знала, что чем дольше ты в сказке, тем больше от нее отрываться. Поэтому я безжалостно выгнала себя из воды, жестко растерлась полотенцем и вышла из ванной обратно в спальню.

Стрелка на часах еще не дошла до шести — чем мне было заняться? Есть не хотелось, воды я напилась из стоявшего у кровати кувшина, книги навевали скуку. Хоть в окно посмотреть, что ли. Я подошла к тяжелым шторам, занимавшим всю стену и спускавшимся до пола, и с силой дернула их в стороны. И замерла, медленно отодвигая занавески до упора — сначала одну, потом другую.

Моя спальня находилась на первом этаже, а шторы закрывали огромное высокое окно во всю стенку.

А за волшебным окном колосилась пшеница мне по грудь, расцвеченная затесавшимися среди колосьев фиолетовыми вьюнками и голубыми колокольчиками. В розовом и красном сиянии из-за пшеничного поля поднималось солнце, и лучи его пробивались через утреннюю дымку, освещая мое лицо. Вдалеке виднелся какой-то лес. Слева вставали горы — судя по характерным красным склонам, пограничные Милокардэры, которые находились больше чем в тысяче километров от Иоаннесбурга.

— О боги, — прошептала я, потрясенная. Я была права — в таком доме мне вряд ли еще придется побывать. Рука сама потянулась к едва различимой двери в прозрачной стене.

Я вышла из дома. Прямо от двери через поле уходила узкая тропинка. Было уже жарко, как и всегда на юге. Пели полевые птицы, выющие гнезда прямо в пшенице. Стрекотали цикады. Мир был полон покоя и счастья.

Я не собиралась уходить далеко от дома, но тут вдруг побежала навстречу солнцу, крича от восторга, чувствуя, как давно забытое и зарубцевавшееся раскрывается новой надеждой, будто я сейчас смогу взлететь, полная этого чувства. Но не смогла — упала. И впервые за последние годы заплакала. Слезы пошли тяжелые, густые, будто из души изливался гной, прятанный все это время под старой раной; они липкими каплями падали на одежду, протекали сквозь пальцы, прижатые к лицу, и никак не хотели останавливаться. Я лежала, скорчившись, на боку, в одной майке и трусиках, посреди прекрасного, освещенного восходящим солнцем поля и тихонько, но безудержно выла, чувствуя, как судорожно царапает горло, как что-то сжимает сердце, как подкатывает к горлу тошнота, будто слез не хватало, чтобы извергнуть из себя все накопившееся.

Так я лежала достаточно долго, пока не кончились слезы. А с ними — и мое самоуважение. Семь лет я клялась себе, что не пророню ни слезинки после того, что случилось. Надо было быть сильной ради отца, ради сестер. И вот, хватило нескольких часов привета из прошлого, чтобы я расклеилась, а то, что так хорошо держалось внутри, вышло наружу.

— Простудитесь.

Нет, только не это.

Не глядя на него, я встала и пошла к дому. Он хромал следом.

Здесь, в южных полях, дом был одноэтажным, с полностью стеклянной стеной. Судя по отдернутым шторам в соседней комнате, этой ночью мы были соседями.

Перед входом я обернулась и постаралась, чтобы мой голос звучал уверенно. Насколько вообще может звучать уверенно голос девушки, одетой в тапочки, майку и трусики, измазанной с одного бока землей, с опухшим лицом и красными глазами.

— Спасибо за гостеприимство и помощь, лорд Кембритч. Мы в течение часа уедем. Прошу вас, не провожайте нас. Мы доставили вам немало хлопот.

Он покачал головой, но ничего не сказал. В глазах его я увидела понимание. Ситуация была неловка нам обоим.

— До свидания, — произнесла я сухо и, закрыв волшебную дверь, задернула шторы.

Мы приехали в Орешник к одиннадцати утра. Я была молчалива, сестры же наперебой обсуждали наше «приключение». В других обстоятельствах и я бы к ним присоединилась, но только не сейчас. Я еще глубоко переживала и свои слезы отчаяния, и неловкую ситуацию в поле за домом. Были и хорошие стороны — бак был полон, и его хватит надолго, продукты не испортились, так как их держали в холодильнике.

Кембритч так и не появился, а слуги очень вежливо нас накормили, собрали и проводили. Усатый охранник, прощаясь, даже подмигнул мне.

Папа копался в огороде. После гибели матери отцу надо было чем-то заниматься, чтобы мы не умерли с голоду. Работать по понятным причинам он не мог — кто же возьмет инвалида? А вот свое хозяйство как-то вдруг пошло. Огородом, курами и козами заведовал отец, а кухней и домом — Ангелина. Ей было уже под тридцать, и она фактически заменила нам мать, насколько ее можно было заменить.

А вот и она, машет из окна, приглашает скорее зайти в дом. Ветер и правда пронизывающий. Крупная Ангелина с раскрасневшимся лицом, закатав рукава, пекла пирожки. Мы дотащили пакеты и стали рассортировывать продукты: что в холодильник, что в чулан, что в погреб, семена — отцу на стол.

Девчонки со смехом рассказывали о вчерашних происшествиях, а я молча наблюдала за Ангелиной. Когда-то она была изумительно красива. На руках ее не было следов от ожогов, появившихся, когда она только училась готовить, и мозолей от работы в огороде. Учиться надо было быстро, ведь на попечении оказались бестолковые сестры и раненый отец.

У Ангелины тогда были длинные белые косы, а сейчас — закрученные в узел черные волосы чуть ниже плеч. Не было морщинок и усталой спины, не было потухших глаз.

«А ведь она помнит больше нас всех, — вдруг подумалось мне. Растревоженное прошлое никак не хотело возвращаться туда, где оно хранилось все это время. — Кто знает, что ей пришлось пережить, когда от нее отказался жених, когда у нее были самые блестящие перспективы и ей предрекали счастливую жизнь. Светлый Ангел, Снежный Ангел, так ее называли. Не плачет ли она каждую ночь так, как я сегодня?»

После смерти мамы я ни разу не видела Ангелину плачущей. Она всегда была тепла и всеобъемлюща, ее любви, казалось, хвата-

Ангелина Богуславская

ло на всех. Сестра полностью взяла на себя хозяйство и уход за отцом после произошедшего. Пока он выздоравливал, она фактически одна тянула на себе нас и дом. Мы, конечно, помогали по мере сил. Но именно Ангелина устроила младших в школу, неизвестно каким образом договорившись с директором, и настаивала, чтобы они учи-

лись. Именно она решала все вопросы с главой поселения, когда он интересовался, откуда в Орешник прибыла такая необычная семья. Именно она уговорила отца отпустить сестру замуж, когда королевский егерь, небогатый, но происходящий из древнего рода, попросил руки Василины.

Конечно, в прежние времена такой мезальянс был бы невозможен. Но не сейчас — приходилось быть практичными. Мы действительно никогда не сможем отплатить Ангелине за все, что она для нас сделала.

Полинка с Алинкой побежали в огород обнять отца и показать ему семена, которые они купили. Каролина помчалась в другую сторону — к соседским девчонкам. А я вымыла руки и стала помогать сестре.

ГЛАВА 2

Начало июля, Милокардэры

— Эй, Плишка, не теряй следа!

Охотники, забравшиеся так высоко на Драконий хребет, он же Стиральная доска, как только позволял разреженный воздух, остановились на привал, с усмешками наблюдая за самым молодым и неопытным, карабкающимся далеко позади. Кричать не следовало, чтобы не снять лавину, но удержаться от поддразнивания младшего товарища не было мочи. В команде каждый из них когда-то был новичком и каждый проходил через это. Что поделаешь, таковы законы существования в мужском коллективе.

Плишка упорно карабкался вверх, недоумевая, почему он решил пойти в охотники, а не остался, как заповедовала мамка, простым и понятным землепашцем. Позарился, дурак, на возможное богатство.

Охотники, убившие хотя бы одного снежного барана, потом ходили гоголями, сорили деньгами, все девки были их. Богатеи платили за шкуры баранов больше, чем крестьянин мог выручить за свой годовой урожай, а зубы, рога и железы маги выкупали еще охотнее. У каждого охотника был свой крепкий дом. Не барский, конечно, но получше, чем у селян. Вот и потянуло дурака на приключения.

Весь секрет ценности снежного барана был в том, что жил он там, где большинство людей уже теряли сознание от недостатка кислорода. Шкура его была непробиваема не только для пуль, но и для выпущенных пушечных ядер — в старину проверяли. Правда, от сло-

манных ребер она не уберегала, но от верной смерти — да. Питался сей реликт исключительно лишайниками, растущими в пещерах и на склонах Драконьего хребта, и лишайники эти в буквальном смысле делали его практически бессмертным.

Среди охотников упорно гуляла легенда о стаде горных снежных баранов, спрыгнувших с обрыва высотой в километр, разбившихся внизу почти в отбивные, а через пару часов восстановившихся и мирно пасшихся на лугу. Поэтому шкура шла на бронжилеты, доступные лишь очень богатым людям, доспехи для боевых магов, а все остальное, включая фекалии, — на различные лечебные микстуры, эликсиры и прочие лекарские штуки.

Почему не добывать этот лишайник напрямую? Потому что только в бараньем желудке он ферментировался, делая баранов неуязвимыми. Что не мешало им мирно помирать от старости. Но после естественной смерти волшебные бараньи свойства волшебным же образом испарялись, поэтому туши их годились разве что на еду. И то на любителя, ибо жилисты они были исключительно.

Поймать или загнать барана ввиду его не менее исключительной прыгучести было куда труднее, чем подстрелить. Били барана в ноздрю или в глаз. Но лучше в ноздрю, так как глаз портился, а значит, охотники получали меньше денег. Учитывая, что в глаз попасть ничуть не легче, чем в ноздрю, в стрелки шли только самые меткие, выносливые и жадные. И не каждой команде за всю жизнь удавалось убить снежного барана. Часто зверобои так и перебивались всю жизнь дичью поменьше и попроще. Счастливчикам же истово завидовали, их имена передавались из уст в уста, обрастая легендами и становясь сказаниями.

Горе-охотник Плишка поднял руку, чтобы убрать пот с лица... и упал, покатился вниз по склону. Гора заходила ходуном, тут и там змеились трещины, а от земного оглушающего гула душа уходила в пятки.

Вдруг все затихло. Плишка, пролетевший вниз не менее полукилометра, медленно, в звенящей тишине приходил в себя. Раздался топот сотен копыт, и, огибая охотника, вниз пронеслось стадо снежных баранов. Но Плишка даже не подумал дернуться к ружью. Он широко раскрытыми глазами, будто в каком-то трансе, наблюдал, как вершина горы, на которой сбоку была стоянка его товарищей, где металась и кричала в ужасе бегущие к нему люди, медленно и со страшным вибрирующим скрежетом сползает вниз. Линия разлома проходила именно там, где он стоял несколько минут назад. Огромная скальная масса с покрывающими ее ледниками, все уско-

ряясь, ползла к ущелью, пока не рухнула с оглушающим грохотом, взметнув фонтаны камней и снега. С гор вокруг побежали лавины, снег под Плишкой тоже дрогнул и рванулся по склону, увлекая охотника за собой.

Когда он вновь очнулся, то лежал почти у подножия горы, каким-то чудом оставшись в живых. Сверху продолжали сползать массивные языки снега и ледников, сыпаться камни. Речка, питавшая долину, была перекрыта огромным скальным осколком, бывшим когда-то пиком Драконьего хребта. Плишка поднял глаза на саму гору... и побежал, хромая, вниз по склону, попискивая, как загоняемый заяц, чувствуя, как еще немного — и вонзятся в спину длинные когти, поднимут, разорвут и разворотят. И было чего бояться.

Над срезанным пиком летали, потягивались, взмывали в небо и просыпались десятки и сотни давно исчезнувших ящеров — белых драконов.

Через три недели голодный и оборванный Плишка добрался до родной деревни. Деревенский голова, серьезный и обстоятельный мужик, выслушал рассказ чуть не двинувшегося от удивленного парня и отправил его к матери — откармливаться и отмываться. Строго-настрога велел молчать об увиденном. Убила охотников лавина — и все тут. Не бывать парню зверобоем, зато дурь из головы выбита надежно, будет крестьянствовать и мечтать о легком богатстве перестанет. Жаль, конечно, погибших, у многих остались дома, огороды... Ну, они всяко без хозяев не останутся, приедут родственники, заселятся.

Чуть позже голова сам собрался, не доверив это дело посреднику, с новостями к владельческому барону. Пробуждение белых драконов было не тем слухом, о котором можно было бы промолчать.

Начало августа, Иоаннесбург
Люк Кембритч

Глава разведки парламентской республики Рудлóg, она же Красное поле, в первый раз на памяти Люка Кембритча проявлял признаки волнения. Черный как смоль, с оливковым лицом и большими миндалевидными глазами, он скорее был похож на какого-то тидусского актера, чем на главу спецслужбы. Лицо его всегда выражало дружелюбие и уважение к собеседнику, губы были сложены в полуулыбку, а глаза так и светились вселенской добротой. Многие обра-

нывались, но не Люк. Лорд Кембритч видел своего начальника в деле и знал, что он, не моргнув глазом, отдаст приказ закопать живьем любого, если это будет нужно государству.

Начальник Управления государственной безопасности Майло Тандаджи был обладателем уникального ума, что и позволило ему из иммигранта и простого агента вырасти до нынешнего положения. Немало поспособствовала этому и революция. Останки его предшественника мирно гнили на Северном кладбище, что было, по мнению Люка, очевиднейшим свидетельством его, предшественника, профессиональной непригодности.

Кабинет, в котором Люк находился не первый раз, был расположен в Зеленом крыле бывшего королевского дворца, а ныне дворца правительства, и представлял собой апогей организованного хаоса. Каждый вошедший терялся среди обилия бумаг, карт, записок, схем, прикрепленных на стены, лежащих на полу и на стульях. Однако эффективности работы Майло это никак не мешало — казалось, что для него система расположения всего этого хлама вполне понятна и организована (впрочем, за некоторые бумаги из этого «хлама» главы разведок иностранных государств печень бы пожертвовали и обе почки).

Приглашение от Майло пришло Люку с утра. В нем начальник любезным образом сообщал, что, когда у лорда Кембритча найдется время, он хотел бы его видеть. У Тандаджи была странная страсть к кокетству, смешанному с язвительностью. По факту это означало, что Люку надо спешно поднимать свою задницу и мчаться в Управление настолько быстро, насколько возможно. Не забыв уничтожить послание, конечно. Слуги во все времена были любопытны и болтливы, а чем меньше людей знает о том, что лорд Кембритч сотрудничает с Зеленым крылом, тем лучше. Самим людям.

У выезда из дома он остановился возле поста охраны, опустил стекло, подозвал охранника.

— Борис, ты запомнил номер машины наших вчерашних гостей?

— А то! — обиделся охранник. — Я и номер водительских прав помню.

— Разбудь-ка мне информацию о них. Кто родственники, где работают-учатся, где живут, с кем встречаются. Ну, учить тебя не надо, сам все знаешь.

— Сделаю, лорд Кембритч.

Крутя руль, Люк вспоминал вчерашнее утро. Он так и не вышел проводить гостей, хоть это и было верхом пренебрежительности. Просто ему, 35-летнему прожигателю жизни, видевшему на своем

веку немало неприятных ситуаций, было чудовищно неловко. Он будто подглядел момент обнажения такого сокровенного горя, которому свидетелем не должен был быть ни один человек. Он и последовал-то за девушкой, потому что испугался, что она заблудится с непривычки, так как поле шло под уклон и разглядеть дом через несколько сотен шагов было невозможно. Потом потерял ее, наткнулся уже на лежащую и плачущую, похожую на маленькую девочку в этих своих майке и трусиках. Скрюченное тело на голой земле, в измятых колосьях не вызывало никакого эротического чувства, только жалость и неловкость, будто он подсматривает за чем-то непристойным. И он бы вряд ли открылся, но что-то толкнуло остановить ее вытье, безнадежное, как у собаки с перебитым позвоночником.

Хотя и заработал за это взгляд, способный заморозить даже вулкан.

Лицо Марины было ему незнакомо, но поведение вызывало много вопросов, а больше, чем машины и скорость, Люк Кембритч любил загадки. Нерешенная загадка мучила его днем и ночью, как зуд в труднодоступном месте, мешала заснуть, заставляя работать мозг и упорно искать решение. Зуд по этой загадке начался еще вчера, сразу после отъезда девушек. Промучившись день и ночь, Люк понял, что ему не хватает информации, и решил доверить ее сбор профессионалу.

Люк, опираясь на трость, дошел до кабинета начальника, постучал и зашел внутрь. Майло жестом показал ему садиться. Сам он что-то писал и, удивительное дело, периодически нетерпеливо постукивал карандашом по столу и поглядывал на дверь.

Но вот она открылась, и сзади раздалися шаги. Люк повернул голову и мысленно присвистнул. Дело обещало быть не просто интересным, а **ОЧЕНЬ** интересным. В кресло у окна опустился премьер-министр Мйнкен, поприветствовавший лорда Кембритча легким кивком.

— Прежде всего, — заговорил премьер, — я вынужден просить всех присутствующих не упоминать о данном разговоре нигде и никогда.

Это предупреждение было излишним, но Люк и Тандаджи кивнули, подтверждая услышанное.

— Лорд Кембритч, господин Тандаджи рекомендовал вас как крайне молчаливого человека, специализирующегося на особо щекотливых делах.

Люк из чувства внутренней иронии промолчал, только кинул быстрый вопрошающий взгляд на начальника. Тот был невозмутим, как всегда.

Минкен молчание собеседника оценил, одобрительно сверкнув глазами.

— Еще раз прямо скажу, что дело, с которым я обратился в Зеленое крыло, крайне конфиденциально. Повторяю: никто, кроме нас троих, не должен знать об этом поручении.

Люка начало раздражать это хождение вокруг да около, и он с тоской вспомнил, что забыл сигареты в машине. Тандаджи был крайне демократичен, и, ежели сотрудник хотел курить, он мог курить в его кабинете — не прерывать же из-за этого совещание! Сам начальник рудложской разведки не курил. Точнее, курил, но не табак, что очень расстраивало его мамочку и жену, периодически объединившихся ради избавления сына и мужа от хоть и редкой, но вредной привычки, несмотря на перманентное состояние войны между собой.

Дело в том, что Тандаджи, как истинный тидүсс, был крайне привязан к маме и настоял, чтобы она жила в их с супругой замечательном доме. Но две хозяйки превращали его пребывание там в ад, поэтому трудоголиком Майло был не только прирожденным, но и вынужденным.

А уж наличие или отсутствие сигареты в руках сотрудника никак не мешало господину начальнику секретной службы хвалить его, если есть за что, или методично и досконально втоптывать в землю, ежели, не дай боги, сотрудник где-то напортал.

— Вам будет предоставлена только та часть информации, которую вам нужно знать, — продолжал Минкен, водя длинным пальцем с аккуратным ногтем по ручке кресла. На среднем пальце левой руки у него поблескивало черное кольцо-печатка, передающееся от одного премьера к другому. — Ваша задача — в кратчайшие сроки посетить указанных в этом списке людей и задать им необходимые вопросы. Ответы желательно записывать на диктофон, но так, чтобы, если вас перехватят, носитель не нашли, даже разделав труп.

Деликатный Тандаджи при слове «труп» чуть поморщился — не потому, что боялся или не одобрял разговоры о мертвых. В его должности с отошедшими в мир иной приходилось встречаться чаще, чем с любимой супругой, а некоторым (ладно, больше чем некоторым) и организовывать встречу с иным миром раньше срока. Просто в его ведомстве мальчиков не было, все знали инструкции и понимали, как нужно действовать, чтобы избежать утечки. А уж

возможную смерть тем более не обсуждали, заданию просто присваивалась степень сложности от самой легкой «Д» до самой сложной и опасной «А». «Агент всегда должен быть готов умереть», — любил повторять впитавший мудрость своего народа Тандаджи, читая лекции в школе службы внутренней и внешней безопасности. Правда, тидуссы вместо «агент» говорили «мужчина», но сути это не меняло.

— С необходимой информацией вас ознакомит подполковник Тандаджи, — закончил премьер и встал. — И, лорд Кембритч, — он понизил голос и пристально глянул на смотрящего на него снизу вверх виконта, — если ваши поиски увенчаются успехом, я вас не забуду.

После этих слов он величественно проследовал из кабинета, оставив Люка в веселом недоумении, а Тандаджи — в состоянии легкого недовольства от вторжения вышестоящего аристократа на его территорию. Впрочем, недовольство на лице Майло было скорее похоже на улыбку от дурман-травы.

— Что это было? — спросил Люк, когда шаги премьера затихли.

— Это, мой молчаливый друг, — равнодушно (но получилось с изумительным сарказмом) ответил Тандаджи, — очередная попытка войти дважды в одну реку. Подойди-ка сюда.

Люк послушно встал, прихрамывая, обошел стол и остановился у плеча начальника.

— Возьми в верхнем ящике, — обронил Майло, раскрывая толстенную папку, лежащую прямо перед ним. На папке наискосок была приклеена бирюзовая зачарованная полоса — знак высшей секретности. Папка настраивалась на конкретные руки, и открыть ее могли только несколько человек. В случае попадания не в те руки она мгновенно исчезала, чтобы появиться в огромном начальственном сейфе, стоявшем в святой святых Зеленого крыла — личной спальне Тандаджи, где его запрещалось трогать и в которой он отдыхал от трудов праведных и любимых домашних мегер.

Люк непонимающе глянул на начальника, наклонился открыть ящик и чуть не прослезился — там лежал блок сигарет его любимой марки «Вулканик» и россыпь зажигалок.

— Отец родной, — простонал он, затягиваясь, — все, ты меня купи с потрохами. Я у тебя любимчик, да?

— Ты у меня головная боль, гонщик недоделанный, — процедил Тандаджи, брезгливо отряхивая пепел с драгоценных бумажек, хаотично застилающих стол. — Смотри сюда. Справишься — забуду про дурь с участием в ралли и сломанную накануне парламентской встречи ногу.

Люк опустил глаза в папку. Пилил начальник с большим умением, «поговорил и простил» — это было не про него. А проштрафился виконт знатно.

Тогда проходила какая-то архиважная встреча между братскими и связанными нерушимой дружбой (правда, Тандаджи едко называл эту дружбу взаимным зажатием в клещи) государствами Инляндия и Рудлог. Люку, как инляндскому коренному дворянину, предстояло провести среди соотечественников почти десять дней, занимаясь благородной разведкой, а если попросту — вынюхивать, подсматривать и подслушивать, не вызывая при этом подозрений из-за своего происхождения. Вместо этого он отдыхал в реанимации, выйдя из комы только на третий день.

Люк снова затянулся, глядя через плечо начальника на большое фото из папки. Фотография была обработана под черно-белый вариант, но все равно производила сильное впечатление.

Посередине сидит высокая статная женщина с очень светлыми, почти платиновыми волосами. На голове — изящная корона с семью зубцами. Взгляд ее полон силы, сама она немного полновата, но это не портит ее удивительную холодную красоту. Королева Ирина-Иоанна в тяжелом и широком бальном платье с узким корсетом и орденскими лентами, надетыми наискосок через обнаженное плечо, держит на коленях младшую дочь — четырехлетнюю Каролину. Из-за их близости видно, насколько волосы дочери темнее, чем у матери: если у королевы платина, то у принцессы, насколько он может судить по черно-белому снимку, скорее русые. Каролина с лицом-сердечком и убранными назад волосами очень старается не шалить, и поэтому вид у нее немного испуганный.

За королевой, положив одну руку на спинку ее кресла, а другую убрав за спину, стоит ее третий супруг — невысокий, с острым лицом, густыми бровями и лихо закрученными усами. Он одет в парадный полковничий мундир, а через плечо тоже спускается орденская лента. Святослав Федорович Волков, принц-консорт, представитель одной из древнейших фамилий Рудлога, не побоявшийся стать третьим мужем Ирины-Иоанны.

Справа от отчима, с гордо выпрямленной спиной и надменным взглядом, в пышном платье — 23-летняя принцесса Ангелина, дочь первого мужа королевы, лорда Виктора Ставийского. Насколько Люк помнил, лорд погиб в результате аварии листолета через пять-шесть лет после свадьбы. Ангелина единственная из всех, кроме королевы, несет на голове небольшую корону, как и положено первой на-

следнице. Этот день должен был стать днем ее помолвки, но особого счастья у девушки на лице не видно. У нее такие же светлые волосы, как у матери, но лицо более тонкое, волевое, с выделяющимися скулами и поджатыми губами. Да и сама она ниже ростом и гораздо стройнее, хотя каждый, кто видит ее властный взгляд, меньше всего обращает внимание на хрупкость принцессы. Бальное платье обнажает тонкие руки и выделяющиеся ключицы. На вкус Люка, она даже слишком худая и маленькая. Надо, чтобы у женщины было хоть какое-то подобие груди.

По другую сторону от Святослава стоит принцесса Василина. Ей девятнадцать, и она тоже дочь от первого мужа, очень похожа с сестрой. Но, в отличие от кронпринцессы, в глазах ее видно хоть что-то человеческое — теплота, доброта, спокойствие. Возникает ощущение, что она ободряюще улыбается фотографу, внезапно оробевшему от такого количества королевских особ. Она выше и крупнее Ангелины, но кажется больше только по сравнению с первой наследницей. Если сравнивать со среднестатистической женщиной, Василина очень стройна. Но ее стройность, в отличие от сестринской, не вызывает желания запереть в столовой и кормить, пока не нарастет хоть немного мяса. У принцессы мягкие светлые кудряшки до плеч, схваченные обручем, покрытым драгоценными камнями. На плечах — меховая накидка. Василина стоит вполоборота, и платье в стиле ампир мягко облегает ее фигурку. Мужской взгляд невольно останавливается на очень аппетитных выпуклых ягодицах, деликатно прикрытых светлой тканью платья.

Рядом с Василиной — принцесса Марина. Девушка находится в самой поре девичьего цветения, ей шестнадцать, но ее волосы собраны в строгую прическу с минимумом украшений, платье простое, длинное, перетянутое на талии пояском, с закрытым декольте и руками. Она смотрит прямо в камеру, но напряжение в глазах и линии рта позволяет предположить, что ее раздражает и фотограф, и процесс фотографирования и хочется поскорее скрыться. Фигурка тем не менее у нее очень приятная, напоминает песочные часы. Люк посмотрел в сопроводительную записку — Марину королева родила от второго супруга, графа Михаила Романовского, который погиб через два года после рождения дочери. А три младшие — дети последнего мужа, принца-консорта Святослава.

Принцесса Полина — рядом с первой наследницей. У нее короткое каре с прямой густой челкой, сильно подведенные, несмотря на очень юный возраст — всего двенадцать! — и горящие любопытством глаза, оригинальное асимметричное платье, но тем не менее

вполне светское, в пол. Она еще подросток, и фигура у нее мальчишеская, спортивная, развитая.

Алина младше Полины на два-три года, стоит с другой стороны. Девочка тоже кудрявая, как Василина, но не так выразительно, волосы ее скорее волнистые. Заколотые сверху, снизу они свободно спадают на спину. У нее единственной из всей семьи очки, за которыми практически не видно глаз. Платье красивое, но какое-то невыразительное, что ли. Девочка худенькая и производила бы жалкое впечатление, если бы не сильная линия подбородка и губ и разворот плеч, свойственный всей семье Рудлог. В этих плечах нет никакой мягкости, будто на них можно положить весь мир, и они не согнутся.

— Это их последняя официальная фотография, — сказал наконец Тандаджи. — Старшей принцессе тогда было двадцать три, значит, сейчас ей около тридцати. Младшей — почти пять, значит, сейчас ей двенадцать. Неизвестно, жив ли отец. Королева погибла в результате переворота.

Люк повертел окурок в руке, ища глазами пепельницу, и Майло сунул ему под руку какую-то чашку с засохшими чайниками.

— В деле материалы твоих предшественников. Принцесс искали буквально везде, но они как сквозь землю провалились. Из чего я делаю вывод, что они либо тоже погибли, либо прячутся где-то за границей, что очень усложнит дело, либо разделились и растворились где-нибудь в глубинке.

— Это и есть мое задание? — хриплым после курения голосом спросил Люк. Он не спрашивал, зачем их искать: если надо, ему скажут, а если не говорят, то лишняя информация — лишние заботы.

— Твое задание, мой азартный друг, — повторно собрать информацию у тех, с кем наши красавицы близко контактировали при жизни во дворце. Няни, подруги, любовники... Хотя их вроде бы не было, и это странно... при такой-то матери.

Люк, воспитанный, в отличие от Тандаджи, в культуре, благоговеино относящейся к монархам и прощающей им их слабости, поморщился. Какая бы она ни была, все-таки королева. А начальник продолжал:

— Да, мы уже общались со всеми указанными в списке шесть лет назад, когда правительство только восстанавливалось и нужен был монарх для укрепления государства. Но тогда мы искали девушек у этих людей. Сейчас другие агенты прочесывают Рудлог, а тебе нужно искать информацию. Возможно, кто-то из королевской семьи имел тайного возлюбленного, кто-то состоял в секте или клубе, кто-то баловался наркотой, а кто-то разводил на стороне птичек на продажу. Мне нужна любая зацепка, потому что все, что было, мы уже

отработали. Все, что помню лично я, тоже отработано. Любая, даже невероятная версия о том, где они могут быть, нам поможет.

Люк не мог не вспомнить о девушках с такими же именами, как у принцесс, в машину которых он сел. Но лица у них были совсем другие. О пластике там речь не шла, у Люка на это дело глаз был на-

метан, а магически наведенная личина просто исчезла бы при входе в дом. Практически у всех аристократов стоял полог, деактивирующий маскировочные заклинания. Но Кембритч все равно мысленно похвалил себя за то, что попросил Бориса собрать информацию, обещав себе разобраться до конца, чтобы точно быть уверенным — вчерашние девушки не имеют отношения к пропавшим принцессам.

— А потом, после того как ты сотрешь ноги по, гхм, бедра, бегая по данным адресам, у меня для тебя будет еще одно особое задание. — Майло что-то написал на маленьком листке бумаги, запечатал лист в конверт и отдал подчиненному вместе с папкой, где были собраны адреса и телефоны всех тех, с кем хоть как-то контактировали принцессы.

— Еще особое, чем имеющееся крайне особое задание? — заинтересовался Кембритч.

— Гораздо особое, — ехидно подтвердил Тандаджи, волшебным образом не меняя ни выражения лица, ни тона голоса. Люку иногда казалось, что он сам придумывает эмоции в речи начальника.

— Надо передать одному человеку мое послание, — сказал тидусс, выразительно глядя на виконта. — Но вот беда — я не знаю ни как его сейчас зовут, ни где его можно найти.

Люк, не удержавшись, закатил глаза. Порой ему думалось, что задания в стиле «пойди туда, не знаю куда» руководитель придерживает специально для него.

— Оригинально, — хрипло сказал он, потянувшись ко второй сигарете.

— Ну ты же мой любимчик! — Кембритч мог бы поклясться, что уловил-таки на физиономии Майло глумливое выражение. — Для тебя все самое сладенькое.

Виконт передернул плечами.

— Что за выражения, Майло? Сладенькое, гладенькое. Ты со своими стервами не решил ли из честных мужиков переквалифицироваться?

— Ты пошути еще, — равнодушно сказал Тандаджи, — и следующим заданием переквалифицироваться придется тебе.

— Все, понял, не буду больше. — Люк выставил перед собой ладони, словно защищаясь. Сигарета чадила, зажата между пальцами. — Так кого там надо найти?

Выходя от начальника, он чертыхался. Больше всего на свете (после нотаций отца) Кембритч не любил рутинную работу. Его коньком были импровизации, мгновенные операции, можно ска-

зять блицкриги. И каждый раз, получив от Тандаджи задание, предполагавшее длинный и нудный перебор вариантов, наблюдение или, не дай боги, копание в бумажках, он обещал себе, что, как только закончит, уволится на хрен. Но после удачных заданий увольняться на волне эйфории не хотелось, а после неудачных — не хотелось уходить проигравшим. Сам того не понимая, Люк плотно прикипел к работе Зеленого крыла — она дарила ему чувство опасности, исключительности и свободы. А это немаловажно, если твой отец всю жизнь пытается подчинить тебя своей воле.

ГЛАВА 3

Начало августа, Иоаннесбург

Большой Высокий Совет бурлил и волновался. Почтенные мужи и молодые дворяне были на взводе, распорядитель тщетно пытался успокоить их, повелев разносить пирожные и прохладительные напитки. В баронской ложе уже затребовали коньяка, и отсутствие одного грозило перерасти в погром.

Старички в орденах и лентах обсуждали что-то громкими ломкими голосами, не замечая внимательно наблюдавшего за ними премьер-министра.

— Это надолго, — сказал Ярослав Михайлович Минкен министру обороны тоном человека, знающего, что в кабинете его ждет непаханный край работы, но смирившегося с вынужденной проводочкой.

Министр обороны согласно кивнул, созерцая из министерской ложи стремительно заполняющуюся чашу Высокого Совета.

Прозвучал звонок, привлекая внимание к трибуне.

Почтенные владетельные лорды создавали ворчливый гул, тем самым живо напоминая министру Минкenu гул нерадивых студиязов в аудиториях.

Спикер Слёвин еще раз прокашлялся и наклонился к микрофону. Сам он был похож на бульдога, говорил медленно, с остановками, иногда словно забывая, о чем хотел сказать. Впрочем, выбрали его на занимаемую должность не за красноречие и педагогические таланты (потому что только блестящий педагог, по мнению премьер-министра, мог бы справляться с ныне неуправляемой толпой самодовольных лордов), а по причине глупости самого Слевина. После переворота и последующих событий дворянство не стремилось

занимать видные должности, так как останки предшественников просто вопияли о том, что дело это опасное и, прямо сказать, расстрельное. Вот он, Ярослав Минкен, вполне осознанно согласился на пост премьера, понимая, что второго шанса не будет. А кто не рискует, тот до конца жизни останется на периферии большой политики. Спикер же Слевин стал спикером просто потому, что по глупости своей не понимал опасности.

— Господа и дамы, в связи с чрезвычайным происшествием на юге страны, о котором в той или иной степени вы все осведомлены... эээммм... да-да, осведомлены... кхе-кхе... эээ... сейчас на трибуну поднимется distinguished ректор Университета магии и магических наук, профессор... эээммм... Александр Данилович Свидёрский.

В зале внезапно стало тихо-тихо, так что было слышно, как бурчит в животе у кого-то в третьем ряду.

Лорда Свидерского ввели под руки двое его помощников. За последний месяц профессор Свидерский очень изменился. Он выглядел очень старым, гораздо старше, чем любой в этом зале. Совершенно седой, с прямой как спица спиной, с чисто выбритым лицом, изборожденным глубокими морщинами. Его подвели к трибуне, он оперся на нее и кивком отпустил помощников. Глаза его, глаза молодого человека на лице старика, внимательно обвели зал, отмечая знакомых. Многие отводили взгляд. Алекс Свидерский в последний месяц не показывался на публике. Часть присутствующих помнила его еще крепким, активным мужчиной, выглядевшим максимум на тридцать пять лет. И сейчас все были в шоке и пытались понять причины такого быстрого изменения.

— Приветствую уважаемое собрание. — Голос у старика остался мощным, его было слышно во всех уголках чаши Совета без усиления. — Прежде чем я начну говорить, вы обязаны подписать заговоренные копии соглашения о неразглашении информации, которые сейчас появятся перед вами.

Стоящий за ним помощник махнул рукой, и на столики перед парламентариями и министрами опустился «кровавый набор», как ехидно называл его Минкен, — лист с соглашением, упаковка со стерильной иглой и кровеостанавливающий пластырь. В зале недовольно заворчали.

— Информация настолько серьезна, что мы не можем допустить ее разглашения, — пояснил Свидерский.

— Но мы можем поклясться, слово дворянина! — выкрикнул хвастун и забияка Ампи́лбгов с последнего ряда. Минкен поморщился,

а сидевший с мягкой улыбкой на лице Тандаджи сделал себе мысленную пометку занести дурачка в список под наблюдение. Расположившиеся вокруг крикуна провинциальные дворянчики одобрительно загудели, старожилы же смотрели искоса и качали головами. — Зачем это позорное кровопускание?

— Юноша, — произнес профессор наставительно и с некоей снисходительностью, показывающей, что он вынужден тратить драгоценное время на идиота, — дворянское слово не уберезет от воздействия алкоголя, наркотиков или красивой бабы-шпионки... — В зале тихонько захихикали. — И тем более не спасет от хорошего менталиста или духовника. А соглашение, закрепленное вашей кровью и зачарованное на исполнение, заставит вас молчать даже при магическом воздействии.

Ампилогов покраснел от осознания собственной дурости, дернул иголку из упаковки, быстро проколол себе палец и показательно приложил его поверх надписи «Расписываться кровью здесь». В зале тут и там раздавалось ойканье и шипение, когда почтенные лорды дырявили себе пальцы. Леди Маришку Бжэжек, боящуюся вида крови, пришлось откачивать от обморока нюхательными солями.

Наконец суета закончилась, документы по взмаху помощника аккуратно поднялись в воздух, потрепетали, просыхая, и с разных сторон, как косяки уток по весне, потянулись в руки молодого мага, оформляясь в аккуратную папочку. Профессор кивнул ученику, и тот эффектно исчез, унося с собой заветные листочки. Лорд Свидерский снова тяжело оперся на трибуну.

— Продолжим. Как вам всем известно, около месяца назад, в конце июня, произошла катастрофа — обрушился Драконий пик. По свидетельствам очевидцев, над обрушенной горой видели драконов, которые потом улетели в южном направлении.

В зале зашумели, послышались выкрики «Так это правда?», но голос волшебника перебил шум, зазвев так, что задрезбуждали витражи в окнах зала собраний.

— Наши менталисты работали там две недели, плотно сотрудничая с агентами господина Тандаджи. — Кивок в сторону начальника тайной службы и ответный подтверждающий кивок от Майло. — Послушали и прощупали свидетелей, изучили скол горы. В памяти очевидцев есть четкие картины кружащихся и пролетающих над головой драконов. На образовавшейся террасе найдены останки трех драконов, а также углубления в форме спящего в позе эмбриона ящера. — Свидерский прокашлялся, выдержал паузу и тихо доба-

вил: — Судя по собранным уликам, слухи имеют под собой реальную почву. Большое количество драконов было каким-то образом заключено в гору на долгое время. Такое долгое, что мы не помним, когда и как это произошло. И по какой-то причине их тюрьма потеряла прочность. Уцелевшие и сумевшие выбраться ящеры улетели в южном направлении. Куда конкретно — неизвестно, возможно, на южные склоны Милокардер или дальше, в пустыню.

Почтенные лорды начали спрашивать одновременно, перебивая друг друга. В зале царила ужасная какофония. В целом все вопросы и выкрики сводились к трем основным темам: «Чем это нам грозит?», «Откуда они там взялись?» и «Хватит орать, дайте профессору сказать!». Минкен недовольно морщился, хотя уже много лет наблюдал этот зоопарк, мог бы и привыкнуть. Спикер отчаянно звонил в колокольчик и кричал: «Прошу тишины!», — но на него, как и всегда, никто не обращал внимания.

— Позвольте мне продолжить. — Профессор отставил стакан с водой, из которого, воспользовавшись паузой, попил. Голос его снова зазвучал с прежней силой. Аристократы затихли, напряженно ожидая, что же дальше скажет Свидерский. — Помимо работы с отправленными на место катастрофы следопытами, я дал задание своим ученикам перерыть архивы, чтобы найти всю информацию, касающуюся драконов. Ведь мы привыкли считать их существование легендой. К сожалению, около четырехсот лет назад в главной рудложской библиотеке случился пожар, уничтоживший, как мы понимаем теперь, бесценные сведения. И тем не менее мы сумели найти кое-какие упоминания в различных свитках и даже художественных произведениях. Возможно, нашим соседям известно больше, но необходим официальный запрос. Министр Минкен обещал подумать, как это лучше сделать, исходя из политической целесообразности момента.

В зале снова поднялся гул, немного раздраженный и в целом выражающий общее мнение: «Ну не томите уже!»

Свидерский выпил воды, не обращая внимания на шум голосов. Годы работы со студентами закалили его волю получше, чем военная служба у иного генерала.

— Потерпите, господа и дамы, мы уже добрались к самому важному. Итак, найденные записи гласят, что более пятисот лет назад случилась большая война между воинами-драконами и тогдашним королем, Седриком-Иоанном Рудлогом, в ходе которой Седрик сумел заключить всех существовавших на тот момент драконов в гору. Из-за чего конкретно была война, наши источники умалчи-

вают, указывается лишь, что причиной стал какой-то мощный магический артефакт. Как известно, представители венценосного рода Рудлог обладают, точнее обладали, гхм, своеобразной родовой магией. В том числе они служили защитой для нашей страны, уникальным магическим аккумулятором и усилителем. Проще говоря, те необычные свойства, присущие членам королевской семьи, которые мы все помним, связаны именно с этой особенностью.

Среди заседающих ощутимо повеяло тревогой, лица их словно окаменели, а подполковник Тандаджи даже наклонился вперед, с нехорошим интересом разглядывая профессора. Тот снова помолчал и продолжил развивать негласно запретную тему.

— Видите ли, полезно время от времени читать старые свитки. Оказалось, даже то, что мы воспринимали как ничего не значащую традицию, было основой безопасности нашей страны. Часть из вас наверняка помнит, как королева Ирина-Иоанна раз в шесть лет со всем двором выезжала к Милокардерам и там проводила особый ритуал, который заключался в... гм... напитывании алтарного камня королевской кровью.

Лица почти всех присутствующих в чаше Совета при упоминании королевы и допереворотных времен выразили гамму чувств: от вины до испуга. И только молодежь, недавно получившая титул и место в Совете, слушала старого волшебника с искрящимся любопытством. Еще бы — запретная тема, о которой при дворе говорить просто неприлично, а на расспрашивающего о старых временах смотрят как на полоумного! А тут информация от живого свидетеля тех дней!

— И этот ритуал, если говорить примитивно, питал силой Стену. Феномен Стены изучен достаточно хорошо, хотя природа ее от нас ускользает. Стена, как нам всем известно, благополучно и долгое время защищала нас от любых внешних интервенций. К сожалению, она не уберегла от интервенций внутренних. И теперь, в отсутствие королевской крови, она слабеет. Как слабеет и магия в стране. Уже стали недоступны сложные заклинания, перестала действовать часть артефактов. Я сам — живой пример ослабления магического фона. В допереворотное время я легко поддерживал метаболизм и регенерацию... эээ... говоря проще, мне было легко оставаться молодым и здоровым. После смерти королевы магия стала убывать — сначала медленно, потом быстрее и быстрее, и за последний месяц утечка достигла такого уровня, что я не могу больше поддерживать функционирование организма на уровне молодого человека. И последствия отсутствия крови Рудлог, гх, гхм, на троне мы видим каждый день.

Места простых бытовых артефактов все больше занимают механика и электроника, которые дороже и менее долговечны, требуют больше ресурсов, загрязняют воздух. Ранее прогресс шел в ногу с магическим развитием, и негативное воздействие науки удавалось нивелировать магией. Сейчас же наука доминирует. Да вы сами это видите.

Свидерский снова выпил воды, отдышался.

— Однако ни артиллерия, ни бомбы не спасут нас от драконов, которые сами по себе являются источниками магии и живыми магическими артефактами. Стена ослабевает и скоро истончится до предела. И никто не гарантирует, что закованные в гору нашими предками ящеры не захотят отомстить.

И еще. По всей видимости, Стена служила чем-то вроде стабилизатора нашей земли. Рудлог находится в ложе между двумя цепями высочайших гор и потухших вулканов, и по всем законам физики геоактивность в нашей стране должна быть катастрофической, сравнимой с заокеанской. Блакорийские специалисты, с которыми мы начали работать в тесном сотрудничестве, утверждают: кое-где магма подходит так близко к поверхности, что именно ее влияние является причиной температурной аномалии, когда у нас зимой в среднем на семь-десять градусов теплее, чем у соседей.

Однако вопреки расчетам, исследованиям, результатам глубоких бурений и наблюдений за вулканической активностью — земля у нас под ногами стабильна. Точнее, была стабильна. Обрушение пика Драконьего хребта — лишь начало. По докладам баронов Севера, началось обмеление озера Верхнее Оленье, и это не может быть объяснено циклическими причинами. Прямо под столицей, в каких-то двухстах километрах, целый пастбищенский луг превратился в грязевой вулкан, глубина которого достигает, по нашим прикидкам, двух километров. Кстати, дамы и господа, возьмите на заметку, что грязь там целебная. Опробовано на моей спине.

Господа и дамы оживились.

— А на юге, в Виноградной долине, открылось несколько десятков гейзеров. Нет больше Виноградной долины. И это, поверьте, только начало. Стабилизатор наш трещит по швам.

Зал наполнился криками, спорами. Старички повскакивали со своих мест, подбежав к трибуне, стали взволнованно о чем-то спрашивать.

Премьер-министр, уже предварительно выслушавший в составе Кабинета по безопасности эту информацию, внимательно следил за присутствующими. Понимают ли они, к чему клонит профессор и что уже было решено на совете по безопасности? Судя по лицам

некоторых — они понимали. А вот спикер Слевин не понимал, что надо наводить порядок, пока не наткнулся на ледяной взгляд лорда Минкена с вопросительно приподнятой бровью. Он тут же зазвонил в колокольчик и начал призывать собравшихся сесть на места и задавать вопросы по одному. Возбужденные лорды стали неохотно расходиться по местам. Слово взял граф Милонов, наверное ровесник профессора — такой же старый и сморщенный.

— Достопочтенный коллега, — проскрежетал он старческим фальцетом (граф одно время преподавал в Университете естественных наук и очень гордился этим фактом), — мы правильно вас поняли, что для восстановления магического фона и защитной Стены нам нужна королева?

— Королева, король — неважно, — ответил Свидерский. — Нам нужна королевская кровь первого наследования, прошедшая инициацию браком. Другими словами, чтобы защитить страну и вернуть в нее магию, нам нужно найти старшую дочь Ирины-Иоанны, выдать ее замуж для дополнительного усиления и возвести на трон древним ритуалом коронации. Если ее признают боги, то она сможет питать силой алтарный камень и проводить прочие ритуалы.

— Но мы уже пытались найти членов королевской семьи! — крикнул кто-то из старших лордов, не дождавшись своей очереди. — Они как сквозь землю провалились! Возможно, они уже мертвы!

— Позвольте, я отвечу. — Премьер-министр встал и оперся на перила своей ложи, наклонившись к микрофону.

Свидерский согласно махнул рукой, взял стакан и стал мелкими глотками пить воду, уступая лорду Минкену слово.

— Господа, нам придется постараться и поискать еще лучше. Времени, как вы понимаете, почти не осталось. Уже завтра на месте столицы может вырасти вулкан, а послезавтра — прилететь стая пылающих жаждой мести драконов. Я утрирую, конечно, но время работает против нас.

У вас в ближайший месяц есть задача — проверить свои владения, узнать, не появлялась ли шесть-семь лет назад в ваших городах и деревнях новая большая семья, состоящая из шести сестер. Мы, со своей стороны, с помощью ведомств господина Тандаджи и уважаемого лорда Свидерского сделаем все, чтобы найти королевскую кровь. Главное — объединить усилия. Это все, слушаем ваши вопросы.

Первым взял слово старый граф, генерал в отставке Хофэй Бельведерский, чье колебание и временное бездействие, как со злорадством вспомнил Минкен, стало одной из причин падения трона Рудлога.

— Допустим, девочки живы. — Он явно прилагал усилия, дабы не показать свое волнение. — Каким образом мы уговорим наследницу взойти на трон и вступить в брак? Ведь именно из-за нас... ээээ... Полагаю, у них нет причин верить нам, помогать или возвращаться на трон.

В зале стало тихо, старики слушали генерала и кивали. Все взгляды в конце концов обратились на премьер-министра.

— Верно, генерал Бельведерский, — чуть поклонился Минкен. — Причин возвращаться у них нет. Более того — не исключено, что принцессы постараются спрятаться или уехать за границу. Именно поэтому вы и подписывали соглашение о неразглашении, чтобы ранними слухами не спугнуть наследницу раньше времени. Нам нужно только встретиться, а уговорить ее — дело техники.

— Вы ведь не будете применять силу? — проскрежетал генерал, волнуясь уже очевидно.

— Нет, ни в коем случае. Никакого насилия. Только убеждение. К микрофону пробился князь Василевский.

— А что касается свадьбы, за кого будем выдавать замуж будущую королеву? — спросил он. — Я понимаю, рано еще думать, — добавил князь, расслышав сзади смешки, — но ведь это тоже важно.

— Ограничения таковы, — подал голос профессор. — Это должен быть мужчина древнего рода, потому что только у них сохранилась родовая магия, пусть гораздо слабее, чем у королевской семьи. Он должен быть достаточно здоровым и в том возрасте, чтобы суметь, гм, гхм, инициировать королеву и дать ей детей. И чем меньше будет пересечений в их родах, тем лучше, тем сильнее потомство.

Князь расстроено удалился — его прабабушка приходилась отцу бывшей королевы тетей, а значит, сделать одного из своих наследников принцем-консортом не удастся.

— Поэтому, господа, ищите, — в спину ему повторил Свидерский. — Помните, нам нужна королевская кровь. И чем скорее, тем лучше.

ГЛАВА 4

Начало августа, Иоаннесбург
Люк Кембригч

Итак, думал Люк, сидя в своем кабинете и в очередной раз просматривая папку, выданную Тандаджи, ему предстояло посетить более ста пятидесяти человек, которые имели с сестрами или коро-

левой какие-то, скажем, неделовые отношения. То есть не просто были слугами или подданными, но и общались с монаршей семьей в неформальной обстановке. И нужно было аккуратно опросить их, не вызывая подозрений и волны слухов о том, что пропавших Рудлогов ищут. А параллельно требовалось и вовсе отыскать человека, который, скорее всего, очень не хочет, чтобы его нашли, и имеет все ресурсы для того, чтобы затеряться навсегда.

Здравствуй, новое задание. Сейчас мы подкормим мозг завтраком — и в долгий, нудный, но необходимый путь. Хорошо хоть, что большая часть опрашиваемых живет в столице, а для путешествия в другие крупные города есть телепорты, которыми ему, как госслужащему с особыми полномочиями, можно пользоваться бесплатно. Билет на телепорт стоил в несколько раз дороже железнодорожного, и на то имелась причина — массовые порталы поглощали гигантское количество энергии, и управляющим ими магам не хватало своего запаса. Поэтому ранее, до эпохи электричества, телепортисты «заряжались» от огня, сейчас для этого использовали электрические кабели. Магическая энергия, являясь всего лишь еще одним видом энергии наравне с электричеством, теплом, полями, прекрасно преобразовывалась из одного вида энергии в другой, но исключительно с помощью мага. Наука разгадать способы трансформации энергии из не-магической в магическую пока не смогла. А вот талантливые маги легко работали таким «преобразователем», еще и получали бонусы в виде долголетия и отменного здоровья.

Только к нескольким адресатам, непредусмотрительно поселившимся далеко от городов, придется ехать на машине или лететь на листовете. Ну что, начнем?

* * *

— Здравствуйте, уважаемая госпожа.

— Здравствуйте. — Старушка с аккуратно уложенными кудряшками настороженно смотрит на приятного светловолосого мужчину с бородой. Она выглядывает из-за тяжелой двери квартиры на окраине Иоаннесбурга, расположенной там, где столица незаметно переходит в пригороды.

— Мы незнакомы, госпожа, я писатель. Позвольте представить — Евгений Ёнклер. — Он кланяется. — Я пишу книгу об истории королевской семьи Рудлог. А вы ведь служили у младших детей няней?

Он видит, как старушка суровее, качает головой, готовится закрыть дверь, и быстро тараторит:

— Мой подход иной, я считаю, что королевскую семью намеренно порочили. Я поставил задачу обелить их имя.

Через несколько минут госпожа Митина разливает чай, а писатель скромно сидит в кресле за невысоким чайным столиком и слушает старушку.

— Все эти журналистики, которые и двух слов связать не могут, с ужасным воспитанием! Чего только они не писали о моих девочках и о ее величестве! Что и ведьмы, и вырожденки, и избалованные куклы! И... — тут хозяйка осекается, — таких слов в приличном обществе-то не употребляют, а ведь печатали прямо на первой странице, что они развратницы, что любовников меняют...

— Но ведь это неправда? — спрашивает он, осторожно пробуя ароматный травяной чай. На хрупком столике перед ним стоят малюсенькие пирожные, такие же аккуратные, как сама Дарина Станиславовна Митина.

— Королеву любили мужчины, это да, — строго произносит она, немного поизучав его, пожевав губами и словно приняв какое-то решение. — Но в ее поведении не было ничего развратного или неприличного. И девочки, — Дарина Станиславовна всхлипывает, — солнышки мои!.. Я пришла, когда старшая принцесса уже выезжала в свет, — продолжает она, аккуратно пригубив чай, — а младшая только родилась. Каролина была поздним ребенком, но ее величество хлопотала с ней как с первой. Сама грудью кормила, ночью с ней спала. Тогда королева очень похудела, взглянуть было страшно, вот и взяли меня в помощь.

Писатель внимательно слушает, делая какие-то пометки в большом блокноте, и вдохновленная его вниманием старушка подробно рассказывает о быте королевской семьи, скрытом от публики.

— Про старших я мало знаю, мы практически не встречались, они часто с матерью и отчимом участвовали в официальных мероприятиях. Ее высочество Ангелина всегда была как рыба в воде с этой официальнойщиной. Никогда я ее не видела непричесанной или неопрятно одетой, хоть сейчас посольство принимай. Очень вежливая, холодная, хотя, честно говоря, несколько раз я ее заставала в таких же приступах гнева, которые и королеве были свойственны. Что поделаешь, наследственность. Говорят, все Рудлоги как пламя — долго горят ровно, но если уж вспыхнут, то сокрушают все на своем пути.

А вот Василина, наоборот, очень спокойная была и добрая. И единственная, у кого я не припомню приступов фамильного гнева. Если и были, то по сравнению со старшей — как легкий ветерок.

Сама сдержанность и очарование, она на всех вокруг как-то умиротворяюще действовала. Жизнь светская и выезды ей очень не по нраву были, я не раз слышала, как она просила мать не брать ее с собой. Ей нравилось рисовать что-то, вышивать, расписывать. Любила готовить, часто на кухне я ее встречала. Ирина-Иоанна кривилась, конечно, но молчала. Однако Васенька редко оставалась дома, королева собиралась устраивать какой-то межгосударственный брак, поэтому настаивала, что она должна знать все то же, что и старшая принцесса.

Зато про младших сколько угодно могу рассказать. Марина всегда была немного замкнутая, мнительная, но упорная. Очень любила животных. У нее жил огромный лохматый пес, Боб, абсолютно невоспитанная собака. С лошадьми ладила, постоянно пропадала на конюшне. Ездил верхом лучше всех в семье, даже какое-то призовое место на юниорском чемпионате взяла.

«Проверить ветеринарные клиники и частные конюшни», — написал лже-Инклер и ободряюще кивнул старушке.

— Но при этом из принцесс Марина была самая чувствительная, застенчивая. Если ругалась с сестрами, то плакала потом сильно. Краснела постоянно. Вроде как была у нее подружка из аристократов, с которой они вместе гимназию посещали, та часто у нее гостила. Но где она сейчас, не знаю.

«Евгений Инклер» строчил, забыв, что диктофон включен и все можно будет потом прослушать и осмыслить.

— Полечка, четвертая принцесса, — вот это настоящий бесенок в юбке. Этикет ей давался очень трудно. Знать-то правила она знала, но сколько энергии в ней кипело! Ей очень трудно было следовать им, правилам этим. Постоянно носилась по дворцу, что-то ломала, роняла. Очень спортивная — королева рано отдала ее на борьбу, чтобы немного унять энергию. Помимо школы, она еще ходила не только на борьбу, но и на фехтование, стрельбу и, кажется, скалолазание, но все равно переворачивала дворец вверх дном. И к языкам была способна. Принцессы, конечно, все девочки — умнички, но Поля просто феномен какой-то была... постоянно с ободранными коленками, локтями, с синяками после занятий, но в принципе никогда не унывающая.

А вот Алиночка, хоть всего на два с половиной года младше, полная противоположность ей. Спокойная, умненькая. Постоянно читала, как ни увижу ее — с книжкой сидит или обучающий фильм какой смотрит. Сочиняла сказки и рассказывала Каролинке, малышка вечером без очередной просто не засыпала. Конечно, Алина в очоч-

ках была, посадил ребенок себе зрение постоянным чтением. И глаза, в отличие от всей семьи, зеленющие, непонятно в кого. Может, и не от мужа... эээх... Это не пишете, пожалуйста...

Писатель обещает, что ни намек в книге на предполагаемое отцовство пятой принцессы не появится, и вообще, перед тем как издать, он обязательно пришлет почтенной госпоже текст, чтобы она посмотрела и, если что не понравится, вычеркнула. Успокоенная няня продолжает:

— Я, бывало, выйду с ними гулять, Каролиша в коляске, Марина с собакой к своим лошадям сразу уходит, Полюша бегает вокруг нас кругами, на деревья залезает, по изгородям ходит. Падает и сразу вскакивает, бежит дальше. Я первое время аж за сердце хваталась. Один раз сама слезть с дерева не смогла, так ее двое гвардейцев снимали, а королева только плечами пожала, даже не отругала.

А Алинка сядет под деревом с книжкой и сидит, читает все. Или рядом идет и рассказывает что-то. Идет и вдруг: «А знаешь, нянюшка, что у серениток матриархат и они по два, а то и по три мужа иметь могут?» И срам-то такое девочке знать, но она будто и не понимает, что в этом неприличного, просто знаниями делится. Или расскажет, как она из головастика лягушку выводила и для школы записывала. Мерзость, а слушаешь, надо поощрять ведь тягу к знаниям...

Хозяйка снова разливает чай, ведь за время разговора все уже выпили, а писатель вон как ее чай нахваливает.

— А вы не знаете, девочки встречались с кем-нибудь? — спрашивает он и, видя недоуменный взгляд няни, уточняет: — Читатели любят романтику. Я имею в виду молодых людей. Были какieto сердечные привязанности?

— Что вы, — всплескивает руками Дарина Станиславовна, — какое там! Ангелина вон была со вторым инляндским принцем помолвлена, только он, подлец, помолвку разорвал, как заварушка эта началась. Хотя, думаю я, это просто повод был, а причина в другом. Они виделись-то несколько раз всего.

Люк, точно знавший, что так оно и было и что их второй принц действительно воспользовался слухами, скромно молчит.

— А вот про Василину, — неожиданно произносит старушка, — слышала кое-что. Будто за ней пытался какой-то молодой военный с Севера ухаживать и что с ним она познакомилась во время очередного выезда по военным частям. Но точно ничего не знаю, немного при дворе поговорили об этом да и затихли.

И она с умилением глядит на вежливого писателя, который активно записывает все в блокнотик.

— Про Марину ничего не скажу, но, по-моему, ее по-настоящему только животные интересовали. А остальные очень уж малы были.

Напоследок журналист спрашивает:

— Как вы думаете, где они сейчас?

— Ой, милый, откуда ж мне знать? В свое время сама голову сломала, куда они могли подеваться. А только я скажу — к лучшему это. Королева близких слуг и двор отослала, а то ведь и нас бы порешили. И девочек, если б не сбежали, тоже поубивали бы. Прячутся где-то, а где — неизвестно.

Люк на прощание целует старушке руку и обещает обязательно прислать ей в подарок книгу, когда напишет.

* * *

Не все посещения были столь информативны. Через неделю Люк взвыл от нудятины, через две — ходил мрачнее тучи, пугая слуг. Он скурил, наверное, годовой запас сигарет и часто угрюмо напивался вечерами в своем кабинете, когда собранная информация никак не выстраивалась в стройную систему. Коньяк ничуть не помогал делу, зато проклятые бумажки напрочь лишали его сна. Часть адресатов за столько лет успела переехать, другие не могли встретиться или переносили встречу, кто-то уже умер. Он представлялся журналистом или писателем, поэтому пришлось немного изменить внешность, чтобы никто не понял, что лорд Люк Кембрич из светской хроники, которого неоднократно показывали по телевизору, и журналист Евгений Инклер, которым он назывался, — одно и то же лицо. Ежедневный устойчивый грим раздражал, но Люк с упорством буйвола пер вперед.

За это время ему, переехавшему в Рудлог уже после переворота, стали понятны события и настроения, предшествовавшие смене власти. Люк обзавелся знаниями о привычках и характерах сестер, о поведении королевы и ее мужа, но ни на каплю не продвинулся в их поисках. После неполного месяца встреч и «интервью» оставалось обработать около десятой части списка.

* * *

— Здравствуйте, леди Симонова. Меня зовут Евгений Инклер, я писатель. Пожалуйста, могу я задать вам несколько вопросов?

Стройная молодая женщина с темным асимметричным каре, одетая богато и с большим вкусом, стоит возле красного автомоби-

ля, в который только что погрузила покупки. На пакетах — сплошь знаки дорогих магазинов и домов мод. Она внимательно оглядывает подошедшего, величественно наклоняет голову.

— Добрый день. Чем я могу помочь?

— Миледи, — усердно демонстрируя небывалое смущение и волнение, продолжает «Инклер», — простите, что я так некорректно подхожу к вам, вместо того чтобы договориться о встрече по телефону. Но ваши слуги не передавали мои просьбы, и я решил сам...

— Говорите, наконец, что вам нужно. — Герцогиня Екатерина Симонова, урожденная Спáсская, явно не обладает большим терпением.

— Пожалуйста, уделите мне несколько минут, — как можно любезнее просит Кембритч. — Я писатель, пишу книгу о королевской семье Рудлог. Чисто биографическую, без политики. Я знаю, что вы были вхожи в семью, дружили с одной из принцесс.

Она с внезапным и явным страхом глядит на подошедшего, отворачивается, открывает дверь в машину.

— Мне нечего вам сказать, — резко отвечает она, поворачивая ключ зажигания.

— Ваша светлость, — Люк поспешно наклоняется к ней, протягивая свою «писательскую» визитку, — пожалуйста, подумайте. Если вы хорошо относитесь к подруге, у вас есть возможность разрушить всю ту чудовищную ложь, которую вокруг них нагромоздили. Бояться уже давно нечего. Позвоните мне, пожалуйста, если вы решитесь...

— Отойдите! — властно командует она, захлопывая дверь. Но визитка остается у нее. И теперь нужно набраться терпения и подождать.

Через несколько дней он получает сообщение с предложением встретиться вечером в арт-кафе «Империя», расположенном в самом центре Иоаннесбурга. Это место для томных аристократов, с кабинками для частных встреч и умеющими молчать официантами. Молодая герцогиня ждет его у окна в приват-ложе, курит. Она сильно накрашена — бледное лицо, темные глаза, темные волосы, ярко-алые губы. Весь вечер он любуется ею, напоминая себе, что он на задании, а она замужем. Он любит таких, как госпожа Симонова, — тонких, ухоженных, дорогих. Но почему-то во время их разговора в памяти всплывает совсем другое лицо — уставшей заплаканной девушки и ее прозрачные от слез серо-голубые глаза.

— То, что я вам расскажу, останется между нами, — предупреждает она.

— Но как же книга? — удивляется «писатель».

— Плевать, выкрутитесь как-нибудь. Мое имя упоминать запрещаю. Понятно?

— Понятно, — покорно кивает подставной журналист. — Зачем же вы тогда решились на встречу?

— Я устала жить с этим, — тихо говорит леди, и «Евгений» вдруг со всей очевидностью понимает, что она на грани истерики. — Мне нужно хоть с кем-то поделиться, иначе я сойду с ума.

Екатерина тушит сигарету, вытаскивает ее из мундштука и тут же закуривает вторую.

— Мне кажется, я видела Марину после... после того, что случилось, — наконец произносит она, и видно, что страшно переживает.

Писатель резко наклоняется к собеседнице, глаза его блестят.

— Как? Когда?

— Сначала, — она раскрывает свою сумочку, — вы мне поклянетесь на проклятии, что не причините ей вреда.

Люк, понятия не имеющий, зачем Тандаджи ищет королевскую семью, с некоторой опаской берет маленький плоский черный камень с иголочкой посередине.

— Я, Евгений Инклер, клянусь, что собираю информацию исключительно в познавательных целях и не для причинения вреда королевской семье или тем, кто дает мне информацию. — Он прокалывает указательный палец торчащей иголочкой. Кровь шипит, впитываясь в парные желобки, отходящие крестом от иглы, а запястье его окутывает едва ощутимая невидимая лента клятвы.

Симонова кивает и даже расслабляется немного. «Да уж, — думает Люк, — отважная женщина». А если бы он оказался из тех, кто давно ищет королевскую семью, чтобы уничтожить? Как она справилась бы с ними?

— Интересные вещицы у вас во владении, — замечает он, откладывая окровавленную салфетку, которую прижимал к ранке. Страшно захотелось курить, и он, подумав, все-таки плюет на конспирацию — ведь в отличие от виконта Кембричча писатель Инклер не курит, — достает сигарету и, щелкнув зажигалкой, затягивается.

— Наследство от бабульки, — спокойно говорит Симонова. — Она была из потомков блакорийской аристократии. Из Темных.

«Инклер» чуть не давится дымом от таких признаний. Ах да, чего ей бояться, он же клятву закровил, что не причинит вреда.

— Именно поэтому, — говорит она с нажимом, — я прекрасно знаю, что никто из королевской семьи не обладал ни каплей ведьмовства. Ни-че-го черного в них не было.

Люк с некоторой опаской и огромной долей азартного любопытства глядит на молодую аристократку. Ее суждению можно доверять, черная черную почует издалека.

— Мы легализованы, — объясняет Екатерина, поняв его опасения. — Регулярно ходим в храм, но это, если честно, не нужно. Темной крови во мне капля, не больше. Так что не бойтесь, кровь вашу я пить не буду. Тем более что это слухи. Потомки Черного поглощали энергию, и кусаться им для этого не было нужды.

— Но... — Люк задумывается, пытаясь сформулировать, — откуда все эти сплетни про то, что принцессы якобы были Темными, фотографии? Вы были свидетельницей происходящего, расскажите, пожалуйста.

— Они все, я имею в виду девочек, обладали какой-то специфической силой как наследницы Красного. Как все представители королевских семей континента. Эти сплетни — чистый бред, — она фыркает, и Кембритч с ней соглашается. — Все они — дети своих отцов, и среди их предков потомков Черного точно не было, так что и проявиться умениям неоткуда. Но вы же знаете простых людей — они готовы поверить во что угодно, если им это усердно втолковывать. Если учесть, как не любят в стране носителей Темной крови и какие ужасы им приписывают... Это был очень умный ход по дискредитации дома Рудлог.

— Вы меня обескуражили, леди, — хрипло произносит Люк, затягиваясь и глядя на собеседницу с новым интересом. И герцогиня, кажется, все понимает по этому взгляду, напрягается на мгновение — и иронично улыбается ему. — Как приятно поговорить со здравомыслящей, умной женщиной. И красивой, — добавляет он, ничуть не погрешив против правды, и леди вполне благосклонно принимает комплимент. — Расскажите мне, пожалуйста, про королевскую семью. И про то, как и когда вам показалось, что вы видели принцессу Марину.

Она делает глубокий вдох. Пока думает, в кабинку, постучавшись, заходит пожилой официант. Он, не здороваясь, ловко расставляет чашечки с кофе, конфеты, мороженое, пирожные, меняет пепельницу и величественно удаляется. Екатерина перехватывает удивленный взгляд своего собеседника.

— Я, когда нервничаю, либо курю, либо сладкое ем, — объясняет она с улыбкой, набирая ложечкой мороженое. — Успела заказать, пока ждала вас.

— И как вам удастся сохранить такую фигуру?! — восхищается он вполне искренне, а она расслабленно смеется и грозит ему облизанной ложечкой:

— Осторожно, господин Инклер, а то я подумаю, что вы со мной флиртуете.

Он наклоняется вперед, позабыв и про бороду, и про дурацкие светлые волосы, и хрипло спрашивает:

— А что, если и так?

И видит ответ в ее расширившихся зрачках.

Эту ночь они проводят вместе, и их любовь болезненна и остра, как у всех одиноких, случайно пересекшихся людей.

Наутро, одеваясь и периодически затягиваясь из лежащего на подставке мундштука, Кэти спокойно рассказывает о своем детстве и юности. Люк вытирает тело после душа и внимательно слушает ее.

Она рассказывает о том, как, придя в первый класс королевской гимназии, где наравне с детьми простых горожан учились дети аристократов, она увидела заплаканную светленькую девочку и с удивлением узнала, что эта плакса — третья принцесса Марина Рудлог. О том, как ей стало жалко всхлипывающую малявку, она под села к ней и поделилась шоколадкой. О том, как ее с родителями, до того бывавшими во дворце только на общих приемах, пригласили в личные королевские покои, где были Марина, хорошенькая, как куколка, в нарядном кружевном платье, и сама королева.

— Ее величество приняла нас очень ласково. Маринка рассказала ей, что подружилась с девочкой, которая ее успокоила и поддержала, и Ирина-Иоанна решила поближе познакомиться с семьей такой «великодушной леди».

Последние слова Екатерина произносит с иронией. Она и не думала дружить с плаксой, да и как можно назвать человека другом после дня знакомства? Однако Марина, воспитанная в ограничениях дворца, не имела опыта дружбы и поэтому стремилась к любому человеку, который был к ней добр. Вот так благодаря половинке не самой дорогой шоколадки семья Екатерины стала вхожа в ближайший круг принцессы. Благодаря Марине судьбы и самой Екатерины, и ее сестер сложились наилучшим образом — леди Симонова, хоть и не была аристократкой, сделала отличную партию, выйдя замуж за герцога, сестры ее тоже не остались без выгоды.

— Марина всегда очень переживала из-за всего, у нее был несколько невротический тип характера, — с печалью делится герцогиня. — Плохая оценка, замечание, парень не так посмотрел — она в слезы. А я постоянно была «жилеткой». Не плакала она только со своими животными. Как-то Огонек, конь у нее такой был, случай-

но брыкнулся и заехал копытом ей в бедро. Вскользь, но синячище был на полноги, черный. А она даже не всплакнула, представляешь? Зато как ругалась королева, как грозилась не пускать больше к лошадям. У ее величества к Маринке всегда было особое отношение, мне даже казалось, что она ее любимица. Во всяком случае, за нее она тряслась больше всего. И вот тогда, когда мать пообещала отобрать Огонька, я в первый раз увидела у Марины приступ фамильного гнева, испугалась страшно.

Екатерина вдевает в уши тяжелые серебряные серьги, наверное тоже непростые, бабушкины. Серьги завораживают, качаются, касаясь изящной шеи, а Люк вспоминает старое поверье, будто Темные не выносят серебра, и в очередной раз убеждается, что верить народной молве глупо.

— Выпускались тоже вместе, напились тогда, как поросята, — улыбается герцогиня, надевая полумаску, — и нас личный водитель вез до дворца, а там уж нас до Маринкиной комнаты тайно провели, чтоб королеву не встретить. Ей потом все рассказали, конечно, и она сама наутро в комнату пришла и лекцию прочитала, как правильно пить. А нам та-а-ак плохо было, это что-то. Правда, моим родителям королева сказала, что все было в порядке, мы вели себя прилично и пришли вовремя. Удивительная женщина... Никогда не понимала, что она сделает в следующий момент, как отреагирует. Жаль, что потом все так получилось.

Леди Симонова вздыхает, подходит к голому Люку и сладко целует его в губы, да так, что ему снова требуется душ, и желательно холодный.

— Спасибо, что дал мне возможность снова почувствовать себя живой, милый.

— Кэти, подожди, — останавливает ее Люк, видя, что герцогиня уже подходит к двери. — Когда ты видела Марину?

Она пожимает плечами.

— Мне иногда кажется, что это бред какой-то, что я обозналась. А с другой стороны, я практически уверена, что это была она. Это произошло в день свадьбы с Симоновым.

Фамилию мужа она произносит немного кривясь, будто на язык попало что-то горькое.

— Уже шел послесвадебный фуршет, шампанское, официанты, весь свет был там. Проходило это все в нашем доме, потому что после мы собирались сразу ехать в Симоново, чтобы, — она зло усмеивается, — зачать наследника под сенью родового поместья. Я была трезвая как стеклышко — это чтобы наследник здоровый получился,

и голова болела от голода, потому что платье такое, что не вдохнуть. Злая была, хотелось сбежать от этих рыл, снять корсет, поест наконец нормально и выпить обезболивающее. Тут ко мне подошла горничная и сказала, что меня какая-то девушка видеть хочет и очень настаивает. Утверждает, что одноклассница, что учились вместе, и желает поздравить.

Я не поняла ничего, выглянула в холл и попросила показать эту девушку. Она у дверей стояла, грустная такая. Выглядела как неформалка — волосы красные, макияж какой-то ужасный. Я сначала сказала, что не знаю ее и не пойду никуда, а потом снова посмотрела... а она на меня. — Екатерина передергивает плечами. — И тут я как будто Маринку увидела. Словно там два человека один на другой наложены были. Дернулась было к ней, но не успела — охрана подбежала и выпроводила ее как неприглашенную. Вот и все. Не знаю, может, это от голода у меня в голове помутилось или от переутомления.

«А может, — думает Люк, — это твои способности позволили разглядеть то, чего другие не замечают».

Эта потрясающе красивая и очень одинокая женщина бросает на любовника последний взгляд, подмигивает ему и выходит за дверь.

* * *

Поздним вечером, после бесплодных посещений очередных адресатов из списка, когда он сидел и курил на любимой скамейке у ворот, Люк вдруг вспомнил кое-что важное.

— Борис, а где отчет о девочках?

Охранник обескураженно посмотрел на него и наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

— О каких девочках, лорд Кембритч?

— О тех, у которых машина сломалась, они еще ночевали у нас. Я тебе задание давал — разузнать, кто они и откуда. Что, не сделал? — Люк очень удивился.

Борис глянул на него так, будто хотел покрутить у виска пальцем.

— Так я ж вам через неделю отчет принес, лично в руки отдал. Вы мне еще премию обещали за скорость.

Люк нахмурился. Да уж. Заработался ты, милый друг. Точно ведь — приносил, папочка еще желтенькая такая была. И куда он ее засунул?

И Кембритч, погруженный в свои мысли, медленно пошел к дому. Охранники проводили его взглядами, переглянувшись.

— Опять наш чудит что-то, — сказал второй охранник, сочувственно похлопывая Бориса по плечу.

— Ну главное, разрешилось, — жизнерадостно ответил «проштрафившийся», с облегчением понимая, что все сделал правильно. — А чудит — так аристократия, они все немного тогось.

Люк все-таки нашел ту проклятую папочку. Она все это время издевательски лежала прямо перед его носом, и он, погруженный в расследование, использовал обложку для черчения каких-то схем и в качестве подставки для кофе или чая. Выглядело это все в результате сильно непрезентабельно — с кругами от чашек, помятое. Но главное было внутри. И Люк, испытывая странный трепет, открыл ее и начал читать.

Итак, пять сестер. А принцесс шесть. Даты рождения... он быстро сверился с датами рождения принцесс... отличаются. Его знакомые все младше дочерей королевы, кто на несколько месяцев, кто на год. Гхм, но это еще ничего не значит. Если они — те, кого все ищут, и они прячутся, то логично, что даты рождения изменены. Нелогично, что девушки не меняли имена. Точнее, это бред какой-то. И куда тогда делась вторая по старшинству? Ладно, смотрим дальше.

Фамилия Богуславские. Очень слабая ветвь дворянства, из нетитулованных. Мать умерла после рождения младшей дочери. Долгое время жили на Севере в местечке Чистые Ручьи (пометка — узнать, точно ли жили там, поспрашивать соседей), в школе местной не учились, но это ничего не значит — многие дворяне обучались дома. Затем, четыре года назад, продали в Ручьях дом и переехали под столицу. Отец нигде не работает, как и старшая сестра. Так, листаем дальше.

Описание внешности и фотографии тех, кто учится или работает в государственных учреждениях. Фотографии старшей нет, описания нет, но есть пометка, что, если нужно, охранник съездит по адресу и сфотографирует.

А вот и Марина. Фотография из личного дела медицинского училища. Темные волосы, убранные в конский хвост, светлые глаза, тонкие губы и нос.

Люк открыл общий портрет королевской семьи, начал сличать. Ничего общего, даже если выкрасить ее в светлый, как у принцессы, цвет. Точнее, какое-то неуловимое сходство есть, но, возможно, это только из-за того, что ему очень хочется его найти. Работает девушка в областной клинике хирургической медсестрой, в характеристике с места работы описана как хороший пунктуальный сотрудник, в личных отношениях замкнута, спокойна, особо близко ни с кем не дружит.

Полина, фотография из университетского дела. Поступила два года назад, месяц как на третьем курсе учится. Специализация: геология, вулканология. «Ну и специальность для девушки», — фыркнул он про себя. С принцессой общего мало! Что-то отдаленное есть, в форме носа, в линии подбородка. Тоже черноволосая, короткая стрижка под мальчика, темные, в отличие от сестер, глаза и даже немного крепенькая, широкая. Когда он ее видел у себя дома, она выглядела гораздо стройнее, и волосы были длиннее. Видимо, учеба дается нелегко.

Алина. О, а тут есть общее — она тоже в очках. Но на этом сходство заканчивалось. Выпустилась из школы в этом году, балл отличный. Сдает экзамены сразу в несколько университетов — ого, сильная девочка!

И наконец Каролина. Пухленький подросток с тяжелым взглядом карих глаз, с коротким темным каре. Учится в школе, но не очень хорошо. Как и следовало ожидать, с фотографией принцессы ничего общего.

Люк потянулся, потер глаза костяшками пальцев, закурил. Все это бесполезно. Девочки живут на виду, носят те же имена. Только идиот стал бы прятать нечто ценное таким образом... или очень умный человек. И куда, если это они, делась вторая сестра?

Однако версию нужно отработать, чтобы потом идти дальше со спокойным сердцем.

Гадать бессмысленно: если им изменили внешность, то сделали это качественно. Хотя пригласить посмотреть на них штатного мага, конечно, надо. Еще остается анализ крови или любого другого материала — волос, ногтей, кожи. Ни одно заклинание смены личности не может поменять генетику. Достаточно каким-то образом взять у одной из его знакомых материал и сравнить его с имеющимися данными по королевской семье. Ежели таких нет — вся королевская усыпальница к его услугам. Но это, конечно, не Борису нужно делать.

Завтра он обсудит это с Майло, а сейчас поздний ужин — и спать.

ГЛАВА 5

Начало июля, Пески́

Старый белолунный Нодери сидел на песке рядом с шатром, глядя на бесконечное звездное небо. Народ его спал, и старик поспал бы тоже, но его старые кости были другого мнения. Внучка дала ему травки — пожевать, успокоить кости, — но она с каждым разом помогала меньше и меньше. Годы старого пастуха Нодери подходи-

ли к концу, а жить вопреки всему хотелось сильнее. Ум его оставался острым, память — великолепной, опыт — бесценным, а вот тело подводило, слабя и дряхлея с каждым днем. Вечерами и бессонными ночами с тоской вспоминал он рассказы о былых временах — временах величия народа пустыни. Когда жили и кипели города со шпилями до небес и куполами в полнеба, когда в белых дворцах сидели волшебные Владыки и правили народом мудро и строго. Когда из фонтанов и родников в городах били холодные струи, колодцы были полны, а в погребах зарождался лед и снег. Когда дожди орошали цветущие пастбища, а от рыжих верблюдов и белых овец поля казались покрытыми оранжевыми и белоснежными покрывалами.

Потом пришла война. Все чаще отлучались Владыки из своих дворцов и все реже шли дожди, все желтее и ниже росла трава. Молодых воинов Белого города Истаила собрали под свое крыло опытные военачальники, и они двинулись на север, на границу с Рудлогом, страной потомков Красного Воина, вероломно напавшей на Пески. Там шли страшные бои, но войска драконов выстояли, и король Рудлога запросил мира. И предал прилетевших на праздник в честь подписания мирного договора драконов, заключив их в гору, которую впоследствии назовут Драконьим пиком.

Легенды рассказывали: когда драконы не вернулись, дворцы опустели, фонтаны перестали бить, а подземные снежные хранилища растаяли. Дожди прекратились, и песок забрал тучные пастбища себе. За несколько недель и города занесло песком. Растерянные и осиротевшие дети пустыни, чтобы спасти стада и свои жизни, собрали пожитки и ушли кочевать по оазисам. И было это ровно пятьсот лет назад...

Старый Нодери всмотрелся в звездное южное небо, вздохнул. Глаза его явно подводили — иначе как объяснить почудившуюся ему огромную крылатую тень, закрывшую на миг звезды? Он долго глядел в темноту, а в груди вспыхивала и гасла безумная надежда. Пока он наконец не встал и не поковылял за шатер, на крутой бархан. Нодери с трудом, опираясь на палку и преодолевая проклятую старческую слабость, преодолел такие нужные пятьдесят шагов и замер, восстанавливая дыхание и откашливаясь. Далеко впереди, на юге, колыхались и вспыхивали под звездами мерцающие призрачные занавески — великолепное и редчайшее небесное сияние.

Старик грузно опустился на песок и вознес небу короткую молитву. Затем поспешил обратно в поселение. Надо было сообщить

пустынному народу, что Владыка Истаила вернулся и Белый город снова жив.

Через три дня в пустой и чистый город сквозь барханы со всех сторон начали приходиться кочевые дети пустыни, далекие правнуки тех, кто покинул когда-то опустевший Истаил. Они пришли, ведомые надеждой. Люди не забыли ни своих обычаев, ни своих предков, ни того, кто властвовал над ними. Поэтому первым делом они отправили в возвышающийся над городом дворец сотню старейшин с богатыми подарками, красивейшими женщинами и лучшими верблюдами, жеребцами и баранами. Был среди старейшин и белолунный Нодери. Его, как первым возвестившего возвращение Владыки, везли с особыми почестями, на крепком паланкине, взятом на плечи четверьмя молодыми парнями.

У ворот молчаливого бело-лазурного дворца с радужным куполом они остановились, спешили и все как один встали на колени.

— О великий Валлерудиан, Владыка Песков и Дожей, — начал Нодери давно заученную формулу своим старческим дребезжащим голосом, — прими детей своих, окажи нам свою милость, дай нам свое благословение.

Белые резные ворота молчали. Молчали фонтаны у ворот и в городе, и небо не проливалось дождем. Молчали и молились стоявшие на коленях старики, прекрасные женщины и суровые воины. Они были готовы молчать так, пока не свалится замертво. Владыке нужно было время, чтобы услышать их молитвы, подумать и узнать их снова.

Солнце давно опустилось за край мира, когда над коленопреклоненными людьми подул влажный прохладный ветер. Скрипнули ворота, приглашая гостей зайти. Запели, забили живые фонтаны ледяными струями подземной воды. А за городом, над сухими и безжизненными пастбищами, стали собираться темные дождевые тучи.

Вошедшие старики и сопровождавшие их молодые помощники, оставив дары у ворот, долго шли к тронному залу. Но господина своего они нашли на ступенях во внутреннем дворе с колоннадой по стенам и проснувшимся фонтаном посередине.

Прежде, как рассказывали, Владыка был белокож, красноволос и красив, теперь же они увидели совершенно лысого, безбрового, страшно худого и посеревшего нагого мужчину. На руках и ногах его не было ногтей, кожа была покрыта струпами, словно облезала. Глаза его были закрыты, грудь хрипло вздымалась. Губы были бескровны и сухи.

Нодери встал на колени и прикоснулся рукой к груди Владыки, там, где редко и неровно билось сердце. Владыка умирал. Видимо, оживление Белого города забрало его последние силы.

Старый пастух повернулся к остальным и прошептал, стараясь не потревожить умирающего:

— Бегите ко входу и ведите сюда баранов, не меньше десятка! А вы — жгите костры, прямо здесь!

Никто не посмел ослушаться. Сопровождающие быстро натащали штор из драгоценного суссона и сундуков из кедра и сосны, порубили их и возожгли костры. Пламя занялось быстро, наполнив и так раскаленный воздух жаром. Владыку перенесли на сооруженное ложе из шкур, укрыли. Баранам резали горло, набирали горячей крови и поили ею господина сначала по чайной ложке, потом чашками, а затем и ковшами — попеременно кровью и ключевой водой из фонтана.

Нодери первый увидел, как черты лица Владыки стали разглаживаться, услышал, как задышал спокойнее и ровнее царь его народа. И тут же приказал вести еще баранов, прямо сюда, во внутренний двор, да поскорее. А приведя их, прятаться у стен и не двигаться. Господин сейчас будет просыпаться.

Огонь костров быстро сожрал принесенную драгоценную пищу, и теперь угли тлели и переливались вокруг неподвижно лежащего тела. Бараны испуганно мемекали, люди, почти не дыша, прижались к стенам круглого двора за колоннадой. Были слышны только молитвы стариков и крики животных, чувствующих необъяснимый ужас.

Тело на шкурах дернулось, выгнулось, забилося, разворачиваясь в лежащего на спине белого дракона. С устрашающим ревом зверь бился во дворе, круша хвостом и перьевыми крыльями фонтан и колонны. Затих, с трудом перевернулся на бок, сфокусировал красный туманный взгляд на людях за колоннами. Потянулся к ним... но тут снова закричали и побежали прочь бараны, а чудовищный белоснежный ящер с утробным воем рванулся за ними, схватил первого, разорвал, брызнув кровью, мгновенно проглотил, потом второго, третьего.

Бойня продолжалась около часа, и с каждым съеденным животным движения дракона становились увереннее, а взгляд — осмысленнее. Наконец он остановился, оставив из стада не больше пятнадцати отчаянно мемекающих барашков, грузно повернулся к фонтану, опустил в воду заляпанную кровью морду и начал гулко пить. От его пасти по водной поверхности пошли маслянистые кровавые круги.

Наконец он напился, повернул голову к затаившимся за колоннами людям. Глаза дракона были темно-вишневыми, он шумно выдыхал воздух, изгибал шею, осматривая дворец и своих спасителей. Он и забыл, какие люди маленькие и хрупкие, словно червячки.

Вперед вышел ковыляющий дед, и дракон рыкнул, запретив подходить ближе. Дед повалился на колени.

— Великий Владыка, Царь Юга, Нории Валлерудиан. Мы, дети твои, пришли под твое крыло. Просим тебя, позволь нам остаться в городе и служить тебе.

— Как тебя зовут? — пророкотал дракон.

— Нодери, мой господин.

— Награжу. Трижды. Как долго меня не было?

— Пятьсот лет, Владыка, — тихим голосом сказал старик, и дракон замолчал, прикрыв глаза, будто эти сотни лет давили на него невыносимым грузом.

— Вы верны нам, дети Песков, — гулко прорычал он наконец, — вы порадовали меня. Кто пришел ко мне сегодня?

— Все языки, кроме тех, кто был слишком далеко и кого забрал песок. Все ждут твоего слова.

— Награжу, — снова пророкотал дракон. — Кто моего рода есть во дворце или в городе?

— Мы никого не видели, господин. Мы осмотрели все покои до того, как нашли тебя. — Старик закрыл голову руками, опасаясь гнева. — Город тоже пуст.

Дракон опустил голову.

— Осмотрите снова. Ранее в Истаиле и окрестностях проживала почти тысяча драконов. Должен был спастись хоть кто-то.

— Да, господин.

— И пошлите гонцов в остальные города. Я должен знать, кто из драконьего семени еще выжил.

— Да, господин.

Сзади, не дожидаясь повтора приказа, поспешили к воротам гонцы — осматривать дворец и собирать посыльных в другие города. Нодери счастливыми слезящимися глазами смотрел на хозяина дворца и не заметил, как сам склонился на бок и повалился на влажную землю.

Дракон хлопнул крыльями, отгоняя подбежавших было детей песка, перекинулся в человека и подошел к старику, встав перед ним на колени и проведя руками над его грудью. И печально вздохнул.

— Что ж ты так, старый, — сказал укоризненно, а Нодери смотрел на него тускнеющими глазами, улыбался и видел красноволо-

сого гиганта с темно-вишневыми глазами и белой, как светящийся перламутр, кожей. Красивого и мощного, как в сказках, которые передавались от стариков к детям все эти пятьсот лет, пока осиротевший народ бродил по пустыне.

— Обещал наградить, — шепнул он из последних сил.

— Да, — склонил голову Владыка-дракон.

— Обещай, что не оставишь больше своих детей.

— Обещаю, — уверенно сказал красноволосый.

— Обещай, что, выбирая между войной и миром, всегда подумаешь, как решить дело миром.

В глазах Владыки вспыхнул огонь ярости, он покачал головой.

— Я не могу дать такое обещание, старик.

— Обещай, — прошептали холодеющие губы. И дракон склонил голову.

— Обещаю, — сказал он.

Нодери улыбнулся и, не высказав третью просьбу, умер на руках своего господина, выполнив свое предназначение.

* * *

Из многих сотен проживавших в городе и вокруг него драконов во дворец вернулись только шестеро, из них две драконицы. Дети пустыни, отправленные на поиски, нашли еще двоих упавшими далеко в песках, отпоили, оживили и пошли искать дальше. Валлерудиан приказал пройти весь путь от города до рухнувшего пика, надеясь найти оставшихся в живых после почти пятивекового заключения соплеменников.

А Истаил тем временем оживал, радуясь каждому вернувшемуся человеку, каждому животному, пьющему из его колодцев. Скоро яркими заплатками расцвел базар, наполнив воздух ароматом специй, трав, табака и жареного мяса с медовыми лепешками. Задымили, зашумели сараи, принимая первых постояльцев и наливая жирный травяной чай с верблюжьим молоком высохшим старикам. Потянулись к городу вереницы караванов, пошли торговые люди и сопровождающие их воины. Счет детей, родившихся в ожившем городе, перешагнул за сотню, и услуги повитух стали цениться очень высоко. Вот и первый вор сел в тюрьму. За городом колыхались зеленые луга, и снова они казались покрытыми белыми и оранжевыми одеялами от пасущихся стад лошадей, овец и верблюдов.

Владыке Валлерудиану было чем заняться днем, восстанавливая жизнь города и дворца. Надо было назначить управляющих и вое-

начальников, советников и служащих. Заполнить огромный дворец слугами, казармы — охраной и новобранцами, выбрать судей и начальников стражи. И возродить гарем, в конце концов.

Наследников-драконов он мог иметь только от женщин своего племени, но мягкие, почтительные и послушные дочери Песков помогали Владыке ночами забывать ужас сковывающей крылья горы, наведенного сна и стоны умирающих от истощения в толще каменной породы братьев и соплеменников. А девушки, разделившие с ним ложе и понесшие от него детей, с почестями и подарками отправлялись домой, чтобы быть принятыми родными как героини.

Часто он брал в ночь и двух, и трех женщин, и никому от него не было обиды или боли, только сладкая ласка и жаркая любовь.

Владыке нравились заботы по восстановлению Истаила, он находил в них радость. Но более всего сердце его возрадовалось, когда во внутреннем дворе дворца приземлился его единственный младший брат, которого он уже не чаял увидеть живым. Энтери, родная кровь, так похожий на него.

Итак, из великой семьи Истаила их осталось всего десять, включая двух дракониц. И вряд ли в остальных городах ситуация лучше — значит, драконьему племени грозит вымирание. Но об этом Владыка подумает завтра. А сейчас он собирается праздновать.

Их было десять за огромным столом, и от длины этого стола, где ранее проводились празднества, ощущение того, что они враз осиротели, только усиливалось. Солнечные лучи, падающие через решетчатые высокие окна, отражались от овальной столешницы из черного полупрозрачно-дымчатого шлифованного камня, на поверхности которого проступали цветочные узоры из хрусталя разных цветов.

Ранее этот зал назывался Залом Радости. Он был ярок и красив: бело-синие мозаичные стены, круглый пол, выложенный узорчатой зеленой плиткой, высокие окна, небесно-голубая кипень кружевного купола. Всюду были высажены цветы, по углам били маленькие фонтаны с резвящимися в них золотыми рыбками.

Теперь его впору было называть Залом Скорби. Одной стороной он выходил в центральный фонтанный двор, вокруг которого кругом и был выстроен дворец. Другой — в длинную колонную галерею, спускающуюся в огромный сад с прудами, цветочными полянами, беседками и купальными чашами с пузырячатой минеральной водой. Этот сад можно было назвать лесом, так велик он был.

Вокруг собравшихся драконов тихо сновали слуги, накрывая на стол. Нории еще раз оглядел остатки своих подданных. Он никак не мог привыкнуть, что это — все и больше никто не выжил. Ни малыши сестры Оди́ти, ни двоюродные братья, с которыми они в детстве провели немало увлекательных дней, исследуя волшебный сад и окружающий мир. Ни дорогая его сердцу Ма́рити, приемная дочь его дяди и тети, которая волновала его с тех пор, как он осознал, что испытывает уже вполне взрослые желания. Но слава богам, что хоть эти живы.

Приветствую, братишка Энтери, ты даже не представляешь, как я счастлив, что ты нашелся... Непривычно худой и серьезный, ты давишь пальцами виноград и вдыхаешь аромат спелых ягод, будто не можешь поверить, что снова способен чувствовать. Мне очень хочется узнать, где ты пропадал целый месяц, но это ты расскажешь после пира, когда мы останемся вдвоем.

Здравствуй и ты, друг Че́тери, дракон-воин, старейший из оставшихся. По твоему опыту и силе быть бы тебе Владыкой и нести на себе ответственность за восстановление драконьего рода. Но так случилось, что кровь сильнее у меня. Жду не дождусь, что ты, лично облетевший остальные девять городов пустыни, расскажешь нам, много ли осталось нашего рода в Песках. Ты равнодушен к металлу и оружию, вот и сейчас взял откуда-то тонкое лезвие с костяной ручкой и водишь острием по зеленым и красным хрустальным цветам на поверхности стола, словно решая одному тебе понятную головоломку.

И вы, нежданные близнецы Мари́т и Дари́т, здравствуйте. Вы, остолопы, заслужили мою благодарность за то, что выжили. Вы, конечно, второй крови, поэтому не красные, а желтовато-рыжие. Много драконов гораздо сильнее вас погибло, а вы, два неутомных подростка, чудом остались живы. Вы рассказываете, что спаслись только потому, что успели долететь друг до друга и сплестись, как в материнском яйце. Так и лежали в толще горы, грея друг друга и помогая не сойти с ума от одиночества.

Позволь полюбоваться тобой, невероятно красивая, гибкая в человеческом теле, тонкая О́гни. Волосы у тебя ярко-красные, ведь ты моя двоюродная сестра. Ты потеряла мужа, Владыку соседнего города, и поэтому вернулась в семью. Ранее яркая, уверенная в себе, сейчас ты сидишь с потухшим взглядом и мысленно, скорее всего, возвращаешься к тому дню, когда мы всем драконьим народом полетели подписывать мирный договор и наткнулись на предательство.

Смейся, смейся, несмотря ни на что, желто-рыжая Медити, моя четвероюродная племянница. Вас было три сестры, выжила только ты одна. Ты смеешься, не обращая внимания на мрачность остальных, кокетливо трясешь своими золотыми волосами, общаясь с сидящим рядом драконом с огненной, яркой душой — Мири, который ни чуточки не изменился.

Он тоже, как Огни, двоюродный, только с другой стороны, а еще он совсем не воин, а вовсе даже поэт и бард, и сейчас он подшучивает над страстью Четери к оружию, просит Энтери прекратить, богов ради, насиловать ягоду и отбивать ему аппетит облизыванием пальцев.

Четери красноречиво проводит лезвием у своего горла, Мири в ужасе изображает, как прячется за Медити. Он всегда такой, как искорка в мрачном царстве.

Вдруг он хватается висящую за спиной бантру — маленькую гитару — и начинает что-то наигрывать и подпевать себе, дразня Чета:

*Не поймет чурбан поэта,
В чурбане поэта нету.
Ты дракон, а не оса,
Не жужжи, Тоска!*

Сидящий рядом с ним Ветери, дипломат и хитрец, разделяющий страсть старейшего к оружию и не разделяющий балагурства соседа, комично закатывает глаза и с ругательствами отбирает бантру у непонятого поэта. Медити хихикает. И в этот момент всех пронизывает ощущение, что у нас никого на свете больше нет. Мы молчим, и даже Мири опускает голову, прощаясь с братьями и сестрами из стаи.

За столом сидит еще один дракон, и он так же молчалив, как Огни. В горе у Тедери погибли жена и весь выводок детей. Он мрачен и не реагирует ни на дурачество драконобарда, ни на испытующий взгляд Владыки. Внутри него только пустота и чернота, и с этим придется что-то делать, иначе одним мертвым драконом у нас будет больше.

Владыка снова переводит взгляд на Четери, который как раз приобнимает за талию обслуживающую их темноокую служанку и что-то шепчет ей. Девушка мягко освобождается, опускает голову, идет дальше.

Четери перехватывает взгляд Владыки.

— Ты же знаешь, Нории, никогда против воли.

— Ты не меняешься, Гроза, — усмехается Нории. Дракон, которого прозвали когда-то Грозой не только за виртуозное владение

холодным оружием, но и за то, что он был грозой девичьих сердец, разводит руками:

— А как иначе? Пока в мире остается хоть одна женщина, мне есть ради чего жить. Правда, моя красавица? — Он подмигивает темноглазой девушке, которая как раз обслуживает Тедери, сидящего напротив. Девушка вновь опускает глаза, проигнорировав его.

— Чет, оставь решение сердечных дел на потом.

— Да разве ж это сердечные? — искренне возмущается крылатый бабник, провожая выскользнувшую из Зала служанку потемневшим взглядом. — Ну хорошо, давайте к делу.

Сидящие за столом поднимают на него глаза — кто-то внимательные, кто-то азартно заблестевшие, кто-то мрачные.

— Как всем известно, я посетил остальные города. Почти везде остались драконы. Хуже всего дело в Атáнии — там одна красноволосая драконица, Гйти, и четыре дракона. Лучше всего в Стáвии — вернулось сорок восемь, из них тридцать дракониц. Та́фия пуста. Из Владык остался только ты, Нории, как мы все и ощутили.

— Сколько нас всего? — Энтери, как и остальные сидящие за столом, потрясен. Все надеялись на лучшее.

— Ровно триста двадцать четыре. Из них меньше трети красноволосых. И сто двадцать женщин.

— Из почти четырехтысячной стаи, — горько произносит брат Владыки, сжимая и разжимая кулаки. Медити всхлипывает, а близнецы тарашатся на Чета так, будто надеются, что он скажет, что пошутил.

— Проклятые колдуны, — с ненавистью, словно плюясь, выдыхает Огни. — Уничтожить бы эту проклятую страну, и дело с концом!

Молчащий Тедери, остро и с пониманием глянув на нее, снова уходит в себя.

— Те, кто сделал это с нами, давно уже мертвы, — напоминает Четери, сочувственно глядя на драконицу. — Нам некому мстить.

— Да и мы уже мертвы, разве непонятно? — Драконица со злостью передергивает плечами. — С таким размером стаи мы просто вымерем. Даже если каждая из оставшихся женщин займется круглогодичным высиживанием яиц, все равно мы получим первого половозрелого дракона через тридцать пять лет. И наш максимум — три яйца за кладку, вы все это прекрасно знаете. Вот и думайте, сможем ли мы хотя бы поддерживать численность, не говоря уже о том, чтобы снова заполнить города и заставить их жить. Нет выхода!

— Вообще-то, — осторожно начинает Чет, — выход есть. Нории?

— Королевская кровь? — Владыка знает ответ на этот вопрос.

— Что такое «королевская кровь»? — спрашивают близнецы и смущаются, когда все поворачиваются к ним. Четери глядит на Нории, словно спрашивая, можно ли делиться информацией с остолопами. Красноволосый гигант кивком разрешает.

— Это не «что такое», а «кто такое», точнее, «кто такая». — Чет, как заправский актер, выдерживает паузу, пока на него с нетерпением смотрит молодняк. — Жена для нашего Владыки.

— Ну-у-у-у, — Медити морщит нос, — если для дела надо, то я, конечно, могу. В жены. Только что это нам даст?

Драконы хохочут, и даже Огни улыбается.

— Милая, любой дракон посчитал бы за счастье жениться на тебе, — примирительно говорит Нории, увидев, что молодая драконица чуть обиделась. — Но все дело в том, что нам нужна носительница особой, древней крови не нашего рода.

Медити, ничуть не расстроившись, тихонько и с облегчением выдыхает. Потом просит Нории рассказать подробнее, потому что пока ничего не понимает.

— Ты же знаешь, какова наша природа? — спрашивает Нории. Медити, не очень поняв вопрос, качает головой, и он вздыхает. — Ты знаешь, что мы являемся живыми магическими артефактами, потомками любви земных воплощений богов, Воды и Воздуха. По своему строению мы мало отличаемся от людей, во всяком случае в человеческом облики. Мы способны иметь детей от человеческих мужчин и женщин. А вот наша аура совершенно иная по структуре, нежели человеческая, и позволяет оборачиваться в дракона. Ты помнишь, какими свойствами обладает любой дракон независимо от окраса?

Медити не успевает ответить, когда один из близнецов радостно выкрикивает:

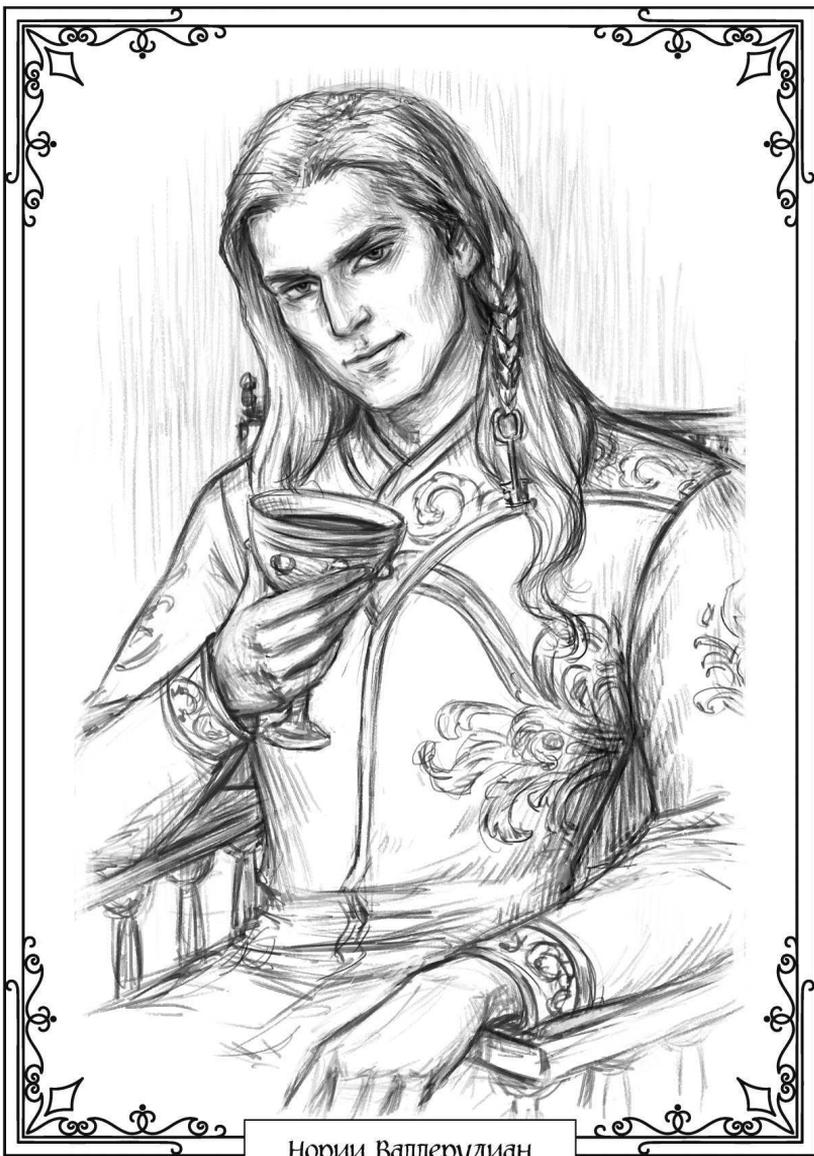
— Целительство, плодородие и богатство!

Нории одобрительно кивает.

— Совершенно верно, Дарит. Дракон — это живой артефакт, который приносит земле, на которой селится, изобилие и плодородие. И если вы, рыжие, больше притягиваете золото и драгоценности и вашего живого влияния едва хватит, чтобы озеленить и дать воду в одну деревеньку, рядом с которой вы находитесь, то красноволосые уже работают, условно говоря, по гораздо больши́м площадям. Но они и рождаются реже. При этом золото им не дается.

— А Владыки? — спрашивает Медити.

— А Владыки мало того что рождаются крайне редко, еще и обладают весьма специфическим могуществом. Им подчиняются стихии Воздуха и Воды, и они могут, в зависимости от возраста, озе-

Нории Валлерудиан

ленить и сделать плодородными и безопасными сотни километров пустыни. И они же способствуют изобилию во всем. У всех без исключения живых существ, живущих на территории дракона, увеличивается плодовитость. А степень увеличения зависит опять-таки от возраста. Чем моложе Владыка, тем она слабее.

— А вы какой?.. — Она краснеет. — Вы сильный?

— А я молод и очень слаб, милая, — смеется драконий Владыка. — Но у нас есть выход. Дело в том, что в мире, кроме нас, есть еще живые магические артефакты, тоже наследники божественных предков. Например, бермонтские оборотни-берманы ведают лесом и видят магические источники и разломы. Инляндские монархи, родственные нам дети Воздуха, всегда были прекрасными виталистами-целителями и имели защиту от ментальной магии, смиряли ураганы. Все эти магические особенности королевских родов даны нашими божественными предками, как указывается в книгах, для поддержания баланса в мире.

— Для поддержания баланса был дан Рубин, — ворчит Ветери тихо, что-то наигрывая на бантре.

— Сейчас речь не о Рубине, — мягко замечает Нории.

— Тен Нори, ну при чем же здесь жена? — не выдерживает нетерпеливая Медити.

— Не просто жена, милая, а жена из определенного рода. И не просто из рода, а старшая незамужняя женщина этого рода, которая может иметь детей.

— Так зачем же вам жениться, Нории, ну расскажите, пожалуйста!

— Немножко терпения, Медити. Дело в том, что члены семьи Рудлог в той или иной степени тоже являются магическими артефактами. Универсальными усилителями магии.

— То есть, — хмыкает Мири, — наш Нории — артефакт и леди Рудлог — артефакт. И что происходит, когда два артефакта... э-э-э-э... контактат?

— Взрыв? — осторожно предполагает Медити.

— Точно, взрыв. Взрыв рождаемости, если точнее! — гогочет крылатый гитарист.

— Подожди, не путай, Мири, — останавливает его Владыка. — Видишь ли, малышка, брак с сильнейшей девой рода Рудлог и ее инициация приведет к многократному усилению моих способностей. Я смогу оживить все города и все Пески. У людей чаще будут рождаться двойни, а драконьи кладки будут не из двух-трех яиц, а из шести-восьми, и это уже дает надежду на будущее.

— Инициация? — переспрашивает непонятливая Медити. Подружки рядом с ней краснеют, а Четыри весело говорит:

— Я тебе потом объясню все, девочка. Когда вырастешь. Итак, — обращается он к Нории, — нам нужна королевская кровь?

— Нам нужна королевская кровь, — подтверждает Владыка, отпив чудесного прохладного вина из тяжелой серебряной чаши.

ГЛАВА 6

Конец августа,
Магический государственный университет
Иоаннесбурга, столицы Рудлога

— Ситников, Поляна-а-а-а, быстро в кабине-е-е-ет ректора-а-а-а! Ситников, Поляна-а-а-а, вас где-е-е-е-ет у себя ректо-о-о-о-ор!

Расположенные в стенах коридоров и на специальных стенах на территории столичного Магического университета камни — каменные лица, вписанные в орнаментальные заклинательные круги, — вдохновенно пропевали вызов нерадивым студентам. Получался многоголосый хор. Новенькие часто заслушивались им, но скоро это надоедало, потом начинало вызывать раздражение. А к концу обучения все так привыкали, что не реагировали, даже если камень начинал орать над ухом. Надо ли говорить, что талантливая и креативная магическая молодежь не могла пройти мимо столь заманчивых полотен, и из года в год с поступлением младой поросли будущих магов камням пририсовывались усы, рога, ослиные уши и волосы, красились веки и губы, делались препохабные подписи — чтобы потом угрюмо оттирать свое творчество. Камни с удовольствием закладывали вандалов, а при оттирании либо оглушающе пели дурными голосами, либо старались кусануть за руку, либо отпускали похабные же комментарии, глумясь над отработывающим наказанием жулиганом.

А вообще они были замечательные, только скучали без общения. Сторож Василий Иванович вечером обходил их с бутылкой самогона, беседовал по душам. Увы, алкоголь действовал только на сторожа, поэтому МагУниверситет частенько оставался без присмотра. Впрочем, на него было наложено столько защитных щитов и сигналов, что все только дивились: зачем академии сторож, да еще и алкоголь? Нет, он хороший дедок, но смысл? И только ректор Сви́дёрский знал, что на самом деле сторож Василий вовсе не сторож, а прирожденный собеседник для камней. Где он еще найдет добровольца, готового развлекать каменных глашатаев и рассказывать им все дневные новости?

На двух мчащихся по лестнице вверх шестикурсников встречные студиозы и преподаватели, зачем-то зашедшие в университет

в конце лета, смотрели по-разному: первые — с сочувствием, вторые — с ехидством. Парочка спешащих студентов зарекомендовала себя в качестве разгильдяев и прогульщиков, сдающих сессии только благодаря силе, которой не каждый взрослый маг мог похвастать, да недюжинному таланту. Однако сейчас они все еще не были переведены на седьмой, последний курс — с начала лета у них висели «хвосты» и «хвостики», и первая осенняя неделя учебы для других, более удачливых студентов могла стать для них последней в университете. Так и сказал декан — последний шанс все пересдать за один раз, так что грызите, недоумки, как я от вас устал, чтоб вас по три дня похмелье мучило, гранит науки и магии, иначе полетите со справкой из универа и будете всю жизнь подрабатывать в лавках, заговоренную водичку доверчивым гражданам толкать.

Поэтому и бежали «хвостатые» студенты так быстро, как могли, ибо магическую науку, несмотря на общее раздолбайство, любили и вне ее себя представить не могли. А тон обычно добродушного декана абсолютно четко показывал, что никаких поблажек и оценок за красивые глазки и статус лучших в потоке больше не будет и что все серьезнее некуда.

У кабинета ректора, который зачем-то — явно затем, чтобы студент, забираясь наверх, проникся тщетностью бытия, — находился на самом верхнем этаже университета, да еще и в башне, студенты остановились отдышаться. Возле тяжелой деревянной двери, на которой красивой серебряной вязью было выгравировано «Ректор Александр Данилович Свидерский», за таким же тяжелым столом сидела Наталья Максимовна — секретарь ректора, или «демон в юбке». Наталья Максимовна Неуживчивая работала очень давно и прозвищем скорее гордилась, ведь основной ее заботой было оберегать ректора от бесполезных посетителей. Полезность посетителей определялась самим же секретарем, отчего значительный процент просящих искал другие пути подхода к господину ректору. Александр Данилович не переживал: «Кому надо — тот до меня дойдет», — говорил он. Наталья Максимовна железной рукой курировала хозяйственную деятельность университета, благодаря чему студенты всегда были накормлены, одеты и обуты, а также имели место для учебы и сна в чудесной бесконечно гуляющей общаге.

И это место Матвей Ситников и Дмитрий Поляна рисковали потерять вместе с ежевечерними пьянками, набором первокурсниц на любой вкус и множеством таких же безалаберных приятелей. Короче говоря, положение было безрадостное. И Наталья Максимовна их бы не остановила. Но она и не собиралась, только поджала ак-

курратно покрашенные губы, повела седыми буклями и сухо произнесла:

— Проходите. Александр Данилыч вас ждет. Поляна, стойте! Немедленно заправьте рубашку в брюки, в университете запрещено все, что ниже пояса болтается. Вы же мужчина, а не чучело.

Увы, ржания не получилось, момент был не тот. Это потом они запишут очередной прикол от «демона в юбке» в специальную тетрадь, которая существовала уже в нескольких десятках томов и передавалась от выпускающихся студентов тем, кто только перешел на седьмой курс, являя собой наиболее полное собрание высказываний от Неуживчивой.

Тяжелая дверь отворилась сама собой, и тут вдруг над их головами зловеще и гулко ухнула сова, отчего студенты подпрыгнули и чуть не заорали. Немного успокоившись, они осторожно вошли внутрь. А вот если бы обернулись, то увидели бы на ухоженном лице Натальи Максимовны невиданную и непрофессионально довольную ухмылку. Потому что прикол с совой всегда срабатывал на «отлично», привнося в будни «демона в юбке» приятное разнообразие.

Сильно постаревший ректор Свицерский сидел за огромным столом и плел крючком что-то из странных липких и мохнатых нитей, по цвету больше всего похожих на толченую крапиву. Увидев посетителей, он прижал палец к губам, аккуратно досчитал: «Семь, шесть, пять, четыре, три, два, один» — и, закрепив петлю, отложил вязание на стол.

Студенты были в шоке. Одно дело — слышать сплетни о том, как за лето постарел их кумир, боевой маг, один из сильнейших на континенте. И совсем другое — видеть это своими глазами.

— По квадратным глазам сразу вижу прогульчиков, — с ехидцей сказал Александр Данилыч, подманивая оторопевших студентов к столу. — И первый вопрос, тунеядцы: что я вяжу и зачем?

Поляна мысленно застонал, проклиная вчерашние посиделки с гитарами и сивухой, отчего мозги были неповоротливы и напоминали вязкую сладкую вату. А друг его, удачно (как оказалось, удачно!) промаявшийся вчера животом, ответил:

— Похоже на заговоренную цепь из крапивного семени. Простая цепь не удержит нежить, а такая — да.

— Почти правильно, мой юный друг, — забавляясь, ответил ректор. — Считаю, на один ноготок ты уже на последнем курсе. А вторая часть вопроса? Так зачем я это делаю? Разве у нас мало мастериц, которые изготавливают растительные артефакты в промышленных масштабах?

— От нечего делать? — брякнул Поляна раньше, чем успел подумать.

— М-да, — Александр Данилыч покачал головой, — правду мне говорили, борзости в вас многовато. Увы, считайте, что сделали шаг назад. К вольной жизни вне университета. Так сказать, в золотую и прекрасную осень, которая вся впереди.

И он повел рукой в сторону окна. Там колыхались вершины гигантских типанов, и золота в них еще было мало, но парни приуныли. В вольную осень не хотелось. Это с пар сбегать прикольно, а уходить, когда дают образного пинка под зад, вовсе не весело.

— Ну-ну, не вешайте носы, господа студенты, у нас еще куча времени, — словно издеваясь, «ободрил» их ректор. Хотя почему «словно»? — Еще варианты есть? Вопрос третьего курса, практикум «Заклинания». Кто-то из нас вяжет, кто-то на гитаре или пианино играет, кто-то перебирает зерна, кто-то пазлы или мозаику складывает, кто-то йеллоувиньские головоломки протягивает...

В голове Ситникова смутно забрезжил ответ. И правда ведь, что-то говорили по этому поводу, пару раз под пиво, и даже в общаге есть несколько блаженных, которые со спицами сидят или с крючком, как ректор. Правда, они всегда смеялись над такими, а вот зачем заучки это делали, как-то из памяти улизнуло.

— Развивать пальцы? — раздался сбоку несколько удивленный своей догадкой, но мутноватый голос Поляны.

— Тепло, тепло, мой юный недоучка. Зачем нам развивать пальцы?

И Александр Данилыч поднял ладони и выразительно пошевелил длинными, украшенными перстнями пальцами.

От этого движения контакты в голове Ситникова наконец-то сомкнулись, и он выпалил:

— Для кастования заклинаний необходима крайне точная координация движений каждого пальца, потому что чем точнее рисунок каста, тем сильнее заклинание! А упражнения развивают координацию и силу пальцев!

Им с Поляной никогда не нужно было заниматься этой чепухой — пальцы и так были гибкими, да и талант не пропьешь. Поэтому и подзабыли элементарную вещь.

— Молодцы! — Ректор изобразил бурные аплодисменты. — А притворялись глупенькими. И в чем отличие кастования от волшебства?

Студенты со смущением потупились, и раздухарившийся огромный Ситников гулко ответил, будто солдат перед генералом:

— Волшба использует готовые заклинания! Заговоры, обереги, стандартные заклинания из книжек — это волшба! А при кастовании используются чистые потоки силы, которые моделируются по известным или выводимым формулам в зависимости от необходимых параметров и искомого результата! Для волшбы не нужна работа рук, а для кастования это необходимость. Все, господин ректор!

— Молодец, — повторил Александр Данилыч, — от страха что только не вспомнишь. А теперь, когда мы убедились, что мозги в ваших головах работают хотя бы на простые логические построения, самое время приступить к сдаче собственно зачета.

Ситников и Поляна, вообразившие вдруг, что их мучения уже закончены, глухо застонали.

Александр смотрел на них и улыбался про себя. Давно ли он был таким же разгильдяем, воображавшим, что мир прекрасен и только и ждет, чтоб принять его в объятия? Да уж, а ведь давно. Мальчишки-то талантливы, одни из самых талантливых юных магов, прошедших через университет за много лет его ректорства, но с опасным ветром в голове. Хотя... их компания повзрослела уже после выпуска, когда оказалось, что мир полон чужого горя и просьб о помощи.

А вслух он сказал:

— Придется вам меня удивить, господа студенты. Даю десять минут: разминаем пальцы, собираемся с духом, — тут он подмигнул, щелкнул пальцами, и в голове Дмитро Поляны образовалась чудесная, трезвая, прекрасная ясность, — и кастуем мне Зеркало Вызова.

Поляна и Ситников оживились: Зеркало Вызова они использовали чуть ли не каждый вечер, когда пиво заканчивалось, а гонцом в ближайший магазин идти никто не хотел. Тогда они просто (ну, или сложно, в зависимости от количества, употребленного ранее) пробивали Зеркало до продавца магазина, и тот передавал им возделенное пойло. Но зачем тогда столько времени? За десять минут они тут десять Зеркал нарисуют.

— Адресаты, — ехидно сказал Свидерский, явно читая их мысли, — ректор Блакорийской высшей магической школы Мартин фон Съедентент, придворный маг Инляндии Виктория Лыськова и Малыш... тьфу, Максимилиан Тротт, живущий в Гбстловском лесу в Инляндии. Все параметры — в формулярах. Адресаты на местах и ждут. Приступайте.

Под колени ошарашенным студентам ткнулись удобные стулья, а на колени спланировали папки-формуляры с биометрическими и географическими параметрами адресатов. Они тут же договорились между собой, что сначала прокладывают Зеркало до ближайше-

го мага (им оказалась леди Виктория), а уж потом подцепят к созданному пространственному Зеркалу дополнительные слои.

Протрезвевший Дмитро Поляна монотонно, словно закручивая волчок, затвердил формулу, вставляя в нужные места поправки и необходимые данные. При этом он перебирал пальцами, будто играя на воображаемой флейте, поставленной вертикально и размером с палку от швабры. Александр внимательно наблюдал за ним и даже увидел парочку весьма нестандартных решений. Ситников стоял на подстраховке, купируя лишние нити силы и придавая оставшимся нужную форму и плотность.

Вот между ними сложился узкий овал, будто сотканный из прозрачного стеклянного, но не бликующего кружева. Вот центр кружева начал мутнеть, но тут Поляна сбился с ритма, и нити лопнули, чувствительно дав по ушам. Ситников, не успевший подхватить слетевшую нить, из-за отдачи отлетел к стенке вместе со стулом, врезавшись в книжную полку.

Студенты расстроились. Вообще, забавно было наблюдать за ними во время работы. Идеальная боевая пара. Глаза блестят от вдохновения, полное понимание друг друга, предугадывание, что сделает партнер в следующий момент. Интересно будет посмотреть на них лет так через двадцать, если доживут, конечно.

— Чего сидим, добры молодцы? — гаркнул, забавляясь, ректор. — Зачет волшебным образом у вас в книжках не проявится. Попытка номер два. Ситников, упускаешь правый край, активнее задействуй мизинец. Поляна, просто медленнее, ритм держишь хорошо.

Второй раз сплелось кружево, начал мутнеть и сереть центр, а овал стал растягиваться по бокам, пока не превратился в огромное Зеркало. Раздался длинный высокий звук, переходящий в невыносимую для уха частоту, и резко оборвался — связь установилась. Из портала на Александра Данилыча обеспокоенно смотрела черноволосая и смуглая молодая женщина с темными глазами. А студенты уже вплетали стабилизаторы, чтобы переход мог держаться без их участия, затем, убедившись, что связь стабильна, начали накладывание слоев.

— Санечка, — с придыханием обратилась к ректору высокая волшебница, но, увидев, как он скривился и показал глазами куда-то вбок, моментально поменяла тон. — Александр Данилович, добрый день. Кто там у вас?

— Семикурсники, я думаю, — ответил он, с теплотой глядя на черноволосую красавицу. И тут же рявкнул на отвлекшихся разгильдяев: — Узор держать! До конца задание выполнять! Обрадовались, умники!

Умники сосредоточились. В растянувшемся Зеркале один за другим появились барон фон Съедентент и лорд Тротт. Они, не обращая внимания на студентов, быстро закрепляющих стабилизаторы, заговорили одновременно.

— Милая, я скоро вернусь, — низкий и немного раздраженный голос барона с четким выговором гласных звуков.

— Иду, минутку! — Это Тротт, наверняка спешно что-то доделывает или дозаписывает результаты опытов.

— Александр Данилыч, мы теперь удержим. — Это Виктория. Она обеспокоенно глядела на ректора, и студентам хотелось погреть уши и остаться, но не тут-то было.

— Все, раздолбай, идите, зачетки потом у Натальи заберете. И чтоб на моем практикуме я вас видел постоянно, понятно? Один прогул — и полетите. В эту самую золотую осень. Все ясно?

— Понятно! — Еще не веря, что так легко отделалась, «талантливая молодежь» выбежала из кабинета быстрее, чем иные телепортом уходят. Раздалось дружное хмыканье — господа профессора, кавалеры кучи разных орденов явно вспоминали себя и веселились.

— А давайте ко мне? — пригласил друзей Александр Данилович, делая широкий жест. — Не люблю общаться через Зеркало, потом глаза режет, как песком насыпано.

— Лучше уж к Виктории. — Черноволосый красавчик Мартин, избавившийся от дамы в спальне, оглядел придворного мага Инляндии и подмигнул ей. — Хочу посмотреть, какие хоромы наша акулочка себе по контракту отжала.

Виктория, ставшая придворным магом всего полгода назад, нахмурилась и бросила:

— Обойдешься. Тебе и в лучшие-то времена в мою спальню вход был заказан. Сколько лет, а наш бароша не меняется — рядом всегда хотя бы одна баба.

— Но-но! — развеселился блакоріец. — Чтоб ты знала, это не просто баба. Это целая герцогиня...

— Не знаю и знать не хочу, — брезгливо ответила Виктория и демонстративно закрыла уши.

Тем временем Рыжик, или Малыш Макс, он же сильнейший природник в мире Максимилиан Тротт, уже перешел из своей лаборатории в кабинет Александра, попутно вытирая руки белоснежным полотенцем. Они обнялись, и Макс пораженно уставился на друга.

— Саш, что с тобой? Это эксперимент какой-то?

— Почти. — Александр пригласил его сесть рядом. Аккуратный, высокий, с чисто выбритым породистым лицом рыжий инляндец

был автором более полутора сотен уникальных зелий. Свицерский усмехнулся, вспоминая, как в юные годы их студенчества гениальный друг неоднократно пробовал свои зелья на одноклассниках, и частенько последствия ставили в тупик и преподавателей, и приглашенных спасать горе-экспериментаторов специалистов. — Я сейчас все расскажу, подожди.

— А чего рассказывать? — громогласно объявил подошедший Мартин. — Алекс решил, что ему скучно быть живым ректором, непременно нужно стать мертвым героем.

— Не тараторь, — поморщился Макс, и Мартин странным образом послушался.

— Я могу докачать тебе источники, — предложила Виктория хозяйину кабинета. — Хватит еще на пару месяцев. — Она протиснулась к столу, наклонилась, чтобы собрать бумаги, и Мартин, конечно, не преминул при этом оглядеть тылы придворного мага и восхищенно присвистнуть.

— Вот почему, — задумчиво протянул Макс, — когда мы по отдельности, то мы уважаемые ректоры, профессора и маги? А когда вместе — те же придурки, что и в университете?

— Это потому, что с вами я могу быть самим собой, — тряхнул черными волосами Мартин, к кривлянию которого это замечание в основном и относилось. — Вики, не обижайся, ты красавица, как всегда. Просто у меня душевная незаживающая рана от твоего отказа на седьмом курсе. Ты, можно сказать, мне жизнь сломала, жестокосердная. Малыш, а ты еще не женат? — внезапно сменил он тему.

И трое магов, профессоров и ректоров захихикали над старой общей шуткой. Макс единственный из них никогда не состоял в браке, так как был женоненавистником и считал женщин, за исключением Виктории, с которой они были знакомы почти всю жизнь, досадным недоразумением.

— Женюсь, когда ты по бабам перестанешь бегать, — огрызнулся Макс.

— Вас бы слепить, а потом поделить, и получились бы два идеальных семьянина. — Алекс с улыбкой наблюдал за переругивающимися друзьями.

— Упаси боги, — хором заявили они.

Холодный и рассудительный Макс и темпераментный, постоянно втягивающий их пятерку в разные неприятности Мартин были абсолютными противоположностями. Что не мешало им вставать друг за друга горой и прикрывать спины, когда это было нужно. Но с тех пор, как это было нужно, прошло много-много лет. Теперь

они почтенные мужи, пусть даже внешность всех, за исключением Александра, тянет максимум на тридцать — тридцать пять лет. И пусть от скуки и монотонности иногда сводит скулы, Свицерский, вопреки смешкам Мартина, предпочел бы помирать от скуки, чем от того, встреча с чем, как вопили его инстинкты, им предстояла.

Виктория тем временем деловито собрала с его стола бумаги, аккуратно сложив их на ближайшей тяжелой тумбе, сбегала обратно в свои покои через чуть подрагивающее, но стабильное Зеркало и притащила несколько пузатых бутылок, блюдо с яблоками и апельсинами. Затем порылась в огромном шкафу, достала оттуда несколько запыленных высоких бокалов, сполоснула их в раковине в углу, хотя Мартин предлагал не ходить далеко и использовать для этого бьющий у стола Алекса маленький фонтанчик. Для удобства у магов в покоях и кабинетах всегда были источники шести стихий: бегущая вода — фонтанчик или водяная мельница; земля, обычно в цветочном горшке; растение — жизнь, воздух; «музыка ветра» — гармония; камин или лампада — огонь — и какие-нибудь кости или чучело — вместилище стихии смерти.

— Хозяюшка, — с умилением сказал Мартин, успевший уже цапнуть бутылку, откупорить ее зубами и знатно приложиться. Виктория выразительно показала ему «боевую клешню», успешно заменяющую у магов знак «урою». Правда, урывали обычно нежить, но и Мартин впечатлился.

— Недотрога и Кусака, — прогнусавил он удовлетворенно, делая еще несколько глотков. — Но вот вино у тебя всегда хорошее. Эй, без членовредительства! — Барон подскочил на кресле, чувствительно ужаленный в мягкое место слабеньким, но коварным разрядом. — А если б ты на пару сантиметров промахнулась?

— Тогда бы пэры Блэкории мне памятник поставили, — ухмыльнулась покусившаяся на самое дорогое волшебница. — Может, хоть половина рождаемых аристократами детей перестанет быть похожа на тебя. Кроликов в роду не имелось?

— Ну, ты преувеличиваешь, — гоготнул забывший про недавнюю опасность Мартин.

— Разве что самую малость, — прищурилась Вики.

Пока друзья переругивались, Макс встал, взял из рук Виктории бокалы и наполнил их вином. Они выпили, по привычке первый раз не чокаясь — за пятого.

— Итак, — Тротт снова разлил вино и оглядел одnogруппников, — теперь можно рассказать, что за таинственная повестка дня и почему ты, Александр, так выглядишь.

— Все просто, — ответил ректор, расслабленно сидя в кресле и сжимая в руке бокал. — С исчезновением стабилизирующего фактора королевской крови на троне уровень защиты на континенте потихоньку стал снижаться, несмотря на то что другие правящие семьи остаются на своих местах. Ранее стабильный стихийный поток идет теперь волнами, то густо, то пусто.

— Это мы все знаем, — спокойно сказал Макс. — Это не критично, уже все приспособились — с накопителями и источниками. Почему ты-то, сильнейший из нас, выглядишь как восьмидесятилетний старик?

— Я выгляжу на свой возраст, — возразил Алекс. — Наш возраст, — добавил он тихо.

— Алекс думает, что где-то, возможно в нескольких местах, в момент отлива волны произошел точечный пробой, — перебил его нетерпеливый Мартин. — И опять-таки, возможно, нас скоро ждет демонический прорыв.

— С чего ты взял? — заволновался обычно невозмутимый Макс. — Я ничего не чувствую.

— Ты со своими зелеными друзьями и дракона за спиной не почувствуешь. — Способность Малыша уходить в работу с головой давно стала притчей во языцех.

— И что? Как это связано?

— Им требуется пища, и чем качественнее, тем лучше, — пояснил Свидерский. — А если пища ослаблена физически, но при этом магически сильнее большинства живых существ, да еще и доступна? Какова вероятность, что захотят подкрепиться именно ею?

— Так ты у нас вроде приманки, что ли? — поразился Макс. — Ты с ума сошел, Данилыч? Именно поэтому ты блокируешь метаболизм, дурень? Я думал, что в нашей компании место патентованного идиота прочно занято Мартином. — Фон Съедентент не обиделся, просто широко улыбнулся и отсалютовал бокалом. — Но ты сразу побил все рекорды. Или, пока я отсутствовал, вы мозгами поменялись?

— Не ори, — поморщился ректор МагУниверситета. — Думаешь, мне радостно больше двух месяцев сидеть в скрипучем, стареющем теле? Но я уже и так прикидывал, и эдак, прежде чем решиться. Найдут наши «благородные» дурни королеву или нет, непонятно, рисковать мы не можем. Хотя мой внешний вид послужил для лордов-заседателей отличным стимулятором. Пришлось наврать, что это из-за оттока магии, зато впечатлились. Задумались, наверное, что будет с их семейными артефактами и защитой имений. Но я не об этом...

Магическое поле все-таки крайне нестабильно, и по косвенным признакам я посчитал, что пробой уже произошел.

— Это по каким таким признакам? — поинтересовался Макс. Молчащая Виктория хмурилась и с жалостью поглядывала на Алекса.

— А какие есть признаки прохода демонической сущности? — пожал плечами Алекс. — Седьмой курс, лекции Алмаза Григорьевича.

— Необъяснимые массовые психозы, самоубийства, — перечислила отличница Виктория. — Увеличение силы Темных, уменьшение их способности себя контролировать. Активизация и резкое увеличение числа и силы нежити.

— Собственно, — Алекс налил себе еще вина, — сообщил мне о возможном прорыве мой давний знакомый, Темный. Они с семьей зашли попрощаться, решили переехать на побережье, поближе к монастырям Триединого. Там им проще не поддаваться. Он сказал, что у него усилилась тяга к подпитке. Черные целыми семьями снимаются с мест и уезжают туда. И это легализованные, социально устойчивые. Что происходит в семьях со старым укладом — боюсь представить.

— Так вы думаете, — Макс обвел друзей напряженным взглядом, — что прорыв уже произошел?

— Либо уже, либо в самом скором времени произойдет, — тихо сказал Александр. — Но где, я не знаю. В Рудлоге или на границах с соседями. За границей королевские семьи держат крепко, там появление одержимого маловероятно. Даже направления не чувствую. Зато знаю, куда демон почти наверняка придет, чтобы поскорее вступить в полную силу. В место, не только полное молодых и вкусных магов с брызжущей во все стороны энергией, но и с десертом в виде меня. И бонусом — студенческой общаги, этой порочной смеси борделя, алкогольного бара и лавки с дурман-травой. Там уж точно он будет как рыба в воде.

— Почему сюда, а не в любую другую академию? — спросил неприятно потрясенный Малыш.

— Самое крупное заведение страны, сам знаешь, и самые мощные преподаватели, самые одаренные студенты, — ответил Алекс. — В других обучаются десятки и сотни, у нас тысячи. Да, это допущение, но допущение очень вероятное. Если прорыв был, он не может не прийти сюда. А возможно, он уже среди поступающих или принятых на работу преподавателей. Или даже среди давно обучающихся студентов, если там были Темные. Но пока я не чувствую ни присоски, ни усиления оттока. Несмотря на это, я приказал отслеживать студентов с необычными магическими способностями. А когда он дотянется до меня, я почувствую и смогу узнать, кто это.

— Все-таки ты идиот, — обреченно выдохнул Макс. — И вы это поддерживаете? — обвиняюще глянул он на друзей. — Данилыч ослабленный, в дряхлом теле, да он двух шагов не может сделать, чтоб не развалиться. А от демона, как мы знаем, придется бегать! Несмотря на то, что мы гораздо сильнее сейчас, чем тогда...

— Это если мы не накроем его раньше, — перебил Алекс.

— Я предлагала не страдать дурью, а обратиться к Алмазу Григорьевичу, — стала оправдываться Вики, — но ты же знаешь Алекса, он скорее подставится демону, чем покажет старикану свою несамостоятельность.

— Восемьдесят лет, а ты все еще дуешься на него из-за «тройки» по демонологии? — изумился Макс.

— Единственной «тройки» в аттестате, между прочим, — отозвался Алекс. — Старик лишил меня диплома с отличием, зато обеспечил десяток лет боевой практики по трактам и кладбищам, за что ему, конечно, поясной поклон. В то время как вы проходили практику при дворах и университетах, мы с Михеем мерзли и мокли под дождем и снегом.

— Хорошо, — Макс поморщился. — Как ты думаешь его одолеть? С демонами практика у нас не очень удачная. Мягко говоря.

Как всегда, при упоминании о погибшем друге и «практике» общения с демонами они притихли и помрачнели.

— Поэтому и нужно вычислить его до того, как он насосется энергии и войдет в полную силу. Заманим, свяжем Сетью или Ловушкой, а потом раскатаем. Заманивать, — Свицерский усмехнулся, — будем мной.

— А если это не сработает? Данилыч, обещай мне, что обратиться к Алмазу. Иначе я сам к нему приду! Не будь дураком, цена ошибки слишком велика.

— Не кипятись, — успокаивающе попросил Алекс. — Дай мне пару недель, и я обязательно схожу к Деду на поклон. Но ты же знаешь его: если я что-то не учту, пошлет, и еще спасибо, если посохом поперек спины не огреет. Он сейчас занят теорией глобального сеяния, ему не до мелочей типа демонов. Он божественные истины познаёт.

— Нам нужны еще участники, — Виктория в упор посмотрела на Александра. — Нужно обращаться к магам Йёллоуиния, к серениткам, пригласить сюда служителей Триединого. Духовники нужны как воздух, без них ты не справишься.

Свицерский тяжело вздохнул.

— Друзья, я не хочу никого звать. Я доверяю вам троим, а остальные... сами знаете. Никогда не будешь уверен, что перед тобой не за-

таившийся Темный. Полукровки могут не проявляться всю жизнь. А если устроим облаву, нагоним специалистов, спецслужбы, то спутнем. И ищи его потом — когда он силы наберется, как в прошлый раз.

— Чем мы можем помочь, Данилыч? — нетерпеливо спросил Макс. Его ожидала работа в лаборатории, и было не до долгих разговоров.

— Прежде всего я хотел попросить вас временно поработать в университете в качестве приглашенных специалистов. Мартин, с тобой можно согласовать это в рамках обмена опытом и преподавателями. Обещаю, когда все закончится, провести у тебя годичный курс лекций и практикумов. Ну соглашайся, ты же умрешь от скуки и любопытства, если не согласишься.

— Все-то ты знаешь, — широко улыбнулся захмелевший уже господин блакорийский ректор и отсалютовал другу бутылкой. — Соглашусь, если Вики меня поцелует.

Виктория, не говоря ни слова и чеканя шаг, подошла к опешившему барону, наклонилась, схватила за грудки, подтягивая к себе, и впилась в его губы поцелуем. Макс и Алекс наблюдали только квадратные глаза шутника.

Когда поцелуй закончился, Виктория вернулась на место, взяла бокал и иронично отсалютовала Мартину.

— Что ж сразу так пугать-то, Кусака, — проворчал пытающийся отдышаться фон Съедентент. — Меня чуть удар не хватил. Я понял, что это серьезно. Кстати, как тебе поцелуй?

— У твоей герцогини отвратительный вкус помады, — скривилась Виктория, демонстративно оттирая губы.

— Так я ж ее не ем, — глумливо засмеялся Мартин. — Ладно, я согласен. Я бы и так согласился, вы же знаете. А ты, Макс? Переси-лишь себя?

Алекс повернулся к природнику:

— Да, Макс, я знаю, как ты не любишь людей...

— Я не люблю тупых людей, — поправил педантичный Малыш.

— Ну что сделаешь, если почти все человечество тупее тебя? Но мне нужны глаза и уши. И твои репелленты. На демонов ты их еще не мешал? Вот тебе и поле для экспериментов.

— Ну что ты меня как маленького уговариваешь, — устало отмахнулся Максимилиан. — Естественно, я помогу тебе. Только жить в общаге я не буду, уж уволь. Ты же знаешь, как могут доставать студенты. Буду ходить через Зеркала. И никаких студенток на занятиях.

— Хорошо, — вздохнул Свидерский. — Спасибо, друже! Вики?

— Я возьму отпуск на пару месяцев. Потом ничего не обещаю. Но зато пока смогу пожить в общежитии, помониторить там ситуацию. И все равно я считаю, что нам нужна помощь.

— Я обещаю тебе поговорить и с коллегами, специализирующимися на демонологии, и с Алмазом. Спасибо, что согласилась, дорогая.

— Не за что. — Виктория цапнула со стола дольку апельсина. — Хорошо, что мы снова в деле.

— Ага, — произнес ставший вдруг серьезным Мартин. — Главное, никого не потерять больше. Как в прошлый раз.

Перед уходом, пока Алекс с Мартином чертили схемы силового поля, Виктория подошла к моему рукам Макс и прислонилась к нему сзади.

— Хочешь, я пойду сегодня с тобой, Малыш?

Его спина напряглась, и прошло несколько мгновений, прежде чем он глухо сказал:

— Нет, Вики, не нужно. Иди домой.

Она только горько улыбнулась. В который раз.

ГЛАВА 7

Конец августа,
Белый город Истаил, Пески

— Садись, брат, хорошо, что ты проводил меня в мои покои. Да, я пьян, я пьян оттого, что я живой, и оттого, что они все мертвы. Мама, отец... Во мне бьется безумная надежда на то, что они, так же как и я, как все мы, чудом спаслись...

Что тебе рассказать? Когда нас поймали в камень, я находился выше, чем ты, поэтому, наверное, и выжил. Отец с матерью парили под нами. После того как прилетел стазис, я еще чувствовал их, чувствовал и когда мы погружались во тьму. Они успокаивали нас, поминишь? Пытались бороться, пытались спасти нас...

Иногда я думаю: я выжил, потому что не стал бороться, а они умерли, потому что потратили лишние силы, пытаясь противостоять проклятому Сэдрику.

Нет, я не хочу спать. Я боюсь спать. Смешно, да? Теперь я боюсь темноты и боюсь засыпать, потому что ночью снова оказываюсь там, под тысячами тонн скалы, и задыхаюсь, бьюсь, не могу вырваться

ся. Кто бы знал, что взрослый дракон может вести себя как рыдающая женщина? Мне очень стыдно, но я поэтому и напиваюсь, чтобы отключиться и спать без снов...

Не надо меня жалеть, я не маленький. Ну хорошо, пусть для тебя я всегда малыш, но я тебе шею сверну, если ты еще при ком-то это повторишь. Да, брат, я тоже тебя люблю. Знаешь, а пойдем наверх, а? Как раньше, посмотрим город на закате?

Двое очень похожих красноволосых мужчин сидят на скате крыши второго этажа дворца. Только один — крепкий, с длинными волосами, завязанными в узел, а другой — исхудавший, с неровно отрастающими короткими прядями. Черты лица его немного мягче, чем у старшего. Присмотревшись, можно заметить и другие отличия: в волосы старшего вплетен амулет, напоминающий ключ, и тела мужчин покрыты едва видными разными узорами, которые проступают в свете солнца, зато ночью, напитанные солнечной энергией, мягко, чуть заметно сияют.

Небо налито синевой и пурпуром, огромное солнце дрожит в вечернем мареве, опускаясь за горизонт. Дворец расположен на возвышении, и Белый город, окрашенный закатом в нежно-розовый цвет, ручейками улиц уходит вниз, светится огоньками в длинных и густых синих тенях между домами, гудит многоголосым базаром, звучит вечерними молитвами в храмах богов. Братья молчат и смотрят, словно подпитываясь желанием жить от тех, кем они когда-то были, когда приходили сюда провожать солнце.

Младший внезапно закрывает лицо руками и трясется от горьких рыданий, всхлипывая и шмыгая носом, как в детстве. Старший, ничего не говоря, обнимает его. В глазах его тоже стоят слезы. Сейчас можно, ведь никто не увидит, как они оплакивают родителей.

— Как мы будем теперь жить, брат? Без них? И зачем, почему я выжил, а они — нет?

Самое забавное, что я даже не помню, как улетал с места нашего пленения. Помню только ощущение безумной легкости: я тогда еще подумал, что наконец-то умер.

Я не помню, куда и как долго я летел. Помню, что очнулся в хижине в горах. В этой хижине жили старик и две его дочери. Старика звали Михайлис. Он охотник, отшельник. Потом я узнал, что они нашли меня, лысого, истощенного, всего измазанного кровью, среди оставшихся от их скудного стада трех козочек. Добрые люди не поняли, кто я такой, подумали, что на коз напали волки, а откуда взялся я — непонятно.

Я был так слаб, что почти не мог шевелиться. Старик каждый день уходил на охоту, но часто возвращался ни с чем. Иногда с ним уходила старшая из сестер, а младшая хлопотала по хозяйству. Я наблюдал за ней, и за ее сестрой, и за их отцом, когда они возвращались. Если мясо добыть не получалось, мы ели овощную похлебку и домашний хлеб. Точнее, сначала они кормили меня, а потом уже ели сами. Удивительные люди.

Старшую сестру зовут Таисия, а младшую Лори. Младшая красавица, каких поискать. Я часто заглядывался на нее даже в том состоянии, так хороша она. Золотистая кожа, темные блестящие волосы, пухлые губы, брови вразлет...

Старшая некрасива, лицо ее с одной стороны обезображено давнишней встречей с горным леопардом. У нее мягкие русые волосы и строгие голубые глаза. Она широка в кости, но спину всегда держит прямо, как будто и не стесняется своего увечья. Все-таки какое счастье, что у нас настолько сильна регенерация и шрамы рассасываются без следа!

Я был все еще слаб и практически не мог двигаться. В глазах иногда начинала стучать темнота, тогда мне хотелось перекинуться и попробовать их крови. Видят боги, чего мне стоило подавлять дракона. Ты знаешь, Нори-эн, как обессиливает дракона голод, ты ведь сам через это прошел. Иногда мне казалось, что я трачу последние крохи энергии на то, чтобы обуздать жажду крови.

Домик у них небольшой, одноэтажный, с белыми мазаными стенами и голубыми наличниками на окнах. Внутри кухонька и две комнатки. Старый Михайлис уступил мне свою комнату, а сам расположился на кухне. Мы почти не разговаривали: я не мог, только сипел, а обитатели домика сами по себе не очень разговорчивы. Но когда они говорили, я почти все понимал: язык очень похож на старорудложский, но много новых слов, которые я со временем выучил.

Внутри всегда тепло, топится печка, но мне все равно было недостаточно тепла! Я все время мерз, иногда не мог двинуться от судорог. Тело пыталось восстановиться, но ему не хватало пищи, хотя я ел больше, чем мои хозяева втроем. Но ведь надо было накормить голодного дракона, а для него это капля в море. Меня иногда выводили на солнце, тогда я сидел, укутанный в несколько одеял, и грелся. От невозможности восстановиться мне все время было холодно, и я трясся, пока не свалился в лихорадке.

Той ночью меня бросало то в жар, то в холод. Старый Михайлис ушел вниз, в селение, за целителем, а девушки следили за мной. Че-

Таисия Михайлис

рез несколько часов пришел целитель, осмотрел меня, и я услышал, как он что-то взволнованно говорит старику. В меня влили какое-то лекарство, подпитали витой, и я наконец-то заснул.

Проснулся я весь в поту, стуча зубами от холода. Пытался позвать на помощь, но не мог издать ни звука. Упал на подушку, закрыл

глаза и вдруг почувствовал теплые руки на лбу. Это была Таисия. Она оберла меня, приговаривая: «Потерпи, я знаю, что тебе холодно, сейчас пройдет», передела в сухое белье, и мне сразу стало теплее. Помогла дойти до уборной — я не мог себе позволить, чтобы хрупкие женщины выносили за мной, если я в сознании. Путь туда и обратно отнял все мои силы, я висел на ней, пока мы доползли до моей постели. Таисия перестелила ее, усадив меня на стул. Я наблюдал за ней и остро ощущал свою слабость и то, что мне нечем отблагодарить этих людей.

Меня снова начало трясти. Она уложила меня в постель, укрыла одеялами, принесла завернутый в ткань нагретый кирпич, чтобы согреть ноги. Мне было холодно, и она напоила меня горячим молоком, которое немного убавило дрожь. Мне казалось, я умираю от холода, и тут она подняла одеяла и легла ко мне, прижалась и сказала: «Тихо, тихо, сейчас станет лучше». Не сразу я понял, что она так греет меня. Я лежал на спине, а она, обхватив меня руками и ногами, — сбоку, и я чувствовал, как бьется ее сердце. Тело у нее горячее, как солнце, и дрожь почти ушла. Я заснул, а когда проснулся, Таисия уже не было рядом. Сестры вдвоем ушли на охоту. Старик посмотрел на меня и покачал головой, но ничего не сказал.

Когда Энтери рассказывает о девушке, на его губах появляется странная, немного виноватая и удивленная улыбка, он встряхивает головой, стучит пальцами по крыше.

— Знаешь, Нори, я, лежа рядом с ней, вспоминал маму. Помнишь, когда мы болели или пугались по ночам, она приходила к нам, ложилась рядом, обнимала и рассказывала смешные истории? Вот и рядом с Таисией я чувствовал себя как рядом с мамой. Безопасно. Мне не снились кошмары.

С того дня я пошел на поправку. Уже мог сам садиться, есть. Иногда я смотрел на свои руки — они были похожи на руки мертвеца: кожа, кости, белые жилы и голубые вены. Представляю, как устрашающе выглядело мое лицо.

Таисия продолжала приходить ко мне ночью, грела меня. Я не чувствовал запаха желанья или какого-то возбуждения от нее, только тревоги за меня. Мне было неловко от такой заботы, но ее тепло — единственное, что не давало мне замерзнуть ночью.

Помнится, учитель рассказывал нам про древних, которые, чтобы продлить себе жизнь, обкладывали себя на ночь юными девственницами. Я тогда не понимал и хихикал вместе со всеми, а сейчас понимаю. Мне кажется, Таисия щедро делилась со мной своей жизненной энергией, и я не мог от этого отказаться. Хотя моя гор-

дость страдала, мне казалось, что я не имею права пользоваться ею, что это некрасиво. Сейчас я понимаю: мне было неловко, что я, такой большой и сильный, завишу от доброй воли этой странной девушки и от тепла ее тела.

И однажды ночью, когда она снова пришла, я сказал ей, что уже вполне терпимо себя чувствую и она может не тратить на меня время, я уже могу согреться сам. Таисия посмотрела на меня спокойными глазами, кивнула и ушла в свою комнату, а я вдруг вместо удовлетворения почувствовал себя подлецом, который кидается добровольным и поэтому драгоценным даром. Я лежал, трясся от холода и думал — а вдруг я обидел ее? Я же не знаю, каковы обычаи народа, к которому она принадлежит. Вдруг это норма гостеприимства, а я не понял и тем самым нанес оскорбление людям, которые так бескорыстно приняли меня. Да, я удовлетворил свою гордость, но гордость не согреет тебя ночью и не спасет от кошмаров и судорог.

Пока я размышлял, в доме что-то изменилось. Я не сразу понял — поменялся запах. Запахло солью и горечью, и я долго не мог сообразить, откуда тут морской запах, пока не понял, что это запах слез... Да, ты понимаешь, почему я не смог оставаться на месте.

Меня словно подбросило на постели. Я встал, побрел к двери своей комнаты, держась за стены, и шел, наверное, минут десять. Ноги с непривычки тряслись, как у старика, на лбу выступила испарина, и вообще я себя чувствовал как в каком-то киселе. Отдышавшись у двери, тихо приоткрыл ее и вышел в кухню, где спал отец девушки. Прошел несколько шагов, случайно глянул на его постель... и наткнулся на его совершенно не сонный, требовательный взгляд.

Клянусь, брат, мне многого стоило тогда не повернуть обратно. Но запах... он усилился, я не ошибся.

Я открыл дверь их с сестрой комнаты и зашел внутрь. Лори спала у окна, а Таисия — на узкой кровати у стены рядом с дверью. Она лежала спиной ко мне и плакала, плакала беззвучно.

Надо ли говорить, какой скотиной неблагодарной я себя почувствовал? К тому времени ноги меня совершенно не держали, и я буквально рухнул на колени у ее кровати. Она, конечно, услышала меня, но не обернулась, сделала вид, что спит. Она тоже гордая, как оказалось. А я... я начал извиняться. Шепотом, чтобы не разбудить Лори. Говорил, что я чурбан, и неблагодарная свинья, и дурак набитый. Гладил ее по спине, волосам и боялся, что она оттолкнет меня, но она не шевелилась и даже, кажется, затаила дыхание. Я шептал: «Тася, Тасенька, мне так холодно без тебя». Кончилось тем, что я залез к ней под одеяло, обхватил ее сзади и заснул, греясь ее теплом.

Наутро Таси опять не было рядом со мной, но я впервые совсем не испытывал чувства холода. Даже сам смог встать, добрести до уборной, умыться.

Старик Михайлис сидел на завалинке и чистил ружье. Тогда я не понял, что это такое, мне позже объяснили и показали. Это, брат, такое оружие, с которым охотятся. Вроде копья, да, но копий много и они очень маленькие, отлиты из железа и называются пули. Они вылетают из полой железной трубки, как дротики у племен, живущих восточнее Ставии, только в эту трубку не дуют, в ней взрывается порох, и от взрыва пуля летит быстро и очень далеко, так далеко, что может убить оленя за двести шагов от стреляющего.

Нории поднимает брови:

— Чудеса какие-то рассказываешь, брат.

— Я скоро дойду до этого, потерпи, братишка. Это важно для нас, и для стаи, и для Песков.

— Сначала я хочу дослушать, что случилось дальше, Энти-эн.

— А что дальше? Старик поманил меня к себе, я сел рядом, наблюдая за его действиями. Мы некоторое время молчали.

Потом Михайлис сказал:

— Я знаю, кто ты такой. Я понял сразу, как увидел твои отрастающие красные волосы.

— И кто же? — спросил я, глядя на него.

— Ты — божественный змей, теаклоциакль, высшее существо, оборачивающееся из змея человеком. Потомок Белого Целителя и Синей Богини. Наш народ давно поклонялся вам, и по легендам, в нашей семье течет кровь одного из твоих братьев.

Я и раньше обращал внимание на то, что у Михайлиса и его дочерей знакомый мне золотисто-медовый оттенок кожи, хотя она гораздо светлее, чем у аборигенов Загорья, которые построили нам огромные храмы в джунглях между Песками и Йеллоувином. У Михайлиса, Таисии и Лори такие же острые носы с горбинкой, только у Таси не черные волосы, а русые, видимо в мать.

— Откуда вы пришли сюда? — спросил я. — Я знаю похожий на вас народ, но они живут по ту сторону Песков.

Старик пожал плечами.

— Насколько я знаю, все поколения нашей семьи жили здесь. Внизу — целое поселение людей нашего народа, мы называем себя дети Нобии, то есть дети дракона.

После его слов я с удивлением вспомнил, что был Владыка с таким именем, он умер до того, как родился отец. Помнишь, Нории,

нам в школе рассказывали, что он был увлеченным путешественником, каких мало, и облетел почти весь мир?

— Таисия знает? — Вопрос мучил меня, потому что в голову внезапно пришла оглушающая мысль — а вдруг она все это делала из-за того, что я для них божественен, а не для меня самого.

— Нет, — произнес старик. — Но ты ей скажешь сам.

— Скажу, — кивнул я. — Так вы поэтому не остановили меня вчера? Потому что я, по-вашему, высшее существо?

Старик долго не отвечал, отложил в сторону ружье, закурил.

— Ты зря думаешь, что меня остановила бы твоя божественность, если бы ты решил обидеть мою девочку, — сказал он. — Я не остановил тебя, потому что ты хороший человек, хоть и змей, и не можешь не чтить законы гостеприимства.

Я взял его руку и поцеловал ее.

— Спасибо, отец.

Он хмыкнул что-то вроде «ну надо же», ровно как наш старый учитель, и мы опять помолчали, глядя на колышущийся свежий зеленый лес.

— Коз-то ты поел? — наконец подал он голос.

— Да, — признался я.

— А зачем?

— Истощен был очень, отец. У нас в таком состоянии разум отключается, для восстановления дракон должен наесться свежего мяса или выпить свежей крови. Простите меня. Да и мясо помогло, только чтобы не умереть там же на месте. Мне бы раз в двадцать больше — самое то для восстановления.

— Ну вот сегодня и наешься. Таська с Лоркой оленя завалили.

— А вы как узнали?

Он кивнул головой куда-то вверх, и я действительно увидел далеко над лесом небольшие облачка дыма, уходящие вверх с некоей периодичностью.

— Вот девчонки молодцы. — Я был восхищен. — Только вы, пожалуйста, когда я есть буду, близко не подходите, а лучше спрячьтесь в лес. А то могу и вас нечаянно. В таком состоянии трудно себя контролировать.

Михайлис поднялся, надел на спину полотняный волок и ушел.

Они вернулись под вечер, таща на волокушке оленя. Михайлис по дороге успел еще подстрелить нескольких кроликов, и теперь они свисали у него с пояса. Я же во все глаза смотрел на Таисию и поймал-таки ее быстрый взгляд. Показалось или она улыбнулась?

Я встал и на слабых ногах побрел навстречу сестрам. Запах свежего сырого мяса и крови ударил в нос, в глазах начало темнеть. Дракон внутри заворочался, но я привычным делом подавил его голод. Мне нужно было поговорить с Тасей, пока я не перекинулся.

Однако прежде, чем я подошел, она смущенно отвернулась и куда-то побежала.

— Тася, стой! — крикнул я. — Я должен тебе что-то показать.

Она остановилась, а Михайлис взял Лори за руку и отвел ее подальше от волокушек. Я подождал, пока отец с дочерью отойдут на безопасное расстояние, и отпустил дракона.

Помню безумный голод. Мне стыдно, брат, но от оленя даже рогов не осталось, а мне все было мало. Я помню, что, доев, захотел полететь на охоту, но не смог взмахнуть крыльями. Хотя мне было гораздо лучше, но все еще не хватало сил для полета. Я краем глаза увидел стоящих неподалеку людей. Старый человек с молодой девушкой явно были испуганы и медленно отступали к лесу. А вторая девушка тихонько приближалась ко мне и произносила какой-то набор звуков. Я предостерегающе зарычал. Пахла она знакомо, как своя. Но дракону нужны были мясо и кровь, и я боялся не справиться.

Она подошла ко мне, и я понял: то, что она повторяет, — мое имя. Всегда смешно было: в драконьем облике человеческая речь отчего-то звучит очень высоко и быстро, как колокольчики на ветру. Я воспринимал ее как совсем малютку, размером с мою лапу. Она с благоговением и без всякого испуга смотрела на меня, подошла почти вплотную к морде, несмотря на предостерегающий крик отца, протянула руку и погладила мой нос.

— Хороший, хороший мой, тихо, тихо, все хорошо, — произнесла она, а я, не справившись с волной эмоций и голода, отпрянул, зарычал и бросился от нее подальше.

Впрочем, далеко я не ушел, свалился у самой кромки леса, так что мне, уже перекинувшемуся и слабому, помогли дойти до дома. А через пару часов еще и накормили жарким с зайчатиной. Удивительные люди!

Братья некоторое время сидят в тишине. Энтери переводит дух и достает из кармана маленькую длинную трубку, вбивает в нее табак, поджигает и затягивается. На недоуменный взгляд Нории смущенно поясняет:

— Михайлис подарил. Мне забавно было смотреть, как они выпускают дым, и я попросил попробовать, а потом и затянуло. Ты лучше посмотри, какая красота перед нами, брат!

Город из розового становится контрастно-фиолетовым, воздух свежеет и влажнеет, несмотря на легкий сухой ветерок с Песков. Между домов — чернильно-синие тени в легкой дымке, в садах распускаются ночные цветы, и их тяжелый, дурманящий голову запах доносится и до сидящих на крыше дворца мужчин. Птицы, днем почти не слышные из-за гула базара, начинают выводить трели своими тонкими высокими голосами. Уходящее солнце делает горизонт багряным, словно обнимая дугой переодевшийся к ночи город.

В юности братья, приходившие любоваться на смену дня и ночи, с первым запахом ночных цветов начинали чувствовать смутное томление, нередко перерастающее потом в горячие и сладкие ночи с податливыми дочерьми пустыни. Город, как честная жена, днем рядился в белые одежды невинности, а ночами превращался в тоскующую по любви, изнывающую по мужчине женщину. Вот и сейчас Нории думает о том, что спать один он сегодня не будет, но пока не время идти искать страсти — нужно выслушать брата. А Энтери тянет носом сладкий, пахнувший почему-то яблоками дым и тоже томится страстью, думая о Таисии, девушке с обезображенным лицом, которая стала его наваждением. Но спать он будет один. Он уже знает, что это любовь, которая не терпит подмены.

— В эту ночь, — продолжает Энтери, и Нории усилием воли выныривает из морока желаний, — я сам пришел к ней и попросил лечь со мной.

Она ничего не ответила, и я долго ждал ее, пока не уснул. Меня уже не так мучил холод, но больше, чем холод, меня терзало сомнение — вдруг я испугал ее, и она не поняла, что я сам боялся, как бы не навредить ей.

Ночью мне снова стало тепло и легко, и сквозь сон я понял, что Тася все-таки пришла. А утром она впервые осталась со мною...

...Девушка со спелой золотистой кожей, покрытой мелким пушком, который светится в лучах утреннего солнца, сидит, скрестив ноги, на кровати и заплетает длинные и крепкие русые косы. Косы получаются толстые, почти как канаты — так много у нее волос. Энтери лежит на кровати у стенки, лицом к ней, и первый раз видит ее так близко. Коварное солнце просвечивает длинную, доходящую до самых стоп ночнушку, скромную, белую, с какими-то невинными голубенькими цветами на ткани. Солнечный свет очерчивает профиль девушки, золотится на пушистых тяжелых волосах, и он разглядывает ее такое близкое тело, крепкие руки с четко обрисованным рельефом, аккуратные остренькие холмики груди, при взгляде

на которые у него сохнут губы и влажнеют ладони. Ночнушка очерчивает небольшой валик животика и расходится к разведенным коленям, скрывая волнующими тенями и изгибами все самое сокровенное. Однако сладкий и мягкий послесонный женский запах она скрыть не может, и дракон какое-то время борется с собой, закрывая глаза и сжимая ладони.

Чтобы отвлечься, Энтери сосредотачивается на ее аккуратных небольших ступнях со светлыми ноготками-пуговками, которые контрастируют по цвету с загорелыми ногами, но это совсем не помогает, а даже наоборот.

Тогда он тихонько подкрадывается рукой к ее ступне, касается указательным пальцем мизинца и виновато смотрит на нее — прости, не могу удержаться. Таисия легко улыбается и качает головой. Осмелев, он накрывает рукой всю ее маленькую ножку, гладит подъем ступни пальцами и чуть не взлетает внутри от восторга. Кожа у нее мягонькая, как персик, и просто не верится, что Тася почти все время проводит в огороде или на охоте. Девушка насмешливо улыбается, будто понимает, что с ним происходит, и будто это она старше и мудрее, а он совсем юный мальчишка, впервые прикасающийся к женщине.

Она сидит обезображенной стороной лица к нему, шрамы старые, идут наискосок от глаза к шее, отчего уголки глаза и губ немного опущены вниз.

— Как это случилось? — спрашивает Энтери, глядя ее по щеке. Шрамы под рукой — как насмешка над красотой этой удивительной девушки.

— Мне лет пять было, — голос у нее низкий, глубокий, — а Лорке два годика. Зима была очень суровая, и звери выходили к жилью. Отец застрелил кабана, который рыл под домом, и они с матерью разделявали его прямо там, на снегу. А мы рядом играли.

Родители понесли мясо в ледник, а в это время из леса вышел леопард. Они, бедные, с высоты спускаются вслед за косулями, им голодно в лютые зимы, лапы мерзнут. Леопарды красивые обычно, с пушистой зимней шкурой, важные, а этот уж очень тощий был — то ли больной, то ли голодный сверх меры.

Он к мясу оставшемуся сразу пошел, а на его пути мы. Я Лорика схватила и бежать. И тут слышу сзади рывканье. Может, решил, что мы мясо хотим унести, кто его знает, а может, инстинкт на убегающую добычу сработал. Догнал, короче, и давай мне сзади спину рвать. Я на Лорку упала, сверху ее прикрыла и кричу. На крик мама с папой прибежали. Он полущубок рвал толстый, до спины почти

не добрался. А лицо уже задел, когда дернулся от выстрела. Отец его застрелил.

Энтери приподнимается, кладет большую ладонь ей на спину и спрашивает:

— Покажешь?

Тася пожимает плечами, расстегивает пуговицы на сорочке, идущие от груди под самое горло. Поворачивается к нему спиной, опустив ноги с кровати, и стягивает сорочку с плеч. Косы льнут к ее обнаженным плечам, от затылка мягкий светлый пушок спускается по позвоночнику вниз. Под лопаткой виднеется след страшной лапы — несколько наложенных друг на друга полос, будто леопард не один раз зацепил спину, а несколько.

Дракон наклоняется и целует затылок девушки, пробуя наконец-то на вкус ее кожу — она как молоко, море и мед, — а Тася только вздыхает. Он спускается поцелуями вниз по позвоночнику, вдыхает ее запах. Шрамы его уже не волнуют. В глазах темнеет, дыхание сбивается, и вот уже он касается ее острой груди, гладит соски большими пальцами, сжимает их, отчего она тихо стонет и вздрагивает. Запах ее меняется, и Энтери окончательно пропадает. Он шепчет: «Какая же ты сладкая, Тасенька, позволь мне, пожалуйста, позволь...»

Она дрожит и хрипло постанывает своим низким голосом, как кошечка, от его ласк или от его слов, отчего он мгновенно приходит в неистовство. С силой проводит руками по мягкому животу, поворачивает девушку к себе, кладет на кровать, берет за затылок и наконец-то целует в мягкие, сладкие и вкусные губы, щекочет их языком, приоткрывая. Он сминая ладонью сорочку на ее колене, поднимая мешающую и раздражающую преграду выше бедер. Рука его уже между ее ног, ласкает, гладит, трогает и изучает. Шерсть на его загривке стоит дыбом, он уже почти ничего не соображает, добравшись наконец до того, что так сильно желал.

В какой-то момент он чувствует запах страха и угрожающе рыкает, не понимая, кто осмелился испугать его женщину. Затем до него доходит, и он отдергивает руку, утыкается лицом ей в шею и тяжело дышит, дрожит, успокаивая дракона внутри. Через несколько минут, остыв, осторожно отодвигается от нее, приподнимается, опираясь на локоть.

Таисия смотрит на него своими чудесными голубыми глазами, и ее нагота заставляет все внутри сжиматься и переворачиваться, до боли и стиснутых зубов.

— Испугалась? — зачем-то спрашивает Энтери, хотя и так все понятно.

— Да, — говорит она хрипло.

Он наклоняется к ее лицу и вдруг лижет ее в нос. Тася хихикает.

— Сколько тебе лет, шари? — Он улыбается, довольный, что удалось разрядить атмосферу.

— Двадцать шесть будет через месяц. А тебе?

— А мне, милая, будет семьдесят восемь. И за всю свою жизнь я не хотел никого так сильно, как хочу тебя. Скажи мне, солнце мое, что мне сделать, чтобы ты не боялась меня и стала моей?

Тася садится, застегивает сорочку.

— Я не боюсь тебя, глупый ты дракон, и твоей страсти тоже не боюсь, — говорит она тихо. — Я не буду жить с мужчиной вне брака. В нашем народе таких женщин называют «отляжкон» — отчаявшиеся. Если ты хочешь меня, тебе придется сделать меня своей женой.

Энтери дотягивается до ее ступни, щекочет ее, наклоняется, целует пальчики, а Тася снова хихикает, теперь уже немного напряженно, и отбирает ногу — щекотно и страшно ждать, что же он ответит. Вдруг рассмеется и улетит, оставив глупую человечку жалеть о своих словах всю жизнь?

— Я хочу этого больше всего на свете, — наконец говорит Энтери серьезно.

...Он, конечно, не рассказывает всего брату, потому что это то, что должны знать только двое. Просто говорит: «Я решил жениться на ней». И Нории понимает, что все слова, которые он хотел сказать, — про то, что драконов осталось немного и нужно ради выживания рода летать в брачные полеты с драконицами, — бесполезны и только рассорят его с братом. Поэтому Владыка вздыхает и протягивает руку:

— Дай-ка мне попробовать эту твою трубку, Энти-эн...

...Михайлис и Лори куда-то ушли, оставив записку, чтобы до завтра не ждали, и целый день теперь принадлежит им одним. Все невинно и прилично — ну не считать же неприличным тисканье у стенки дома, после которого оба ходят раскрасневшимися, или долгие поцелуи, после которых так трудно остановиться.

Таисия утром хлопотала по хозяйству — мыла полы, скоблила длинный деревянный стол, готовила еду. А Энтери все пытался помочь и был изгнан с кухни, потому что «больному на всю голову дракону нужно спать, есть и набираться сил, а не пытаться хватать ведра с водой, которых она за свою жизнь без всяких с хвостом перетаскала».

Он расспросил Тасю о родных и узнал, что мать ее была из Рудлога, познакомилась с отцом, когда приезжала сюда на практику со студентами-зоологами, да тут и осталась. Умерла она два года назад от легочной болезни, с тех пор они живут втроем с отцом. Девочки закончили школу, но в университет поступить не было денег. Живут они с огорода и охоты, еще отцу немного доплачивают от поселения за то, что он приглядывает за лесом и горной дорогой, предупреждая о пожарах или возможных камнепадах с гор. Иногда приезжают туристические группы из самых разных стран, и тогда он работает проводником. Туристы платят хорошо, останавливаются у них в домике. На чердаке оборудованы лежанки, там тепло и можно нормально разместиться.

Энти уточнил значение непонятных слов «практика», «студенты» и «зоологи» с «туристами» и попросил рассказывать дальше. Оказалось, народ тараноби живет за границей Рудлога на восточных склонах Милокардер, переходящих в Пески, и официально не является гражданами ни одной страны, ну а неофициально Рудлог давно выдал им свои удостоверения гражданства, получает с них налоги и платит зарплату и пенсии. Все довольны — дети дракона сохраняют свою независимость и при этом пользуются всеми благами государства. Основное поселение находится внизу, у железной дороги, и там, в отличие от их домика, работает телекоммуникационная антенна, есть магазины, даже свой театр и музей.

Энти спросил значение «удостоверения», «гражданства», «пенсии» и прочих чуждых его уху слов и задумался. Побарабанил пальцами по столу, выбивая привычный ритм.

— Тасенька, я только что понял — нужно сначала рассказать тебе о себе. Потому что я совсем не знаю и не понимаю, сколько прошло лет с того момента, как я покинул свой дом, я не понимаю, где нахожусь и тот ли вообще это мир. И я бы очень хотел знать, спасся ли кто-то из моих сородичей.

Во время последующего рассказа девушка так распереживалась, что отложила картошку и нож, сполоснула руки и села рядом с ним, глядя его по плечу. Когда Энтери закончил, она с изумлением и сочувствием поглядела ему в лицо — не разыгрывает ли? Может ли такое быть, что весь драконий род был чьей-то злой волей заключен в камень?

— Я никогда не слышала ничего похожего, — покачала головой Тася. — Если вы были в той горе, которая недавно треснула и перегородила реку, — значит, попали вы в нее давным-давно. Может, отец знает какие-то легенды? Или, — девушка оживилась, — давай съездим в городок, спрашиваем стариков, может, кто-то что-то

слышал? А еще у нас есть библиотека, и при ней работает матушка Вилайтис, она не только библиотекарь, но и кто-то вроде почетной хранительницы. Она и книжку подсказет, и если уж кто-то что-то о вас знает, то только она. Только сначала, — девушка окинула дракона скептическим взглядом, — я тебя накормлю. А то ты мне там людей поешь, неудобно перед соседями будет.

Энтери хмыкнул и послушно уселся за стол. После сытного обеда Тася выдала ему вещи отца и велела переодеться, а голову, чтобы скрыть цвет волос, обмотала тонким цветным шарфом на манер бедуинов, объяснив, что многие мужчины у них так носят химу вместо шляп.

Дракон не спросил, что такое шляпа, — и так понятно, что это какой-то головной убор. Он вообще чувствовал себя немного потерявшим опору под ногами — страшно было представить, сколько же продлилось его заключение, и очень хотелось верить, что он не единственный выживший. Таисия, словно чувствуя это, окружила его заботой — то погладит по плечу, то чмокнет в подбородок, то шепнет на ухо какую-нибудь нежность. От этого ее старания на душе становилось как-то теплее и спокойнее.

Они вышли из дома часа через два после полудня, когда солнце уже палило жарой. Хотя на высоте всегда было прохладно, светило было яркое, явно несвойственное холодному сезону. Пока Таисия вела Энтери куда-то за дом, он что-то мучительно соображал, потом спросил:

— Какое сейчас хоть время года? Ну, что не зима, понимаю, а что конкретно? Лето? Середина лета?

— Август скоро. Ты же видишь, мы урожай начинаем собирать.

— Там, где я раньше жил, мы урожай круглый год собирали, — объяснил Энтери, наблюдая, как она открывает ворота сарая и выводит, надев длинные кожаные рукавицы, оттуда какую-то чудо-тележку.

То, что «это» — какая-то вариация телеги, он понял, потому что у выведенного Тасей чуда были четыре хоть и непривычно широких, покрытых черным ребристым материалом с противным запахом, но вполне узнаваемых колеса. На эти колеса была поставлена узкая, короткая и мягкая скамья с углублениями для сидения. Вперед было что-то похожее на оленьи рога.

Тася запрыгнула на тележку, как всадник на коня, похлопала рукой по скамье за собой.

— Садись, поехали!

— Это какая-то волшебная телега? — Энтери осторожно уселся за ней, внимательно осматривая аппарат — где находится двигательный артефакт или свиток с заговором? — Она ведь без лошади ездит?

— Без лошади, — рассмеялась Таисия, поворачивая руку на «рогах», отчего волшебная телега затряслась и заурчала, как обвал в горах. Энтери вздрогнул и тут же отругал себя за это, надеясь, что девушка не заметила. Еще подумает, что замуж за труса пойдет! — Это вездеход на бензиновом двигателе, — продолжила объяснять Тася. — Бензин — такое топливо, энергия, которую ест эта машина, чтобы двигаться. А вот это руль. — Она потрясла «рога». — Ну все, поехали. Держись за меня, а то соскользнешь с непривычки!

Когда-то давно отец взял Энтери и Нории на далекую реку, в гости к их двоюродному дяде. Дядя слыл оригиналом, потому что жил не как всякий приличный белый дракон — в Песках или, на худой конец, недалеко от Песков, — а в чужой стране, до которой они летели долго, с ночевками. А тот уже пригласил мальчишек прокатиться на паруснике. Детский восторг, который Энти испытал от похода на легком, словно летящем над водой корабле, был сравним с нынешним от поездки на вездеходе.

От дома Михайлиса к городку шла узкая, но достаточно ровная лесная дорожка, и добрались они до поселения меньше чем за час. Таисия тут же организовала небольшую экскурсию по основным достопримечательностям городка.

Городок Теранови был по меркам современности небольшим — в нем едва ли насчитывалось двадцать тысяч населения. Там было все, что могло быть востребовано в провинциальном и сильно удаленном от метрополии городе: автобусная и железнодорожная станции, вагонетная линия, по которой весело катили трамвайчики по единственному маршруту, опоясывающему город. Телевизионная вышка, телефонная станция — сюда еще не добрались только-только появившиеся мобильные коммуникаторы. Магическая и светская школа, расположенные в одном здании, храм шести богов (на всякий случай молились всем) и отдельно — столб трехликому Творцу. Все три лика Творца подозрительно смахивали на драконы.

Под конец Таисия провезла Энтери мимо круглой, тонкой, отлитой из какого-то серебристого металла арки (девушка пояснила, что это телепорт, которым изредка пользуются маги и чиновники, остальные-то ездят нормальным транспортом, без выкрутасов), мимо больницы и наконец выехала на главную площадь Теранови, круглую, как блин. Переполненный впечатлениями и вопросами дракон слез с вездехода и начал крутить головой. Прямо перед ними стояло приземистое здание, на вывеске которого была красноречиво нарисована книга — значит, вот она, библиотека. Напро-

тив нее через площадь стояло представительное строение с колоннами и флажками — наверное, дворец местного властителя. Перед дворцом находился небольшой помост с крышей, выглядящий как огромный дом на столбах без окон и передней стенки.

— Для казней? — спросил Энтери, неприятно поразившись. Публичность этих мероприятий, по его мнению, никакого воспитательного смысла не несла, а только удовлетворяла низменные инстинкты толпы. Поэтому в Белом городе правосудие вершилось за закрытыми воротами Двора Наказаний.

— Для выступлений и праздников. — Тася покачала головой. Да уж, дракон ей попался, прямо сказать, ископаемый и дикий. Казни, надо же. Она и не слышала, когда последний раз такое было. Преступники, конечно, никуда не делись, были и бандиты, и убийцы, и насильники. Но магическое участие помогало раскрывать преступления, исключая обвинения невиновных, а виновных и осужденных отправляли на тяжелые работы, чтобы не переводили людской хлеб, прохлаждаясь в тюрьме.

— Здравствуй, Тасенька, — звонко окликнул ее невысокий старичок в пестрой лоскутной накидке и цветной химе, со стеклышками на носу. Он с другими старичками и старушками, такими же пестрыми и дряхлыми, сидел на стульях у маленьких столиков около входа в библиотеку и смотрел в какую-то плоскую коробку с картиной на передней стенке. — Жениха привезла? Наконец-то!

— Здравствуйте, дедушка Николис! — широко улыбнувшись, громко заорала Тася, так громко, что Энтери покосился на нее с удивлением, прежде чем понял, что старички, видимо, глуховаты. — Это папин знакомый, археолог! Я ему город показываю, заодно, может, в библиотеке что-то по своей научной работе найдет!

— Архиолох, ишь ты, — забормотали старички, а пестренький Николис потряс пальцем и сказал строго:

— Нам археолохи не нужны, нам женихи надобны!

Во время этой шутливой перепалки Энтери с Тасей дошли до дверей библиотеки по импровизированному коридорчику мимо болтающих и попивающих чай старейших жителей города. Энтери едва не испугался, увидев в том, что он принял сначала за картинку на коробке, молодую женщину, которая строго говорила: «В районе Северных застав Оленья, Медвежья, Лосиная ожидают ночные заморозки...» Еле удержался, чтобы прямо там, при стариках, не начать спрашивать, что же это такое и как оно работает. И как туда засунули женщину, интересно?

В библиотеке хорошо пахло бумагой, старыми книгами и почему-то воском, хотя освещалось все уже привычными, но по-прежнему удивительными для проспавшего все на свете дракона электрическими фонарями. В углу искрил круглый почтовый телепорт, похожий на маленькую шаровую молнию, подвешенную на две изогнутые высокие ножки, — как объяснила его спутница, небольшие посылки и письма проще и дешевле отправлять так. Энтери при виде телепорта вспомнил семейные зачарованные чаши, которые использовались драконами для общения.

Тася представила его матушке Вилайтис, степенной пожилой даме, одетой в той же пестрой манере, вручила ему стопку журналов посмотреть, а сама завела с библиотекаршей тихую беседу. Женщины шушукались и изредка поглядывали на Энтери, а он, ловя эти взгляды, снисходительно улыбался — женщины во все времена одинаковы. На месте он не усидел и с позволения матушки начал ходить по библиотеке, трогая разные книги, вытаскивая некоторые и просматривая. Читать ему было трудно, зато картинки очень интересовали. Какие-то сюжеты ему были знакомы и понятны, например битва или обнимающиеся пастушок с пастушкой на пригорке, а какие-то странны или вовсе недоступны для понимания, как изображение радиоприемника или спортивного клуба.

Тем временем шушуканье закончилось, и матушка исчезла меж высоких полок, до потолка заставленных книгами. Вернулась она нескоро, так что Энтери даже успел пролистать пару журналов и увидеть достаточно занимательного. Чего стоит только материал под названием «Панорамы континентальных столиц». Фотографии огромных многоэтажных городов создали в нем ощущение легкой паники — сколько же он все-таки провел в горе?

Язык Энтери понимал через раз — слишком много упрощенных, измененных или вовсе непонятных слов, — но упорство и любознательность заставляли листать один журнал за другим, впитывая образы нового мира.

Матушка Вилайтис наконец-то вынырнула из библиотечной тени, неся в руках несколько тоненьких книг и один толстенный талмуд. Талмуд назывался «Эн-ци-кло-педия сов-ре-мен-ного ми-ра» и предназначался в подарок Энтери. Он поблагодарил, поклонившись и прислонившись лбом к запястью матушки в знак уважения. Не забыть бы спросить, что такое энциклопедия, вдобавок к тысяче других вопросов — например, о живой картине, на которую смотрели старички на улице.

Остальные книги были для Таси, в том числе «Легенды гор» и «История государства Рудлог». На первой книжечке были изображены горы и летящие среди них драконы, похожие почему-то на страшеньких головастиков с крыльями. «История про то, как ящеры зловредныя в камень заключены были», — прочитала девушка и с опаской посмотрела на возлюбленного. Энтери был спокоен, только в уголках губ, способных быть и нежными, и умоляющими, прорезались жесткие складки.

— Ну, это мы потом почитаем, — поспешно сказала Тася, убирая книжку в большую сумку. — Вот, смотри. — Она провела пальцами по оглавлению второй книги. — Список королей с датами правления. Как, ты говоришь, звали того, с кем вы воевали?

— Седрик-Иоанн Рудлог, — сквозь зубы произнес имя бывшего друга Энтери, и ему, несмотря на прошедшее время, сколько бы его ни было, снова стало очень больно.

Тася быстро провела пальчиком вверх по табличке с именами монархов, датами правления и кратким перечислением свершений — от нынешнего времени к древности.

— Та-а-ак, сейчас у них короля нет, ранее была Ирина-Иоанна, Константин-Иоанн, Даниил-Иоанн... Вот же... И чего они все Иоанны, интересно?

— Так звали их первопредка, — ответил Энтери, напряженно следящий за пальцем Таисии. Каждое движение вверх — еще поколение минус, а то и два, если монарх отличался отменным здоровьем. Поколение, ушедшее для драконьей расы в небывтие.

— Ага, вот! Седрик-Иоанн, он же Змееборец. Ну надо же!

Однако Энтери и сам уже увидел даты правления Седрика: 4257–4301 от т. ж.

Долго же он жил! Интересно, мучили его кошмары или он спал спокойно и без всякого сожаления? А сейчас 4762 год от т. ж., как говорит Тася. Что такое т. ж. — «творение живого» — он знал, так отмечались года и в их время, и эта связь времен, как и сочувственно сопящая девушка рядом, каким-то образом удержали его от позорной истерики из-за осознания того, что прошло целых пятьсот лет, ведь война случилась через три года после коронации Седрика. Энтери уже трижды должен был умереть, и на Туре должны были жить его праправнуки.

Обратно они едут в сумерках, потому что чем ближе к югу, тем раньше темнеет. Хижина стоит с темными окнами, но с приходом людей оживает, наполняется теплом и светом. Девушка усаживает

дракона за стол, сама хлопочет вокруг него, выставляя приготовленные утром кушанья. Застарелый драконий голод заявляет о себе громче потрясения, и вот уже Энтери по привычке уминает тройную порцию рагу, запивая его из огромной керамической кружки ароматным и сладким горячим чаем. Сама Тася садится напротив и, положив щеку на ладонь, внимательно и печально смотрит на любимого своими чудесными глазами.

Когда ее персональный ископаемый дракон наедается, девушка на пару минут выходит из дома, а потом, нагруженная стопками полотенец, простынок и каких-то загадочных вещей, зовет его за собой.

Двигаться не хочется, хочется лечь и все обдумать, а может, и пожалеть себя — только так, чтобы любимая не видела, ведь какой мужчина желает показаться в минуты слабости? Но Таисия непреклонна:

— Пока ты мой пациент, слушайся меня!

— А потом, когда выздоровею? — Энтери выходит за ней из дома и улыбается — так забавна она сейчас, когда командует.

— И потом, — Тася наставительно поднимает палец вверх, изящно маневрируя со своей высокой стопкой между деревьев. Они поднимаются куда-то в гору. От попытки отобрать и понести она ругается: мол, потом натаскаешься еще, не переживай, возможностей будет много.

Идут они недолго, может пару минут, и внезапно в ароматы хвои и листвы влетается родной, свежий и ласковый, как запах матери, — запах близкой теплой воды.

Девушка и ее дракон выходят на маленькую, белую от соли террасу, над которой стоит дымка. Терраса размером с три их дома, и в ней цепочкой расположены несколько каменных углублений с водой разной степени нагрева. Горячая струя бьет прямо из скалы, и купаться в самой близкой к источнику чаше нельзя, сварись. Зато четвертая как раз подходит, чтобы отмыть давно немытого дракона. Что там эти обтирания, даже самые тщательные, баловство одно.

Тася командует раздеваться, и Энтери подчиняется, одновременно наблюдая за ней. Девушка стоит к нему вполоборота, натягивает широкую рубаху и уже под ней скидывает платье и белье. Однако он успевает увидеть и стройные бедра, и крутлую попку и с каким-то веселым предчувствием думает, что купание будет тяжелым.

Сам он раздевается донага — чего стесняться, чего она там не видела? И медленно, блаженствуя от ощущений, заходит в воду. Она тепленькая, вкусная — прямо из недр земли, целебная, дар Синей богини-матери, и он пьет ее горстями, пока его будущая жена в смешной

широченной рубахе, в которую ее четырежды можно обернуть, заходит в воду.

Коварная водица приподнимает полы рубахи, Тася розовеет и мгновенно плюхается в воду, а Энтери мечтательно улыбается.

В чаше удобный выступ, где можно посидеть, и они, откинувшись на пологий каменный склон естественной ванны, долго отмокают, обнявшись. Проклятая рубаха кажется неуместной, тяжелой и очень мешает им обоим. Энтери играет с пуговками, расстегивает сверху одну, другую, но его останавливают, поворачивают к себе спиной и начинают яростно скоблить, отмывая дракона на бело.

Тася трет Энтери сзади мочалкой, стараясь не думать о том, как привлекательно его тело. Он такой огромный, что она со своим небольшим ростом достает ему до плеча. И еще очень худой, но спина и руки уже бугрятся мышцами и жилами, и на его коже проступает чуть заметный орнамент, который едва-едва светится в темноте.

Девушка проводит пальцем по тонким светящимся линиям.

— Что это такое, Энти?

— Линии нашей ауры, — отвечает он хрипло. — Чистая энергия. Это и есть дракон. Когда мы перекидываемся, именно эти линии, раскручиваясь, создают контуры нашего нового тела.

— Я не понимаю, — шепчет Тася, завороченно глядя чудесный орнамент.

— Я и сам не очень-то понимаю, — отвечает он так же тихо, сосредоточенный на движении ее рук. — Когда мы поженимся, я познакомлю тебя с учителем, он все объяснит. Если, конечно, он остался жив, — вспоминает Энтери и тут же мрачнеет.

Тася, как настоящая женщина, чувствует смену настроения и понимает, что нужно снова отвлекать. Поэтому она в липнущей к телу рубахе перебирается вперед, становится на колени в воду перед ним и предупреждает:

— Руки держать при себе!

— А то что? — спрашивает он, с интересом глядя, как она намыливает мочалку и придвигается к его груди.

— А то останешься грязнулей, — грозитя девушка, приступая к делу.

Энтери любит ее — волосы выбились из поднятых наверх кос, и влажные прядки падают на лицо, она периодически сдувает их вверх, но они снова падают, мешая.

Он протягивает руку и заправляет прядь ей за ухо. Тася улыбается:

— Спасибо! Ну все, ополаскивайся.

— А как же нижняя половина дракона? — хитро интересуется Энтери, выныривая из воды. Пена быстро уходит в следующие бассейны.

— А нижнюю половину дракона вымоет верхняя половина дракона, — фыркает Тася, и он хохочет так, что вокруг него закручиваются небольшие бурунчики.

— А может верхняя половина дракона вымыть какую-нибудь половину своей любимой? — вкрадчиво интересуется он, притягивая Тасю к себе на колени, усаживая боком и чувствуя ее всем телом. — А лучше и всю любимую. Ох, милая, что же ты со мной делаешь?

Она краснеет, шлепает его по плечу мочалкой, но не вырывается, уткнувшись ему в шею, пока он расстегивает неподатливые пуговицы, а потом стаскивает с нее рубаху, вытаскивает мокрую противную одежду, зажатую между его бедром и ее мягкой попкой, и швыряет рубаху на камень. Все сразу становится так, как должно быть.

Тася напряжена, и он успокаивающе гладит ее по спине, чувствуя под пальцами старые шрамы.

— Я только помою тебя, — глухо шепчет Энтери ей на ухо, целуя и ушко, и шею, — и посмотрю на тебя. Тасюш, не бойся меня, пожалуйста.

Он, конечно, возбужден, и она не может этого не почувствовать своим бедром, но он же не животное, чтобы насиловать или соблазнять ее здесь, вопреки ее желаниям.

Тася медленно-медленно расслабляется под его легкими поглаживаниями, затем, видимо, принимает решение и вкладывает мочалку ему в руку. Энтери ставит Тасю перед собой и на миг сомневается в разумности своего поведения, потому что ничего прекрасней он никогда не видел. Капельки воды блестят на ее теле, пока она расплетает волосы. Наконец он касается ее мочалкой и несколько минут старательно трет, стараясь сосредоточиться на задаче и не пропустить ни одного местечка. В мыльной пене она похожа на сливочное пирожное, и Энтери не удерживается — наклоняется вперед и трогает языком ее сосок, пусть покрытый невкусной пеной, но все равно сладкий. Тася от неожиданности пищит и от греха подальше окунается в воду с головой.

После Энтери сажает ее между своих ног и долго моет чудесные волосы, наслаждаясь прикосновением ее тела к своему. Руки дракона то и дело опускаются ниже, глядят грудь с торчащими бутонами сосков, живот, трогают кругленькую попку, прижатую к самому до-

рогому. Тася разморена от теплой воды и ласк, иногда, на особенно нескромных движениях, прерывисто вздыхает, но не уходит.

«Она же верит тебе, тупица», — понимает дракон, и от этого внутри становится тепло-тепло.

Когда намыливание закончено, он подхватывает ее под ягодицы, с восторгом чувствуя все округлости, и под визг Таисии окунается вместе с ней с головой.

После они еще долго лежат в воде, лениво и сладострастно целуются, изучают друг друга в каком-то невообразимом волнующем состоянии и любят на огромную чернильно-синюю чашу неба с крупными — как будто можно протянуть руку и взять — сияющими звездами.

С утра дракона разбудило отчаянное меканье и окрики Михайлиса. Энтери, приподнявшись на локте, выглянул в окошко, сквозь стекло которого уже пробивались первые лучи солнца. Двор был заполнен колыхающей серой массой, в которой спросонья он не сразу разглядел головы, копыта и хвосты. Старый Михайлис с Лори пригнали целое небольшое стадо!

Тася в длинной ночной рубашке спала лицом к нему и во сне казалась совсем малышкой. Он потихоньку, чтобы не разбудить ее, вылез из-под одеяла, оделся и вышел на кухню.

Лори жарила блины и была свежа и прекрасна, как чудесный цветок. Она хихикнула, увидев заспанного дракона. А Энтери с удивлением понял, что, отдавая дань ее красоте, остается к девушке совершенно равнодушным. Сколько их было, прекраснейших из прекрасных, а такую, как Тася, о которую можно отогреться, он встретил впервые.

«Да уж, — подумал Энтери, — старею, видимо».

Он вышел на улицу, умылся в рукомойнике и подошел к старику. Тот стоял, наблюдая за привязанными друг к другу животными, и курил.

— Хорошее утро, — поздоровался Энтери, ощущая внутри заворачавшегося голодного дракона.

— Хорошее, — благожелательно кивнул старик. — Это все тебе, подранок.

Внутри ликующе взвыл дракон, а человек внимательно посмотрел на старика и спросил:

— Откуда вы их взяли? Я не знаю, сколько сейчас стоят овцы, но у нас не всякий мог их себе позволить.

Михайлис внезапно рассердился.

— Ты мне тут еще поупрямься! Не твое дело, откуда я тебе взял еду! А только моя задача — гостя вылечить, чтобы ты снова летать смог!

— Отец, — тихо сказал Энтери, — я же на Таисии жениться хочу. Я честный дракон, а не залетный какой-нибудь. Какой я вам гость?

Михайлис глянул на него, пожевал длинный мундштук трубки.

— Ну надо же, — проворчал он свою любимую присказку. — Сговорились уже?

Дракон кивнул.

— Тем более — куда я тебя отправлю, если ты летать не можешь? Без слез не взглянешь — не дракон, а суповой набор! Скажут, что старый Михайлис совсем стыд потерял — не откормил, не выходил, дочку за доходягу выдает.

— А зачем меня куда-то отправлять? — не понял Энтери.

Старый охотник протяжно и как-то ностальгически вздохнул, выпуская дым.

— А как же иначе, сынок? Помню, когда я за ее мать сватался, еле выдержал. Это обычай у нас такой. Как сговариваетесь на помолвку — повязываются на руки черные тиньки, плетеные брачные обеты, на верность и постоянство. Черные потому, что чернее тоски нет ничего. И затем влюбленные расстаются на три месяца. Ни встречаться нельзя, ни говорить. Как раз срок хороший, чтобы, если не твоя половинка, это осознать и жизни друг другу не поломать. А если выдержишь, — продолжал его будущий тесть, — тут вы уже считаетесь женихом и невестой, вас оглашают в храме, и на руки повязываются тиньки красные. Потому что красный — ретивый, упорный. После этого надо еще три загадки от невесты отгадать, они для всех одинаковы, но мужикам женатым делиться решениями строго запрещено — проклят будешь от Синея Богини.

— И что? — спросил немного ошеломленный столкновениями культур дракон. Он-то думал, сходят сегодня-завтра в храм, проведут обряд, и унесет он свою Тасеньку в материнский дом в Истаиле, если тот еще стоит. И там она наконец-то станет его — и душой, и телом.

— Ну, если загадки решаешь, тут жрец и проводит обряд. Свадьбу играем, молодых поздравляем, и на ночь вы в храме остаетесь, на половине Синея. Там супруги и познают... гммм... гхм... да... друг друга.

На словах про «познание» старик смутился, снова затаился, выпустил дым — о дочери все-таки говорит.

Энтери, обалдевший настолько, что даже мекающие овцы и возможность наконец наесться досыта ему стали безразличны, как-то нервно протянул руку к трубке.

— Можно? Давно хочу попробовать.

— Ну давай, — с сомнением сказал старик. — Только дым не глотай, держи во рту, не вдыхай, кому говорю!

Но дракон уже надрывно кашлял, вытирая слезы в уголках глаз. Потом попробовал еще раз, так, как говорил Михайлис. Никаких особенных ощущений он не испытал, но ритмичное вдыхание-выдыхание дыма вводило в своеобразный транс.

— Успокаивает, — заметил он, передавая трубку обратно.

— А то! Потому и курю, — ответил старик. — Со смерти жены начал...

Когда они вошли обратно в дом, Тася уже встала и, одетая в цветастое платье до колен, нарезала крупными кусками свежеспеченный хлеб. Дух от хлеба шел сногшибательный. Улучив момент, когда отец и сестра девушки отвернулись, Энтери провел губами по Тасиному затылку, вдыхая ставший уже родным запах, и, воспользовавшись тем, что огромный нож остановился — Тасенька замерла от его близости, — коварно стянул ломоть, получив, впрочем, за это шлепок по удирающей спине. Они захихикали, девушка продолжила резать хлеб, а Энтери мгновенно справился с украденным куском, сел на лавку и начал смиренно ждать завтрака.

Старый Михайлис тоже улыбался сквозь усы, потому что легендарный теаклоциакль, змей небесный, и его суровая несмеяна-дочка, которая, казалось, заморозилась после смерти обожаемой матери, вели себя как дети. Смеха старшей дочери он не слышал уже два года и только за это готов был змеюке скормить хоть сто голов скота. Главное, чтоб паршивец, улетев, не почувял свободу и не забыл его девочку. Иначе она снова замерзнет. А он, видят боги, возьмет ружье, найдет и пристрелит несостоявшегося зятя.

Так думал старик, и улыбался, радуясь за дочь, и сверкал глазами, и хмурился, а Энтери, поймав его взгляд, почувствовал себя как-то неловко, будто в чем-то провинился, непонятно, правда, в чем. Но тут перед ним поставили горшочек с дымящейся кашей, в которой аппетитно желтело сладкое сливочное масло, и он думать забыл о странных взглядах хозяина дома.

После завтрака Михайлис полез в огромный сундук, стоящий у него в комнате, долго что-то искал, наконец вынырнул оттуда, держа в руках вязанный мешочек и статуэтку Синей Богини размером с человеческую ладонь. Богиня была изображена по канону — босоногая,

со строгим лицом, укрывая покрывалом с головой, обнажавшим тем не менее левую грудь, живот с пупком и верхнюю часть бедер. Одной рукой она придерживала покрывало у шеи, другой — на бедрах.

— Дети мои, Таисия и Энтери, идите сюда, возьмитесь за руки, — позвал Михайлис.

Тася смущенно взяла Энтери за руку, потянула за собой, и они, остановившись, обнялись. Лори как сидела на лавке, так и не смогла встать, только широко раскрыла глаза, сказала «ой» и прижала ладонь ко рту.

Михайлис тем временем колдовал над статуэткой — поставил ее в деревянную чашу со специальным углублением, чтобы не упала, обмазал ароматным маслом, поклонился, зажег курительную палочку и обошел с ней дом, а затем вставил ее, еще дымящуюся, в углубление у ног богини. И начал ритуальное вопрошение:

— По взаимному сговору даете вы обеты друг друга ждать, верность хранить, хорошо все обдумать и через три месяца ответ друг другу дать — хотите ли вы быть вместе так же сильно, как сейчас?

Когда власть страсти пройдет и сотрется облик любимого из памяти — захотите ли вы быть вместе так же сильно, как сейчас?

Когда пройдете разлуку и искушения, захотите ли вы быть вместе так же сильно, как сейчас?

А для того, чтобы помнили об обетах в разлуке, богиня вам помоги, пусть будут они всегда у вас на той руке, которая от сердца.

И он повязал им на левые запястья в несколько оборотов длинные черные плетеные ленты с какими-то непонятными дракону рисунками, с утяжеленными золотыми капельками-кисточками на концах.

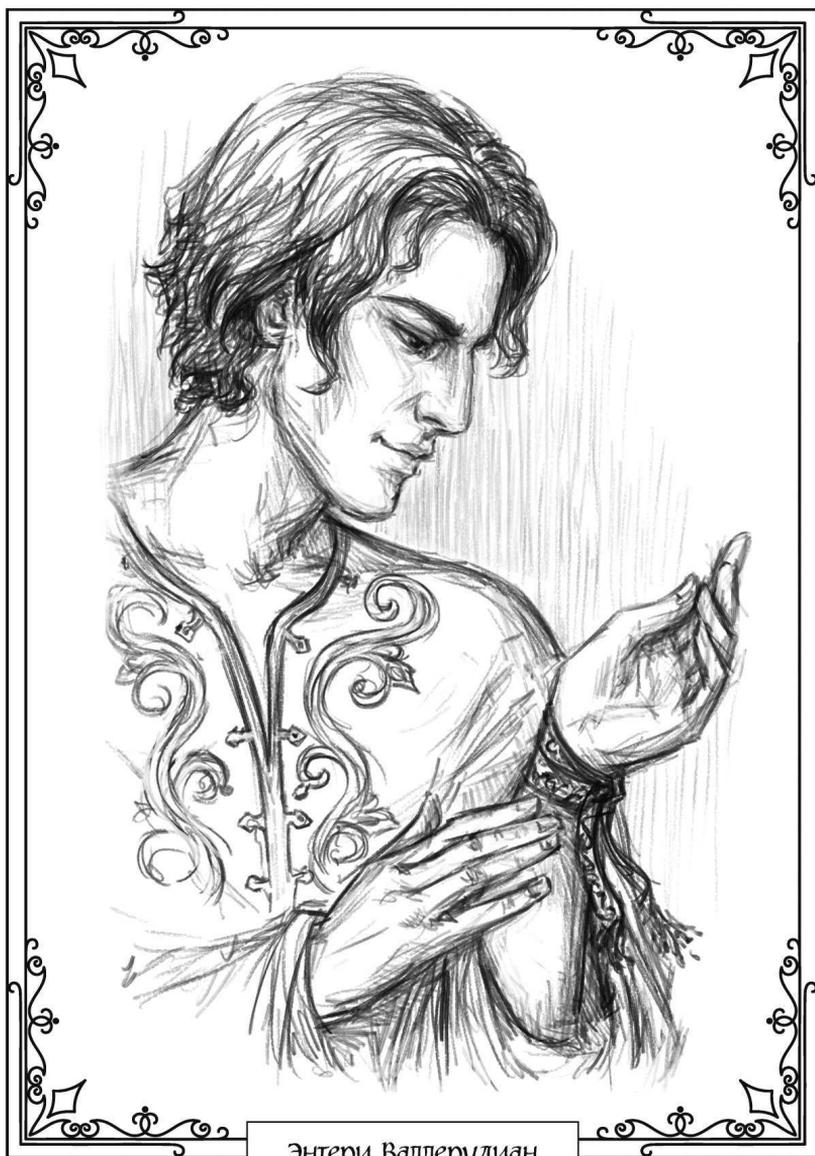
— Золото для того, чтобы вы помнили, какая награда вас ждет в конце, — завершил наконец ритуальное славословие Михайлис и велел поклониться богине, прежде чем убрать все обратно в сундук.

— Если бы ты мне сказала, что это такая долгая история, милая, — жалобно прошептал Энтери на ухо смутившейся девушке, — я бы украл тебя и увез в свою страну, как положено дракону, и там мы бы поженились без месяцев разлуки. Как же я буду без тебя и твоего тепла, Тасенька?

Ее губы дрогнули.

— Справимся, — прошептала она в ответ. — Ты только прилетай поскорее обратно.

— Чтобы прилететь поскорее, мне надо улететь поскорее, — сказал он печально, приобняв ее за талию и выводя из дома. Тиньки

Энтери Валлерудиан

холодком змеились по запястью, постукивая золотыми капельками на кисточках.

— Тогда ешь давай и лети. Затянем — только труднее будет расставаться. Сейчас, подожди. — Она забежала обратно в дом, чтобы появиться через минутку с небольшим узелком. — Тут твоя энцикло-

педия, и я добавила еще несколько книжек и старых журналов, будет полезно почитать. Только как ты понесешь — в зубах, что ли?

— Привяжешь мне на лапу. Только пока я не поем, не подходи, Тась. И лучше не смотри, я боюсь, тебе неприятно будет.

— Но это тоже ты, — сказала она, глядя прямо ему в глаза.

Энтери крепко обнял свою нареченную, стараясь запомнить ее запах, мягкость кожи и волос. Тась льнула к нему как веточка. Он скользнул губами по ее губам, отвернулся и пошел к загону с овцами.

Таисия, крепко вцепившись в сумку с книгами, со смесью восторга и отвращения наблюдала, как страшный крылатый ящер одну за другой ловит, рвет и закидывает себе в пасть истошно вопящих овец, как его белая морда окрашивается в багряный цвет. Михайлис всего один раз подошел к окну — чтобы увести Лори, испуганно глядящую на будущего зятя.

Наконец дракон, так не похожий на ее сдержанного, ласкового, нуждающегося в ней Энтери, наелся. Он несколько раз махнул крыльями, проверяя силы, потом посмотрел на девушку и вытянул вперед шею, положив голову на землю.

Тась подошла к нему, переступая через лужи крови и какие-то неопознаваемые клочки плоти, прошла вдоль страшной пасти и длинной шеи под огромное белое крыло. Грудь дракона ходила ходуном, а внутри будто работали чудовищные кузнечные меха — так громко он дышал.

Она привязала к его лапе сумку, погладила серебристо-белую кожу в крапинках крови и пошла обратно, но около морды вдруг остановилась и поцеловала дракона куда-то в область щеки. Он зурчал, смешно закурлыкал, как большой голубь, потом заклекотал, махнул крылом — и девушка отбежала, а ее персональный дракон взлетел над горой и издал трубный глас.

Он парил, хлопая крыльями, над поляной и глядел на нее.

— Улетай! — крикнула она жалко. — Ну же, улетай, Энтери! Улетай!!! Дракон склонил голову, махнул крыльями и улетел.

И только тогда Таисия позволила себе сесть на землю и наконец-то расплакаться.

...Черный город, звенящий ночными звуками, горит огоньками фонарей и редких светящихся окон, как гнездо светлячков. Запах цветов становится невыносимым, требовательным, и разговаривать в эту ночь уже никто не желает.

— Я тебе дам завтра эту эн-цик-ло-пе-дию, брат, — произносит Энтери устало. Он уже почти трезв и пить больше не хочет. — Мир

очень изменился. То, что я описал тебе — ружья, телевизоры, электрические лампы, самодвижущиеся машины, — это малая часть. Если раньше наш народ был самым развитым, то теперь люди ушли далеко вперед. Нам очень многое надо узнать, прежде чем действовать. Таисия говорила, что в Рудлоге нет больше монархии, там правит аристократия. Как нам найти ту, кто тебе нужна?

— Времени у нас очень мало, — тихо отвечает Нории, переживший с братом его любовь и разделивший его разлуку. — Я подумаю, что можно сделать. Спасибо, что поделился со мной сокровенным, Энти-эн.

Братья уходят с крыши. Энтери идет в свои покои, где долго ворочается, думая о Тасе, — всего три дня прошло с того момента, как они расстались, но эти три дня уже кажутся вечностью.

Нории тоже ненадолго навещает свои покои, но вскоре выходит оттуда, одетый в просторный светлый плащ.

Через сад он выходит в город. Редкие прохожие узнают его и приветствуют, кланяясь, и он доброжелательно отвечает им. Нории держит путь в храм Синей, где прихожанки и жрецы дарят нуждающимся любовь и благословение богини. Запах цветов и рассказ брата растревожили его, и только плотская любовь способна на какое-то время унять появившуюся тоску.

До самого рассвета Владыка Нории Валлерудиан, как простой послушник, дарит любовь двум молоденьким сестричкам, только-только вступившим в зрелость. Они пришли в храм, как многие женщины Песков, чтобы получить благосклонность богини, а получили еще и незабываемую ночь с обожаемым Владыкой. Им немного страшно, но они любопытны, игривы, свежи, юны и застенчивы, а он щедр, насыщен и ласков, и на их ложе царят только смех, радость и страсть. Утром они расстаются под строгим взглядом богини верности, богини любви, унося с собой ее одобрение и благословение.

ГЛАВА 8

Конец августа, Орешник,
Иоаннесбургская область, Рудлог
Ангелина

Так бывает — в двадцать лет ты наследница древнего рода, второй человек в государстве, самая завидная невеста мира, любимица народа и предмет обожания многочисленных подруг и воздыхателей. Не очень бескорыстного, правда, обожания.

В тридцать — первый человек на закопченной деревенской кухне с покрытыми ожогами от проклятой печки руками, забывшая, как выглядит твое лицо в зеркале. Да и в зеркало лишний раз, честно говоря, посмотреться не хочется, потому что глядит оттуда расплывшаяся тетка без возраста с короткими темными волосами, приятным, но совсем не девичьим лицом, кругами под карими глазами и глубокими складками вокруг рта.

Ты научилась виртуозно доить коз огрубевшими пальцами, на которых раньше сверкали кольца, и на каждое из таких колец можно было купить десять подобных деревень со всеми жителями и их скарбом, доить и не морщиться от козьего запаха. Ты умеешь стирать огромное количество белья вручную, потому что старая стиральная машинка отдала концы три года назад, а на новую нет денег. Ты забыла уже, когда вставала позже пяти утра, самое лучшее развлечение для тебя — возможность полноценно поспать, а в подругах у тебя полутрамотные, но искренние в своей простоте, понятные соседки. И никаких битв за твою благосклонность.

Единственное, что осталось неизменным, — это древность рода, но толку от нее немного. Древностью рода не вымоешь полы и не вскопаешь огород.

Ты смирилась с тем, что твоя жизнь теперь принадлежит не тебе и что ты всегда должна быть самой мудрой, предусмотрительной и решающей все проблемы. Ты привыкаешь к тому, что соседские мужики смотрят на тебя не как на женщину, а как на домашнюю уборочную и готовящую технику, словно прикидывая, подойдет ему эта модель или он еще не настолько отчаялся.

Ты понимаешь, что из бесконечного объема знаний, которым тебя пичкали чуть ли не с младенчества, в реальной жизни применимы процента два, потому что в реальной жизни важно знать, как найти и приготовить еду, заплатить за электричество и одеть младших сестер, не имея денег. Умение красиво расписываться, знание этикета всех стран мира или способность отличить блакорийского темного жеребца от изящной йеллоувиньской породы оказываются бесполезны.

...Ангелина, или Анька, как ее кликали соседки, крошила огромным тесаком капусту на щи, пирожки и тушение, краем уха прислушиваясь к болтовне своей подруги Валентины. Валька была большеглазой, большеротой и заразительно смеялась над любимыми, даже несмешными шутками. Смеялась, несмотря на то что у нее было трое детей, а муж прошлым летом подхватил грипп, перешедший в воспаление легких, и умер, оставив их на грани нищеты.

— Матушка моя говорит, сегодня у директора скандал случился с учительницами по языкам и рисованию. Они еще младшие классы вели. Аккурат рядом с кабинетом мыла полы, вот и подслушала. Сначала тихо говорили-то, а потом разошлись на весь этаж.

— И в чем причина скандала? — вежливо спросила Ани, слушавшая свежие деревенские сплетни в исполнении Валентины каждый день как сводку новостей.

— Да они увольняться решили, в гимнасий какой-то их в столице позвали. А что они не видели в тех столицах? Смог, толпы народу, душегубы всякие, машины каждый день кого-нибудь давят! Аристократишка поедет, а полиция впереди, движение стоит, пробки, народ злой.

— Валь, так что там с директором?

— А! Так эти увольняться, а он кричит — у меня начало года, где я вам на три класса сразу двух учителей найду! А у меня комиссии! А у меня проверки! А детям экзамены сдавать в конце года! И по столу — хрясь! Темпераментный мужик, Авдей Иваныч этот!

— И что, уволились?

— Так да, не удалось сатрапу этому их запугать. Уж он и ругался, и льстил, и повышение жалованья обещал — ни в какую. Молодые еще, столицы манят. А что там в этих столицах? Правильно я говорю?

— Правильно, подруга, — рассмеялась Ангелина.

— Так что, Анька, — голос Вальки вдруг утратил привычную несерьезность, — бросай свою капусту, надевай попримличнее какую одежду и шкандыбай давай в школу, учителем устраиваться.

— Валуш, ты чего? — изумилась Ангелина. — Я учителем никогда не работала. Да и кто меня без документов и дипломов возьмет-то?

— А я тебе скажу, что моего мальчика ты лучше любого учителя научила, когда он матери нервы мотать вздумал и учиться бросил. Речь у тебя непростая, ровно как благородная балакаешь. Математику, письмо знаешь, географию вон моему Митьке подтянула. Так что давай-давай. — Она грудью отгеснила Ангелину от стола. — Переодевайся, кому сказала, и в школу иди. Попытка не пытка, а вам любая копейка нужна.

Переодетая в старенький, но чистый бежевый костюм, отданный ей два года назад сердобольной Валькой, Ангелина шла по городку в сторону школы. Соседки, работающие на сборе урожая у своих небольших домиков, приветливо махали ей руками, звали поговорить, но она отговаривалась спешкой.

Чирикали птицы, мычали в хлевах приведенные с пастбища коровы, меめкали козы, тут и там на пыльной дороге, проходящей между небогатыми изгородями, чинно шествовали или сидели важные куры, обмениваясь своими куриными сплетнями. В небольших прудиках размером со стол плескались и гоготали гуси. Раньше она всегда поражалась умиротворенности этого городка по сравнению с насыщенной, полной различных развлечений и событий жизнью столицы.

Орешник был малюсеньким городом, состоявшим из деревенской и «городской» частей. Он вырос лет тридцать назад рядом с давно и исправно поставляющим натуральные продукты на прилавки столицы и области фермерским хозяйством. Единственная заасфальтированная улица с неоригинальным названием Центральная рассекала его на две половинки. Вокруг улицы королевским указом было когда-то построено штук десять пятиэтажек, предназначенных для работников ферм и их семей. Потихоньку около многоэтажных домов появились «самозахватные» огородики, а потом и деревенские домики и дачки. Первое время с захватчиками пытались бороться, а потом махнули рукой, провели дачную амнистию и легализовали владения, решив, что так выйдет дешевле.

Одноэтажное здание администрации в центре, на пересечении заасфальтированной Центральной и не удостоившейся такой чести Пекарной улицы, было украшено гордо реющим флагом, на котором, словно в насмешку, все еще был изображен семейный герб Рудлогов и их фамильная корона. Ее, Ангелины, корона. При взгляде на нее Ани расправила плечи.

И в самом деле — чего бояться? Деньги им нужны, даже очень, и любой работающий член семьи немножко снимет бремя нищеты со всех них. Ради работы можно и попросить директора, и даже поумолять, если понадобится. Хотя за всю свою жизнь Ани никого не умоляла. Да и просить научилась только семь лет назад.

«Нечего бояться», — твердила она себе. Программа вряд ли изменилась за прошедшие годы, а уж образование она получила лучшее в стране и одно из лучших в мире. Да и мать в рамках сближения с народом настаивала, чтобы дочери участвовали в общественной деятельности. Помимо прочих публичных обязанностей, старшая проводила уроки и занятия в школах и детских садах. «Справишься с детьми — справишься и с дворянским собранием», — как-то пошутила мать, когда принцесса с возмущением спросила, за какие грехи ее опять отправляют в школу, к шумным, нагловатым, невоспитанным детям.

Погруженная в свои мысли, Ангелина дошла до приземистого здания школы, возле которого практичный директор разбил огород, на котором отрабатывали провинности двоечники и прогульщики. Он ничуть не стеснялся несвоевременной эксплуатации детского труда, объясняя возмущенным родителям, что, раз они не могут воспитать детей, пусть это сделает благородный труд. Благодаря усилиям «эксплуататора» в столовой школьников круглый год кормили бесплатно — выращенной руками лоботрясов картошки, капусты и моркови хватало на всю небольшую школу.

Директора в поселке шепотом ругали и величали сатрапом, но воспитательный эффект был наглядным и быстрым. Что неудивительно, дети — практичные создания, и даже самый последний неуч между днем прополки картошки и выполнением домашнего задания выбирал учебу.

Зайдя в школу, Ангелина поздоровалась с мамой Валентины, которая совмещала в себе почетные обязанности уборщицы, гардеробщицы и повелительницы звонка, и спросила, у себя ли директор. Получив утвердительный ответ и ободряющее «Иди-иди, небось не выгонит, наоралси уже», постояла немного у кабинета, выдохнула, снова расправила плечи и постучала.

— Кого еще черти принесли? — раздался «добрый» голос педагога и воспитателя. — А-а-а, Ангелина Станиславовна. Какими судьбами?

— Здравствуйте, Авдей Иванович. — Ани прошла в чистенький, но потертый кабинет и села на стул перед массивным директорским столом. — Мне тут сорока на хвосте принесла, что вам учителя срочно нужны...

Высокий, грузный, начавший лысеть Авдей Иваныч с красными от утреннего разноса глазами оценивающе глянул на нее.

— Так нужны, уважаемая, нужны. Али есть кто на примете?

— Есть, — сказала Ангелина твердо. — Я.

Авдей гулко захохотал, и над их головами угрожающе задребезжала огромная стеклярусная люстра, смотревшаяся в кабинете как инородное тело.

— Ну ты и шутница, Станиславовна. А пришла-то на самом деле зачем?

Ангелина начала злиться.

— Я вовсе не шучу, Авдей Иванович. Так вам нужны учителя или нет?

— Да нужны, нужны, — протянул он тоскливо. — Только я ж с улицы не могу никого взять. Нет, ты не обижайся, Ангелина Ста-

ниславовна, баба ты порядочная, ладная, говорят, занималась с детишками, помогала им. Но мне диплом нужен. Понимаешь, диплом педагогический! А есть у тебя диплом? Видишь, нету. А если в министерстве узнают, что у меня учитель без образования детей учит? Что будет, я тебя спрашиваю? Скандал будет, вот что!

— Насколько я помню, — осторожно сказала Ангелина, — есть королевский указ, что в малых поселениях учителем может быть любой, знающий программу и сдавший тестирование. А я, Авдей Иванович, его сдать могу хоть сейчас.

— Да где эти указы сейчас, — сморщился директор. — Там же, где и королева. Он вроде на бумаге есть, а реально нам особо отметили, что без крайней необходимости не надо людей без педобразования принимать. А я, Ангелина Станиславовна, человек маленький, никогда такого не делал, да и мне лишнее внимание к школе со стороны чинуш не надо — и так по сто шкур дерут. Сейчас напишу запрос в министерство, может, выделят выпускниц каких на замещение. А ты иди, милая, иди, дел у меня много.

— То есть, — холодно спросила Ангелина, — вы мне отказываете?

— Ну не сердись, милая, никак не могу я, никак.

— Ладно, — улыбнулась принцесса, поднимаясь и чувствуя, как внутри рвет резьбу с закрученного вентиля, а ощущение собственной беспомощности, невозможности купить сестрам нормальную осеннюю обувь, чтобы не болели, как в прошлом году, оплатить отцу протез, вкус надоевшей капусты и общая усталость заливают ее изнутри какой-то мрачной решимостью. Вот же старый козел, даже пошевелиться не хочет, а ей хоть волком вой... — Только вы мне в глаза это скажите, Авдей Иванович...

Директор тоскливо посмотрел на нее.

— Ну что ты, Ангелина Станиславовна, не серд...

— Вы сейчас позвоните в министерство и спросите разрешения провести тестирование, — ласково произнесла Ани, в упор глядя на него. — Скажете, что ситуация критическая, а здесь у вас самородок, который, хоть и без специального образования, сомнений в пригодности не вызывает. Объясните, что я ранее вела занятия на дому, имею самые положительные отзывы от односельчан и администрации Орешника и готова и класс вести, и уроки дополнительные, и продленку — и все на одну ставку.

Глаза Авдея Ивановича остекленели, и он, неотрывно глядя на Ангелину, медленно снял трубку и стал набирать нужный номер.

— И пободрее голос, пободрее, — улыбнулась Ани, снова садясь на стул. Теперь главное, чтобы никто не зашел в кабинет, иначе не-

адекватное поведение необычайно тихого и покладистого директора сразу заметят.

Неизвестно, что сыграло роль, возможность сэкономить или общая незначительность сельской школы, такой маленькой, что не стоило особо обращать внимание на качество образования деревенщины и фермеров, но согласие с той стороны было получено на удивление быстро. Директор, договорив, положил трубку и преданно уставился ей в глаза.

— А теперь давайте мне тестирование, господин директор.

— Распечатать надо, — с готовностью сообщил он Ангелине.

— Распечатывайте, — благосклонно кивнула она.

Тест она заполнила быстро: удивительно — как все, несмотря на прошедшее время, всплыло в голове. Ангелина просмотрела ответы в последний раз и отдала несколько заполненных листов директору. Он все так же смотрел ей в глаза. Она наклонилась к нему.

— Когда я выйду, вы все спокойно проверите и, если я прошла тест, начнете оформление меня в школу. Вы очнетесь и будете себя прекрасно чувствовать, вести себя как обычно. Помните вы будете только то, что я вас уговорила позвонить в министерство и вы согласились. До завтра, Авдей Иванович!

— До завтра, — с обожанием глядя на нее, кивнул директор.

Ангелина вышла и выдохнула. Зря она, конечно, так раскрывалась, но другого выхода не было. Отец обязательно расстроится, он просил, чтобы дети не использовали свои способности, по специфике которых их легко можно было вычислить. Но как же надоела эта беспросветная, нищая жизнь! Как вспомнишь болезнь Каролинки, когда они не могли купить лекарства, и если бы не Валюха с мужем и их помощь... Нет, она все сделала правильно. Вообще, может, их уже оставили в покое и странное поведение Авдея Ивановича, его смелость в общении с вышестоящим руководством и взятие на работу неспециалиста останутся без внимания.

— Ну как все прошло, Анька? — К ней уже, пылая любопытством, спешила тетя Рита, Валина мама.

— Вроде как согласился, тетя Рит, — улыбнулась Ангелина, — завтра точно будет известно.

— Ну хорошо-то как! — искренне обрадовалась пожилая женщина. — Ты вот что, Анюш, иди в библиотеку, к Раисе Палне, скажи, я послала. Тебя поставят на второй класс, скорее всего, так что проси программу, учеба скоро начнется, надо готовиться. Она тебе и уроки первые поможет составить.

— Спасибо большое, тетя Рита! — Растроганная Ангелина обняла женщину. Вот почему чистые душой, отзывчивые и добрые люди встречались ей в основном среди бедняков? Наверное, дело в том, что богачи сосредоточены только на себе. Когда-то и она такой была.

Ангелина отодвинулась от Валиной мамы и тепло улыбнулась ей.

— Приходите завтра вечером на пироги с капустой. И Валентину тоже позову с мальчиками. Завтра директор даст ответ по тестированию. Если да, отпразднуем сразу, а если нет, хоть наедемся от пуза.

— Да в жисть не поверю, чтоб ты и не написала эту филькину грамоту, — ткнула ее соседка локотком. — Иди давай в библиотеку, коза-дереза, а мне подмести вокруг школы надоть.

На следующее утро к ним в дом зашел директор и, сам себе удивляясь, сообщил, что Ани оформлена в школу на ставку учителя младших классов. При этом он с таким недоумением косился на нее, что было понятно — он сам не понимает, как решился на подобный шаг. Отец, заметивший это, нахмурился и внимательно посмотрел на Ангелину, но ничего не сказал. Дело было сделано, и предстояло срочно готовиться к учебному году, не забывая при этом и про домашние обязанности. И печь обещанные пирожки, кстати.

Вечером за столом собралась почти вся их большая семья. Василинка только родила третьего ребенка, и поэтому приезды их семьи, и без того крайне редкие, откладывались на неопределенный срок. Зато ближе к вечеру с ночного дежурства приехала Марина, привезя с собой двух младших сестер, рано утром умчавшихся в город по каким-то своим девичьим делам. Оставшаяся дома Каролинка уже успела схватить пирожок и увлеченно жевала его, вздыхая от удовольствия. Да, Ангелина научилась печь шикарные пирожки. И даже отец оторвался от своего огорода и пришел в дом на заманчивый запах выпечки и смех дочерей. Соседи обещали заглянуть чуть попозже, но сил ждать не было.

— А у нас новости. — Полина подождала, пока все рассядутся и Ангелина разольет чай из огромного пузатого чайника. — Сначала ты, Алиш. — И она ткнула младшую сестру под бочок.

Алина поправила очки и покраснела. «Волнуется, — отметила Ангелина, — влюбилась, что ли?»

— Я п-поступила в университет! — наконец выпалила Алина. — На бесплатный! И там дается общежитие!

Все застыли, а затем стали дружно поздравлять сестру; отец же поманил ее к себе и крепко обнял.

— Постой, а какой университет-то? — уточнила Марина.

Алиша нервно сглотнула и взглянула на отца.

— Магический...

Напряженная тишина была ей ответом. Они все это время избегали магов и духовников, не зная, способны ли те «прочитать» их. А тут одна из сестер суется прямо в осиное гнездо!

— Нет, это невозможно, Алин, — жестко сказала Марина. — Нам останется только встать на площади Победоносца посреди столицы с плакатами «Мы королевские дети, стреляйте в нас кто хотите!».

— Ну п-почему, — возмутилась Алина, как всегда начиная немного запинаться, — т-тебе можно работать в публичном месте, где маги бывают, и часто! Полинке! Полинке м-можно учиться в крупном институте, а м-мне идти туда, куда лежит душа и куда я, между прочим, поступила сама, б-б-без взяток, с конкурсом семьдесят человек на место, — нельзя! Нельзя! Вы вообще понимаете, ЧТО это означает? Что такое — поступить туда, куда весь континент поступает, и быть первой на потоке по баллу? С моим слабым даром?

— На самом деле, Марин, — примирительно сказала Полли, — мы уже и так засветились. Пусть я намеренно поступала в самый заштатный институт, но если нас захотят найти, то найдут. А Алинке надо учиться, у нее классические магические способности, по словам учителя, достаточны для обучения, хоть и с небольшими девиациями.

— Дивациями? — переспросила Каролинка с набитым ртом.

— Отклонениями, милая, — пояснила Полли, — то есть немного отличаются от нужного уровня, но не сильно.

— Я так с-с-старалась! — горячо заговорила Алина, и ей, застенчивой по натуре, тяжело давалась эта настойчивость. — Я поступала сразу в три вуза, про два из них вы знаете. И во все три п-п-поступила. В Магическом у меня лучший балл и на потоке п-п-первое место! Могу я выбрать то, чем я буду заниматься всю жизнь? Мне надоело бояться, Марин, надо жить дальше. Там б-б-будет стипендия, ты не думай, мне не нужно будет просить у тебя денег!

— А вы как считаете? — спросила у отца и старшей сестры капитулировавшая перед таким напором Марина.

— Я согласен с тобой, — ответил отец. — Но дело сделано. Боясь, что отказ одаренного подростка учиться в лучшем университете страны так же опасен в плане привлечения внимания, как и продол-

жение учебы. Ректор там Александр Свицерский, я немного общался с ним. Он из рук такое сокровище, как наша Алиночка, не выпустит.

Алинка покраснела от похвалы, а отец тяжело вздохнул. Страшно за девочек, но всю жизнь не получится провести не высовываясь. Остается надеяться, что их оставили в покое.

— А я поддержу Алину, — неожиданно сказала Ангелина, и новоиспеченная студентка Магического университета расплылась в улыбке. — Тем более что у меня тоже есть новости. Я нашла работу, здесь, в школе. Буду учить детишек.

— Здорово! — Полли захлопала в ладошки. Сестры нестройным хором поздравили старшую. Как-то все привыкли к тому, что Ангелина и кухня друг без друга долго не могут, а тут такая новость!

— Но как тебе удалось уговорить директора? — спросила Марина, внимательно глядя на Ани. И сестры все как одна подозрительно уставились на нее.

— Мы поговорили, и я сумела доказать ему, что стоит попробовать, — легко ответила Ангелина, чувствуя сбоку взгляд отца. — Это тоже хорошая новость, не так ли?

— У меня тогда тоже новость! — Полина подняла чашку с чаем, привлекая внимание. — Мы группой едем на границу с Бёрмонтом, там просыпается древний вулкан, так что у нас — та-да-да-ам — внеочередная практика! На полтора месяца! Сегодня только узнала!

Полина обожала легализованные откосы от учебы, такие как возможность поехать на практику.

— Не опасно это? — нахмурилась Марина.

— Ну что ты за бука! — Пол стукнула по столу чашкой, отчего на стол выплеснулся чай. — А у Маринки тоже есть новости, — злобно заявила она.

— Не неси чушь, Полли, — поморщилась ее сестра-ворчунья.

— И какие? — заинтересованно спросила Ангелина.

— У нее появился поклонник!

Алинка хихикнула, Марина закатила глаза, показывая, что это чушь и бред, отец нахмурился, а Ангелина, отпив чая, спросила:

— И что за поклонник?

— Да помнишь, мы рассказывали про мужика, которого подвозили, а он потом нам с бензином помог? Мы еще ночевали у него в супердоме! Аристократ, виконт! — чуть ли не подпрыгивая на месте, начала «сдавать» сестру болтушка Пол. «Вот же язык без костей», — подумала Маринка. А неугомонная Полли продолжала: — Вот я сегодня к больнице после собрания группы подъехала, решила

Марину с работы в кафешке подождать, посидеть просто, да и Алин-ка должна была скоро появиться. И тут вижу — сидят они вдвоем, он ее обхаживает, глаз не сводит. А наша сестра только губы кривит и слушает. Суровая такая. — И Полина скорчила рожицу, показывая, как именно сурово выглядела Марина в этот момент.

Теперь все взгляды обратились на Марину.

— Да я сама не знаю, зачем он приходил, — не выдержала она. — Больше месяца прошло, какая-то странная любовь неземная, не находите?

— А может, — подала голос обожавшая любовные романы Алина, — он все это время боролся с собой, так как он лорд, а ты простая горожанка... И вот, — она мечтательно вздохнула, — он не совладал с собой и решил увезти тебя к себе во дворец.

— Да, но я-то тут еще, а не во дворце, — язвительно заметила Марина.

— Как зовут лорда? — уточнил отец.

— Кембритч, папа.

Святослав сдвинул брови.

— Я знаю его отца. Припоминаю по парламенту. Неприятный, очень себе на уме, высокомерный. Про сына ничего не скажу, я даже не знал, что у него есть сын. Неожиданный выбор, Марин.

— Да слушай их больше, отец, — раздраженно ответила Марина. — Они меня и замуж без моего ведома выдадут. Говорю тебе, странно это.

— Чего странного, — настаивала Алина, краснея, — влюбился он.

— Я не верю в сказки, — жестко отрезала Марина.

Марина

...Я и правда не верила в сказки. Особенно трудно в сказки верить, когда накануне ты отпахала продленную смену, потому что привезли срочный аппендицит, поспала три часа в подсобке и потом прыгнула в скорую на вызовы. А с утра, на собрании, которое ну обязательно нужно посетить — иначе я бы давно спала дома, — нас «обрадовали» внеурочной сдачей анализов, а меня попросили подменить дежурную медсестру на утреннем обходе, потому что у нее приезжает сын от бабушки, надо встречать.

И вот я, с дыркой в вене, с гулкой от недосыпа головой, с немymi волосами... Нет, я девушка чистоплотная, но, поверьте, очень

Марина Богуславская

трудно остаться с аккуратной прической, когда ты потеешь над пациентом с медицинской шапочкой на голове, или бегаешь по палатам, или спишь, где упала.

Такой красавицей, с призовыми синяками под глазами и опухшим бледным лицом (как зеркало не треснуло, не знаю), я провела

обход на автомате, раздала баночки для анализов, собрала баночки с анализами, взяла кровь у полусотни пациентов и наконец-то выбралась в курилку, обессиленно прислонившись к стене и подумывая, что никуда я уже сегодня не поеду, останусь спать в подсобке. И тут по громкой связи: «Богуславская Марина Станиславовна, подойдите в кабинет главврача!»

Потащилась я туда как недоуспокоенная нежить, готовясь застрелиться, если мне скажут, что нужно еще кого-то подменять или куда-то ехать.

Зашла, постучавшись, и увидела его. Это было так неожиданно, что я даже не удивилась, просто спокойно посмотрела и кивнула. Он при моем появлении сразу встал, тяжело опираясь на трость, и захотелось сказать: «Сидите, не надо вставать», но я промолчала.

В кабинете присутствовал не только он, был еще и Олег Николаевич, оставшийся сидеть — не аристократ все-таки. Это в высшем свете мужчины встают, когда дама входит.

Был главврач непривычно благодушным, смотрел с доброй улыбкой и прямо-таки излучал радушие.

— Здравствуйте, Марина Станиславовна, — сказал он приветливо, — садитесь, что же вы стоите.

— Так уже здоровались с утра, Олег Николаевич, — в тон ему ответила я и осталась стоять. — Случилось чего?

— Так вот знакомый ваш пришел, провести вас. — И Олег Николаевич недоуменно покосился на стоящего, как его там, Кембритча.

— Здравствуйте, Марина. — Лорд поклонился, и я еле удержалась, чтобы не сделать книксен в ответ. А я и забыла уже, какой у него странный голос, будто он постоянно простужен или курит так, что хрипит и сипит. И говорит он тихо, но низко, и вся эта вокальная смесь царапает и щекочет где-то у меня за грудиной, будто бронхит начался или холодного воздуха наглоталась.

— Здравствуйте, — вежливо ответила я и замолчала. Так мы и стояли молча и глядели друг на друга. Я — от усталости, а он — явно не зная, что сказать дальше. Олег Николаевич, видя это, засуетился:

— Ну я пойду, а вы пообщайтесь, пообщайтесь. Лорд Кембритч, еще раз спасибо за оборудование в педиатрию, это очень щедрый жест.

Мой визави кивнул ему, продолжая глядеть на меня чуть искоса, будто стеснялся смотреть прямо.

— Олег Николаевич, — проговорил он этим своим ужасающим, пробирающим меня насквозь голосом, — не стоит волноваться, бу-

дет крайне некорректно с моей стороны занимать ваше рабочее место. Марина, — обратился Кембритч ко мне, — не будет ли с моей стороны слишком смело пригласить вас на чашечку чая? Я заметил кафе напротив поликлиники, «Сиреневый дворик», кажется.

— «Сиреневый лужок», — машинально поправила я. Да уж, изящно. Отказать тебе я не могу, потому что главный меня потом с потрошками съест, за оборудование-то. А идти очень не хочется, не доверяю я тебе.

— Лорд Кембритч, — я постаралась, чтобы голос звучал спокойно, — я сутки нормально не спала и не могу в таком виде пойти в присутственное место.

— Вы прекрасно выглядите, Марина, — так же спокойно проговорил он. Да-да, среди покойников я была бы звездой. — Я обещаю, что не займу у вас много времени. Пожалуйста, позвольте проводить вас в этот «Сиреневый лужок». Уверен, кафе замечательное.

Голос его дрогнул, и я не поверила своим ушам — ирония?

— Поверьте, — продолжал он, — чашечка хорошего ароматного чая прекрасно вас взбодрит.

Да-да, в «Лужке» только такой и подают — ароматный и хороший. Просто нам он ни разу не попадался. А взбодрить меня после той дозы кофеина, что плещется в моих венах, может только конский транквилизатор. Снова захотелось, как в первую встречу, запустить в него чем-то тяжелым. Но вместо этого я кивнула и сказала:

— Подождите меня внизу, я должна переодеться.

Снять халат и форму, быстрый душ, чистка зубов, расчесаться, влезть в брюки... на влажное тело — бррр. Уложилась я в пятнадцать минут. Лицо свежее не стало, но зато голова начала хоть немного связано мыслить.

Он терпеливо ждал меня на кресле в приемном покое, а вокруг, в почтительном отдалении, уже собрался фан-клуб из медсестричек и внезапно оздоровившихся пациенток, которые бросали на лорда — невиданное явление в больнице для простых горожан — любопытные взгляды.

Разглядев, как я подхожу к предмету их воздыханий, медсестрички зашушукались громче, и ничего не оставалось, как в упор посмотреть на них тяжелым взглядом (подсмотренная у Ангелины опция), под которым они стушевались и замолкли.

Кембритч, увидев меня, тяжело встал с кресла, и мне захотелось подбежать к нему и помочь. Профессиональная реакция, уже на автоматизме. Но под такими взглядами я всегда тушуюсь. Не надо

на меня смотреть, будто на мне цветы распускаются, ваша милость. Вслух я недоуменно спросила:

— Что-то не так, лорд Кембритч?

— Все нормально. — Опять бронхит, чтоб его, первая стадия, аж дыхание захватывает. — Просто вы так отличаетесь — в халате такая строгая и взрослая, а сейчас выглядите очень молодо и свежо.

— Благодарю, — улыбнулась я, а про себя подумала, что он мне безбожно льстит, и это не к добру.

— Вы так мило смущаетесь, — усмехнулся он, хромая рядом со мной.

— Мило я смущалась в пятнадцать лет, лорд Кембритч, — жестко сказала я, не поддерживая игру, — а сейчас я недоумеваю: в чем причина вашего визита?

Он промолчал и молчал до тех пор, пока мы не дошли до кафе. Официант, увидев редкого высокого гостя, засуетился, предложил нам выделенную терраску, но Кембритч махнул рукой, отодвигая стул за маленьким столиком у окна и предлагая мне сесть.

— Нам и здесь будет прекрасно, уважаемый. У вас ведь можно курить?

— Конечно! — Официант, которого в жизни не называли «уважаемым», мгновенно организовал нам пепельницу, поставил на столик неизвестно откуда взявшиеся цветы, принял заказ: «Чай найдем самый лучший, обязательно». Виконт закурил, пока я заказывала себе завтрак. Внезапно я поняла, что страшно голодна, и, раз уж меня пригласили, грех не воспользоваться случаем.

— Вы ведь тоже курите, Марина? — спросил он, пододвигая мне сигареты. Пальцы у него были ухоженные, длинные, ногти аккуратные. На большом и указательном виднелись едва заметные желтоватые пятна от табака. И сигареты, конечно же, «Вулканик», самый дорогой сорт.

— У меня свои есть, — сухо сказала я, доставая из сумочки пачку крепкого «Дымникоффа» и вытаскивая сигарету. В пачке осталось всего две, он это заметил и улыбнулся, словно говоря: «Все равно у меня получится вас угостить».

Лорд Кембритч протянул мне горящую зажигалку, я наклонилась вперед и прикурила, хотя первым порывом было забрать у него зажигалку из рук и прикурить самой. Но это уже совсем детский сад был бы.

Мы курили и исподволь, сквозь дым, разглядывали друг друга. Такой же высокий, жилистый, каким я его запомнила, ни капельки не красавец в общепринятом смысле. Интересно, что он сейчас ду-

мает обо мне? Зато обаяния у него, не сладенького мальчикового, а такого, тяжелого мужского, хоть отбавляй. Кажется, это называется харизмой.

Слава богам, он молчал, а то стоит ему открыть рот, и мне хочется взять стетоскоп и послушать, откуда вообще берется такой голос. «Не обманывай себя, тебе просто хочется дать научное объяснение его воздействию на тебя, Марина», — прозвучало у меня в голове так громко, что я испугалась, не произнесла ли я это вслух.

Подошедший официант тем временем расставил чашки, разлил из цветастого чайничка чай, сладко пахнущий какими-то ягодами и фруктами. С поклоном (я обсмеялась внутри — сколько хожу в заведение с коллегами, нам даже не кивнули ни разу, не то чтобы кланяться) поставил передо мной блинчики с творогом и розеточку с клубничным вареньем.

Я, махнув рукой на этикет, начала есть, иначе захлебнулась бы слюной. Виконт же аккуратно попивал чай, внимательно глядя на меня и не спеша начинать разговор. Под этим взглядом я чувствовала себя какой-то бродяжкой, которую подкармливают из милости.

Наконец я прикончила свой скудный завтрак и достала последнюю сигарету. Опять в его глазах промелькнула ирония, но он молча поднес мне зажигалку.

Выпустив дым и стряхнув первый пепел, я наконец-то поинтересовалась:

— Так какова цель нашей встречи, лорд Кембрич?

Он пожал плечами и хрипло ответил:

— Я захотел вас увидеть, Марина.

— Зачем? — прямо спросила я.

— А вы не догадываетесь? — Опять этот голос и взгляд прямо в глаза. Как раздражает-то, а!

— Ваша милость, — устало сказала я, — я ведь не шутила, когда говорила, что очень мало спала. Единственное мое желание сейчас — поехать домой и поспать хотя бы часов шесть, потому что в ночь мне снова ехать на работу. Честно говоря, у меня просто нет времени играть с вами в отгадки, потому что мне каждая минута дорога. Поэтому я задам вам вопрос еще раз, и не обижайтесь на прямоту: что вам нужно?

Он молча смотрел на меня: и когда я уже была готова встать и уйти, произнес:

— А что может быть нужно мужчине от привлекательной и интересной девушки? Вы мне понравились. Вы меня заинтриговали. Вы — загадка, тайна, то ранимая и нежная, то жесткая и серьезная.

От воспоминания о нашей последней встрече и моих позорных слезах я покраснела. А он продолжал:

— Поэтому я здесь. Вы довольны ответом?

— Бред какой-то опереточный, — честно сказала я. — Чувствую себя звездой школьного спектакля. Давайте я оплачу завтрак и пойду, ладно?

И я уже собралась позвать официанта, когда сзади раздался голоса и к столику подошли двое хорошо одетых мужчин. Они пожали руку вставшему Кембритчу, и один из них, невысокий и немного полноватый, с забавными бакенбардами, сказал, словно оправдываясь:

— Дружище, прости, но мы подъехали раньше, пробок почти не было. Вот и решили зайти, выпить кофейку. Если бы знали, что ты с прекрасной дамой, то не стали бы беспокоить!

Его спутник, молодой человек с внимательными синими глазами, молча кивнул, соглашаясь с говорящим.

— Ничего страшного, — медленно произнес Кембритч, — мы уже собирались уходить. Я должен довести даму до дома, она себя не очень хорошо чувствует.

Я уставилась на него, совсем не эстетично открыв рот от изумления, а господин с бакенбардами пристально осмотрел меня с ног до головы и спросил, обращаясь к Люку:

— Познакомишь?

— Конечно, — отозвался он. — Господа, позвольте представить вам госпожу Марину Богуславскую. Марина, это господин Лисовецкий, Андрей Евгеньевич, и его помощник, Марк Сенцов. Мы в некотором роде коллеги, состоим в одном клубе.

Андрей Евгеньевич кивнул, еще раз оглядев меня, и стало некомфортно — будто отсканировал. А вот его помощник очень мило покраснел, взял мою руку и поцеловал со словами: «Очень приятно, рад знакомству». Мужчины быстро попрощались, а я в расстроенных чувствах схватила пачку, потянулась за сигаретой, но наткнулась на пустоту.

Виконт молча протянул мне свои сигареты, я так же молча взяла пачку из его руки, на мгновение почувствовав тепло и крепость его пальцев. Закурила, выдохнула.

— Лорд Кембритч, я...

— Люк, — поправил он меня.

— Что? — не поняла я. Личным именем друг друга могли называть только друзья, родные, ну и любовники, естественно.

Он вдруг вздохнул, словно ему вся эта ситуация страшно надоела.

— Марина, послушайте меня. Вы мне очень понравились при первой встрече, и я не смог вас забыть за все это время. Поэтому и нашел вас. И сейчас только укрепился в этом ощущении. Если я вам не неприятен по каким-то причинам, если не отталкиваю и не вызываю отвращения, давайте попробуем хотя бы подружиться? Узнаем друг друга получше, а дальше уже как встанут звезды.

Почему-то мне после его «если я не вызываю отвращения» вдруг показалось, что он комплексует из-за своей внешности, и внезапно стало его жалко. Ситуация по-прежнему виделась мне очень странной, но просто нахамить и уйти я уже не могла. А спать хотелось все больше. Я поднялась, и он тоже встал, взял в руки трость.

— Марина, позвольте отвезти вас домой.

— Ни в коем случае, — твердо сказала я. Этого еще не хватало, чтобы он всю семью увидел в сборе. — Мой отец — инвалид, он очень негативно относится к гостям, а не пригласить вас в дом будет форменным свинством. Как-нибудь в другой раз.

Его милость склонил голову.

— Стоит ли расценивать это как указание на то, что другой раз все-таки будет?

Невыносимый, просто невыносимый хриплый голос.

— Посмотрим, — сказала я. — Все слишком уж неожиданно. До свидания, лорд Кембритч. Вы знаете, где меня найти.

Он взял меня за руку, и я, застыв, наблюдала, как он склоняется к моим пальцам и целует их. Почему-то начали гореть губы, а к глазам подступили слезы. «Истерическая реакция, — равнодушно отметил голос внутри, — сдаешь, Марина». Я почти выдернула руку и быстро вышла из кафе. Мне навстречу уже неслись Полина с Алиной. Мы погрузились в машину и через полтора часа уже были дома.

* * *

...Валя с тетей Ритой и тремя неугомонными пацанами пришли чуть позже, и дома сразу стало весело и тесно. Ангелина, уставшая за день от работы, полулежала на диване рядом с непрерывно болтающей Валентиной, пока ее мама кормила внуков пирожками, и ей было тепло и сытно. Тетя Рита общалась с отцом, чинно обсуждая с ним урожай и заготовку семян на будущий год. За стенкой спала Маринка — она сразу, как выпила чай, пошла отдыхать. Алинка с Полиной в своей комнате перешивали какие-то старые вещи, чтобы было что носить во время учебы. Периодически оттуда раздавался

девичий смех и заговорщический шепот, но идти и проверять, что там происходит, сил не было.

— ...Мы скоро уже пойдем, — говорила Валентина, потирая глаза руками. — Я еще документальный фильм хочу новый посмотреть, сегодня объявляли, что покажут вместо сериала. Про убитую королевскую семью. Пойдешь смотреть?

Ангелина застыла и заметила, как дернулось лицо отца.

— Да... да, — медленно повторила она, — пожалуй, посмотрю.

— Тогда пойдем, Ань. Бедные девочки, — тараторила Валентина, — ужас какой тогда творился, врагу не пожелаешь. И всё молчали про них, молчали, будто и не было у нас королевы, а тут уже третья передача за неделю. Интересно, почему так?

«А уж мне-то как интересно», — мрачно подумала Ангелина, со всей отчетливостью понимая, что ой как не вовремя она пошла на работу устраиваться, а Алинка — поступать. Внутреннее чутье кричало ей, что надо собираться и уезжать как можно быстрее, бросая все...

— ...Трудно сказать, с чего все началось, — вещал репортер со скорбно-торжественным лицом, стоя у ограды с видом на их бывший дом, королевский дворец. — Мы постараемся установить, каковы были последние недели правления королевы Ирины-Иоанны и почему так случилось, что нация сошла с ума. Возможно, для нас всех пришло время покаяния...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

7 лет назад, Иоаннесбург

Трудно сказать, с чего все началось. Потом, когда улеглись волнения, когда заговорщики были осуждены, Рудлог вынужденно стал парламентской республикой, а власть перешла в руки кабинета премьер-министра Мйнкена, объявившего себя местоблюстителем трона до момента появления монарха, народ с удивлением смотрел на себя и спрашивал — что за волна ненависти, дурости и абсолютной нечувствительности к доводам разума накрыла их? Что заставило собираться в толпы, бросать работу, детей, жен, рушить семьи и устраивать бессмысленные протесты? «Как демон попутал», — говорили многие. И были, как говорится, недалеко от истины.

Трудно сказать, когда именно и откуда в Рудлог пришел господин Фабийус Смитсен, стройный и невысокий человек с приятным лицом, обаятельной улыбкой и гигантским счетом в банке. Вернее, официальная биография человека под именем «Фабийус Смитсен» вполне доступна. Оставался вопрос, был ли этот Фабийус тем же самым, который был описан в этой биографии, не представляющей собой до поры до времени никакого интереса: родился в Рудлоге, вырос, женился, родил четверых детей, работал геологоразведчиком и жил крайне скудно. Однажды с группой геологов уехал на север, на границу с Бермонтом, искать редкоземельные металлы в горах. А вернулся один, пешком, неся за спиной рюкзачок, набитый редчайшими фиолетовыми бриллиантами.

Следствие установило, что вся группа ученых погибла под обвалом, а сам Смитсен чудом остался жив да еще в придачу нашел старинный клад, открывшийся в пещере после обвала. И вот, о чудо, простой горожанин даже после уплаты налогов стал одним из самых богатых людей Иоаннесбурга. Он оперативно развелся с женой, оставил ее и детей в их старой квартирке, а сам переехал в огромный дом на Дворцовой стороне. Ни с женой, ни с детьми он больше не виделся.

И в один прекрасный момент Смитсен стал заметной фигурой. Месяц назад его никто не знал, и вдруг имя медиамагната Фабюса Смитсена оказалось у всех на устах. Вместе с ним появились новые газеты, журналы, кабельные каналы. Все в них было очень остро, честно и по делу. Там загибается ферма — позор чиновникам. Здесь аристократик обрюхатил горожанку и бросил ее — позор зарвавшейся аристократии. Тут дом престарелых с директором-тираном, а вот сенсационное расследование про траты королевской семьи и их роскошные балы, когда в стране кризис и почти голод.

Рудлог был обычным королевством, не лучше и не хуже других, со своими проблемами и узкими местами, а значит, весьма уязвимым для пропаганды. Увы, экономике свойственно развиваться волнами, и материк в данный момент переживал финансовый кризис. Кризисы были и раньше, и куда хуже — беспристрастные цифры говорили о том, что в правление Ирины-Иоанны Рудлог стал второй экономикой мира, а его жители — одними из самых обеспеченных жителей материка. Но людям свойственно смотреть не на цифры, а на свои доходы. И если цены растут, а продажи падают, если жена пилит, что ей не на что купить новую машину, а детей давно пора отвезти на море, то виноваты всегда не абстрактные экономические циклы, а проклятое государство.

Честнейшие и неподкупные новообразованные средства массовой информации били точно в болевые точки — в разницу между аристократией и горожанами, в привилегированное положение первых и трудности вторых. В коррумпированных чинуш, которые в любом государстве жируют на хлебных местечках. Истории о разорившихся предпринимателях были душераздирающими, хотя таких была дай боги десятая доля процента от всех дельцов королевства. Слухи и сплетни о королевской семье и ее окружении преподносились так, что юридически было не подкопаться, а практически народ ужасался и качал головой, читая о выходках избалованных принцесс или их распутной и равнодушной к страданиям простых людей матери.

Народ, спокойно живший при монархии и воспринимавший королевскую семью как национальное достояние и гордость, читая и смотря это, плевался, отворачивался, перелистывал страницы, но потихоньку упорно капающий яд стал разъедать самых нестойких.

В ход пошли и карикатуры, и анекдоты, и юмористические шоу, высмеивающие жизнь короны и аристократии. Однако пресса под-

держивала видимость объективности — некоторые персонажи удостаивались хоть строгой и сдержанной, но похвалы.

Особое внимание уделялось бедственному положению армии. Честные офицеры и солдаты, до этого прекрасно переносившие стандартные тяготы военной службы, вдруг узнали, что им недоплачивают, их недокармливают и вообще не очень уважают. И нельзя сказать, что эти сочувственные статьи не находили отклика в отдельных сердцах.

Пока раскачался тяжеловесный аппарат министерства по делам прессы, пока тревожные звоночки слились в оглушающий набат, новоявленный властитель умов человеческих уже был в Рудлоге если не полноправным хозяином, то одним из самых влиятельных людей. Как его восхождение пропустил тогдашний начальник Управления разведки и госбезопасности, бессменный руководитель Зеленого крыла Игорь Стрелковский, — непонятно. Возможно, он привык к тому, что страна у него под контролем. Хотя позднее анонимные источники утверждали, что часть агентов была перекуплена или запугана и информация к нему поступала с заметным опозданием. А может, он просто пропустил появление внутренней угрозы, сосредоточившись на шпионских играх с коллегами из соседних королевств.

Как бы то ни было, когда Стрелковский спохватился, он уже мало что был в состоянии поменять. Сделал все что смог, и даже больше... но чуть-чуть не дотянул до выигрыша.

Одновременно с Фабиусом Смитсеном в Рудлоге появилась моралистская секта Триединого. Эти товарищи с удрученными от постоянной аскезы лицами объявили себя истинными служителями Творца. Их идея, внедряемая в народ через открываемые моленные комнаты и храмы, а также через предоставляемые независимыми СМИ каналы, была очень проста: все проблемы человека — от его грехов, а проблемы страны — от грехов ее правителей. Мысль была не новой: надо поменять правителя, и желательно на такого, который сам из народа и радеет за народ. Начавшиеся аресты подавались как страдания за правду, и люди стали поначалу тихо, а потом громко роптать, глядя, как кротких монахов с мученическими взглядами сытые и суровые полицейские «пакуют» в автозаки. Не обошлось и без красочных фотографий — огромный стражник избивает стоящего на коленях и плачущего старика-монаха; или братья-монахи молятся, стоя на коленях, — фотография сделана сквозь решетки автозака на рассвете, и лучи восходящего солнца окутывают мучеников неземным светом...

Паровоз истории набирал ход и, срывая тормоза, катил под откос. И только очень проницательный рудложец в этот момент общего раздряя и крушения идеалов смог бы понять, что падение в бездну организованно и вполне управляемо.

— Как это понимать, Игорь? — Королева подняла голову от газеты «Честный день», которую только что просматривала. Ее ухоженное красивое лицо выражало безразличие, когда она аккуратно, как ядовитую змею, откладывала газету на журнальный столик в кабинете начальника разведки.

— Что конкретно вы не понимаете, ваше величество? — уточнил Стрелковский. Вопрос был лишним и играл скорее роль катализатора для выброса монаршего раздражения. А если бы раздражения не было, королева не примчалась бы сюда с утра пораньше, одетая в простые прямые светлые штаны и темно-синюю водолазку, вместо того чтобы вызвать облажавшегося по всем фронтам руководителя Управления госбезопасности к себе на разгон.

— Эта скотина опять распространяет чушь! В прошлом месяце, после Маринкиного выпускного, в этой газетенке написали, что моя дочь с подружкой перепились чуть ли не до зеленых чертей, шлялись по улицам без нижнего белья и приставали к прохожим. А теперь вчерашнее посещение Маринкой клиники описано так, будто она ездила делать аборт, хотя малышка просто забирала витамины для своих лошадей. Ну как люди могут вести себя на этот бред? — И она, вскочив, схватила газету и кинула ее на стол Игорю Ивановичу.

Он посмотрел на проехавшуюся по его бумагам растрепавшуюся газетенку: на главной странице была фотография совершенно спокойно входящей в клинику шестнадцатилетней Марины, сопровождаемой охраной. Любой здравомыслящий человек, критически оценивающий то, что ему показывают, а не то, что услужливо написано снизу, не нашел бы в фотографии ничего свидетельствующего о случившемся или планируемом аборте. Беда в том, что здравомыслящих людей в королевстве, кажется, не осталось. А в кадр будто бы случайно попала вывеска «Гинекологическое отделение».

Огромный заголовок гласил: «Последствия выпускного, или Принцесса Марина опять в беде?». А ниже — фотографии воодушевленной толпы с плакатами «Долой жирующих аристократов» и «Рудлог — народу» на фоне их королевского дворца. Подпись была следящей: «Народовластие уже идет».

— Игорь, — очень жестко сказала королева, необыкновенно привлекательная в этот момент со своими льняными волосами

и воинственным выражением лица, — надо эту богадельню прикрывать. Хватит, наигрались в свободу слова. Я задницей чувствую, что в воздухе витает беда. Через неделю помолвка Ангелины, к воскресенью тут не продохнуть будет от августейших особ. И если, не дай боги, какая провокация случится, то социального взрыва не миновать. Ты же это понимаешь? И так неудобно будет перед коллегами за этот балаган с демонстрантами.

Игорь Иванович, знающий о надвигающейся грозе поболее королевы и понимающий, что все его действия пока никак не купировали организованное наступление на дом Рудлог, постучал пальцами по столу.

— Ваше величество, — повторил он уже многократно сказанное, — необходимо отозвать с застав армию и ввести в городе чрезвычайное положение. Без поддержки армии в городе я не могу сделать ничего. Аресты приведут только к усилению волнений. Вы же помните, на прошлой неделе, когда пришли обыскивать моленную комнату этих... моралистов, на полицейских попытались наложить проклятие гниения. Двое ребят, принявших основной удар на себя, умерли страшной смертью, врагу не пожелаешь такого. И виталист не помог. А только этих старичков стали вязать, набежали журналюжки с фотоаппаратами и камерами, и вуаля — народ возмущен: как так, смиренных монахов обижают. Когда включается инстинкт толпы, мозг людей отключается. И включить его можно только страхом за свою жизнь. Будет тут стоять армия — будет порядок.

Королева заколебалась. Стрелковскому она доверяла больше, чем кому бы то ни было, — он служил практически с начала ее правления и ни разу не дал повода сомневаться в своей верности.

— И попросите поддержки у Высокого Совета, — посоветовал Игорь Иванович, и глаза королевы снова полыхнули яростью, — польстите им, один раз за всю жизнь можно и поклониться этим старперам. Одна вы не выиграете.

Ее величество несколько раз перевела дыхание, успокаиваясь. Ей? Кланяться? Просить кого-то?

— Хорошо, — наконец сказала она, — я дам приказ генералу Бельведерскому о выдвигении армейских частей к столице. Но армия в город зайдет только после того, как уедут последние высокие гости, чтоб их! А ты, Игорь, — она посмотрела на него холодным взглядом, пробравшим до пяток, — избавь наконец меня от этих сектантов, и от господина Смитсена тоже. Я устала жить как на пороховой бочке, ожидая, когда страна покатится к черту.

Стрелковский наблюдал, как она сжимает кулаки — красивые пальцы, ухоженные руки — сколько раз он уже видел этот жест, которым королева пыталась усмирить свой фамильный гнев.

— Ваше величество, я сделаю все, что в моих силах. Но вам нужно быть осторожной. И подумайте о том, чтобы отложить празднование помолвки Ангелины. В данных обстоятельствах мы не можем гарантировать безопасность гостей.

Взгляд Ирины снова заledenел, но она усилием воли справилась с собой и кивнула, соглашаясь.

— Я верю в тебя, мой друг. Ты сможешь защитить меня и девочек. И я буду очень благодарна тебе, если ты безболезненно выведешь страну из этой ситуации.

И она, эта непостижимая женщина, встала и вышла, как всегда — с прямой спиной и высоко поднятой головой, оставив за собой резкий и соблазнительный, как вкус апельсинового мороженого, запах духов.

Стрелковский, уже испытавший ранее и холод, и ярость королевы, в который раз подивился воздействию, которое она оказывала на окружающих. Особенно окружающих мужчин. Он доподлинно и точно знал, кто и когда побывал в ее постели, и, хотя отмеченные благосклонностью молчали как заговоренные, во дворце шила в мешке не утаишь — всегда найдется тот, кто что-то видел или слышал. Удивительно, как это терпел муж, хотя какое ему, Игорю, дело. Его дело — выбить почву из-под ног господина Смитсена, принесла же того нелегкая в Рудлог.

И он в который раз стал просматривать досье Смитсена, пытаюсь нащупать что-то важное, что каждый раз ускользало от него. То, чем медиамагната можно было подманить, подсесть и публично завалить как особо опасного зверя. Так, чтобы никто и пикнуть не посмел, что его арестовали не по делу. Тогда, лишившись источника и опоры в виде полноводного потока финансирования, рухнут и медиаубийцы, разойдутся по домам протестующие, исправно получающие от смитсеновских фондов горячее питание и одежду. Да и кроткие монахи без арендуемых молельных комнат и строящихся храмов тихо сойдут на нет — все-таки они питаются не святым духом, да-ром что аскеты.

Убрать олигарха, так сказать, физически не представляло особой сложности, несмотря на его многочисленную охрану. Однако убийство ничего не решит — ну будет вместо Смитсена его заместитель Щеглов, и ничего не изменится, кроме того, что все подконтрольные смитсеновскому холдингу СМИ будут вопить о политическом заказ-